ГУБЕРНСКІЙ ДОМЪ

КОСТРОМА 850 ЛЕТ

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

5-6/98 (30-31)

Журнал, выходящий в канун 850-летия г. Костромы и в год 785-летия ее первого упоминания в летописи, повествует о начале (возникновении и становлении) города, его политической, государственной и военной истории, духовной и общественной жизни, участии костромичей в значительных событиях русской истории.

Глава А

Кострома изначальная. На страницах русских летописей.
Город и его святыня. Великий князь Василий Ярославич.

Глава Б

Стольный город. Из писцовой книги. Костромской кремль.
Слободы в Костроме. Древние городские монастыри.

Глава В

Колыбель рода Романовых. "От великого князя..., от царя всея Руси..." (документы времени). Князь Пожарский в Костроме.
Родословие бояр Романовых и Шестовых. Нравы костромичей в XVII веке.
Самодержцы в Костроме. Попечением наместников.
Имя в русской истории — Иван Васьков, Александр Румянцев.
Опыт городского самоуправления.

Глава Г

Центр губернии. Дом Дворянского собрания и пансион Анны Матье.
Из рукописной летописи Успенского кафедрального собора.
Пожары в Костроме. Жизнь и смерть Матренушки-босоножки.
Костромские древности. Памятник Сусанину из... шоколада.
Костромской дневник императора Николая II.
Воспоминания командира отдельного корпуса жандармов.
"Костромские" полки российской армии.

Учредитель — администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, Костромской областной фонд обязательного медицинского страхования, объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

Кострома на старинных гравюрах.
Часовня у Святого озера. Ипатьевский монастырь.

1152 г. Костромской летописец 1413 г.

1152 г. — Дата основания г. Костромы ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким. Согласно историку В.Н. Татищеву.

1213 г. — Первое летописное известие о Костроме. Ростовский князь Константин напал на Кострому — сжег ее, а жителей увел в плен — как на город, принадлежавший владимирскому князю Юрию.

1238 г., февраль. — Разгром Костромы Батыевым отрядом.

Сер. XIII в. — Возведение в Костроме первой крепости.

1247-1276 гг. — Кострома — стольный город самостоятельного удельного княжества.

1241-1276 гг. — Годы жизни первого костромского князя Василия Ярославича "Мизинного".

Сер. XIII в. — Появление в Костроме чудотворной иконы Федоровской Божией Матери.

Начало 60-х гг. XIII в. — Битва у Святого озера костромичей, возглавляемых князем Василием Ярославичем, с ордынским отрядом.

60-е гг. XIII в. — Строительство в Костроме в честь явления иконы Федоровской Божией Матери церкви Христа Спасителя на Запрудне и основание, по преданию, собора в честь Успения Божией Матери.

1265 г. — Венчание в Костроме в соборной церкви во имя великомученика Федора Стратилата первого князя костромского Василия с дочерью литовского князя Витовта.

1272-1276 гг. — Князь Василий Костромской — великий князь Владимирский.

Посл. четв. XIII в. — Основание Ипатьевского монастыря костромским вотчинником Захария, родоначальником Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых.

1276 г. — Умер князь Василий Ярославич Костромской и похоронен в церкви во имя великомученика Федора Стратилата.

1293 г. — Княжение в Костроме сына великого Владимирского князя Дмитрия Александровича Ивана, внука Александра Невского.

1303 г. 25 февраля. — В Костроме скончался и был похоронен 3-й костромской князь Борис, сын великого Владимирского князя Андрея Александровича, внук Александра Невского.

1304 г. 23 июля. — Сгорела древняя соборная церковь во имя великомученика Федора Стратилата.

1304 г. — "Вечевая замятня" в Костроме в период борьбы за великокняжеский Владимирский стол тверского князя Михаила Ярославича и московского Юрия Даниловича.

1317 г. — Стояние на Волге у г. Костромы враждующих князей Михаила Тверского и Юрия Московского.

1317 г., осень. — Кострома — место соединения всех сил Юрия Московского для борьбы с Михаилом Тверским.

1318 г. — В Костроме было убито 120 человек ханским войском во главе с послом Кокча.

1328 г. — Кострома с Новгородом Великим отдана Ивану Даниловичу Калите по разделу великокняжеской территории, произведенному ханом Узбеком.

1330 г., март. — В Костроме проходил поместный собор Северо-Восточных епископов под руководством митрополита Всея Руси Феогноста.

1360 г. — "Съезд на Костроме" князей русских во главе с великим князем Владимирским Дмитрием Константиновичем и послом Жукотинским из Орды о поимке новгородских разбойников и прекращении их разбоев на Волге.

1362 г. — Кострома в составе слившейся при князе Дмитрии Ивановиче (Донском) территории Великого Владимирского княжения и Московского княжества.

1364 г. — Моровая язва (чума) в Костроме.

1371 г. — Кострома взята новгородскими ушкуйниками.

1375 г. — Правит воевода г. Костромы Александр Плещей.

1375 г. — Кострома взята и разграблена новгородскими ушкуйниками под начальством Прокофия и Смолнянина. Костромской воевода Александр Плещей позорно бежал с поля боя. Костромской полон продан ушкуйниками в Булгарах.

1380 г. — Костромская рать под началом воеводы Ивана Родионовича Квашни участвует в Куликовской битве.

1382 г. — В Костроме укрывается великий Московский князь Дмитрий Донской во время нашествия Тохтомыша на Москву.

1386 г. — Костромская рать участвует в походе великого князя Московского Дмитрия Донского на Новгород Великий за разбой, учиненный ушкуйниками в Костроме и Нижнем Новгороде в 1375 г.

1408 г. — В Костроме укрылся великий Московский князь Василий Дмитриевич во время нашествия Едигея.

1413 г. — Сгорел первый костромской кремль при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы.

КАК ВЫРОС ГОРОД

Проблема возникновения города связана с решением двух основных вопросов: о появлении поселка первопоселенцев и о времени накопления им городских черт. Город мог вырасти из родоплеменного центра, вокруг крепости, из центра волости. Мог он возникнуть и как результат единовременного строительного акта. В последнем случае оба вопроса, связанные с проблемой возникновения города, занимают непродолжительный промежуток времени.

Средневековый древнерусский город представлял собой социально-экономический организм со своей структурой, планировкой. Структура развитого города включала в себя укрепленный детинец, торгово-ремесленный посад и прилегающие слободы. Не все города Древней Руси возникали сразу с развитой внутренней структурой. В ряде случаев процесс формирования городской структуры растягивался на продолжительный промежуток времени. В этом смысле населенные пункты с неразвитой городской структурой могут считаться городами довольно относительно. Таким образом, вопрос о времени возникновения города связан с проблемой становления у него городских структурных элементов. Период от момента возникновения поселения до формирования у него развитой городской структуры может называться догородским.

Кроме того, город должен был обладать рядом социально-экономических показателей: выступать в качестве центра ремесла, торговли, административного управления, средоточия культовых объектов, местонахождения боярско-княжеского сословия, места концентрации культурной жизни.

В зависимости от наличия и особенностей городской структуры, действия на развитие города тех или иных градоформирующих факторов историю Костромы можно разделить на несколько этапов:

1. До середины XIII в. (от появлении на месте Костромы поселка первопоселенцев до строительства первого костромского кремля).

2. Сер. XIII в. — 1416 г. (период между строительством первого и второго костромских кремлей).

3. 1416-1781 гг. (от строительства второго костромского кремля до начала реализации регулярного плана перестройки Костромы):

   а) 1416-1619 гг. (до пристройки ко второму кремлю дополнительных укреплений Нового города),

   б) 1619-1781 гг.

Предмет нашей статьи охватывает первый этап формирования Костромы. Он характеризуется следующими чертами. Ранний поселок первопоселенцев сразу приобретает ремесленно-торговый характер. Быстро начинает формироваться усадебно-дворовая застройка. Однако на этом этапе не прослеживаются сколь бы то ни было серьезные фортификационные укрепления. Основной вопрос этого периода — время появления поселка первопоселенцев.

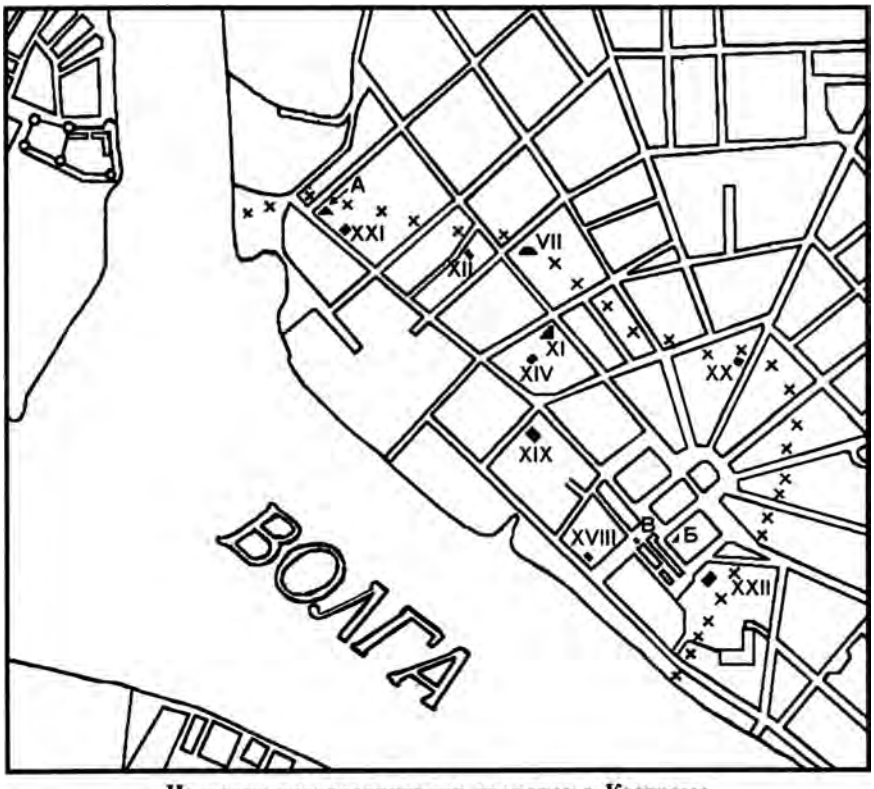
Первым мнение о времени основания Костромы высказал В.Н. Татищев в "Истории Российской". В.Н. Татищев считал, что Кострома возникает в результате строительной деятельности Юрия Долгорукого в 1152 г. Появление Костромы представляется, таким образом, как единовременный строительный акт. В подобных случаях речь шла о строительстве детинца, под стенами которого со временем возникал ремесленно-торговый посад.

Другая точка зрения была высказана отечественными историками советского времени — А.Н. Насоновым и В.А. Кучкиным. Последние привлекли сведения о походах волжских булгар на города Северо-Восточной Руси в XII в. и отметили, что волжские булгары

не знали городов на костромском участке Волжского пути. По мнению исследователей, Кострома могла возникнуть в последней четверти XII в. (А.Н. Насонов) или в период правления Всеволода Большое Гнездо (1176-1212 г.).

Слабость того или иного взгляда на время появления города основана на отсутствии археологических подтверждений. Сильная сторона данных археологии заключается в том, что древние вещи в своих формах имеют определенный период бытования и могут датировать исследованный объект или слой.

Ряд единичных находок позволяет говорить о существовании в устье р. Костромы в середине XII в. и даже ранее поселения. К ним относятся золотостеклянная цилиндрическая бусина в комплексе, исследованном М.В. Фехнер в 1951 г., железное калачевидное кресало с язычком, бытование которых по новгородской хронологии завершается к концу XII в., конусовидная подвеска и бубенчик с крестовидной прорезью, которые могут быть датированы даже ранее XII в. Причем в ранних городских слоях XII в. встречаются и стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ремесленный инструментарий кузнецов и ювелиров, а также сами изделия ремесленников. Тогда же начинает складываться и усадебно-дворовая застройка Костромы. Все это указывает на ремесленно-торговый характер поселения в XII в., приобретающего структурные элементы города.

Из плана археологических раскопов в Костроме с материалами XII-XIII вв.
1. Раскопы: VII — ул. Спасокукоцкого (могильник XI в.), XI — ул. Комсомольская, XII — Тесный пер., XVIII — ул. 1-е Мая, XIX — ул. Пятницкая, XX — ул. Ленина, XXI — ул. Островского, XXII — парк культуры.
Местонахождения: А — Гноище, Б — Красные ряды, В — Молочная гора.
2. — границы города к концу XIII в.

О существовании в устье реки Костромы какого-то поселения указывает и некрополь у автотранспортного техникума на ул. Спасокукоцкого, который был датирован М.В. Фехнер XI в.

Однако данные археологии указывают, что в Костроме XII в. каких-либо серьезных фортификационных сооружений не прослежено. Единственное удобное для возведения крепости место на мысу, образованном впадением рек Костромы и Сулы в Волгу, в XII в. было занято дворовой застройкой. В XIX раскопе на ул. Пятницкой участок, где позднее в середине XIII в. был прорыт южный ров крепости, в XII в. находилась усадьба. Здесь в одной из хозяйственных ям были обнаружены стеклянные браслеты, железные ножницы. И лишь к середине XIII в. на месте бывших дворов воздвигаются укрепления первого костромского кремля.

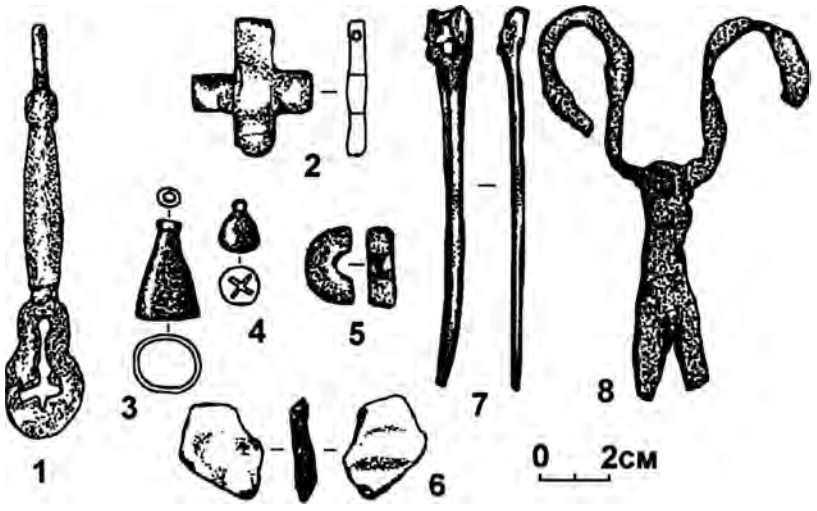
Таким образом, мнение о возникновении Костромы в результате единовременного строительного акта не имеет под собой никаких оснований. С другой стороны, точка зрения А.Н. Насонова и В.А. Кучкина делает Кострому более поздней, чем было на самом деле.

Строительство первого костромского кремля в середине XIII в. не только завершило определенный этап в развитии Костромы, придав ей завершенный городской вид, но и дало новый импульс в соци-

ально-экономическом и политическом росте.

К середине XIII в. Кострома располагалась в левобережье Волги и тянулась по левому берегу реки Костромы до устья реки Сулы и ниже по течению Волги. Северо-западная граница города достигает т.н. Гноища (перекресток современных улиц Островского и Терешковой). Здесь была обнаружена характерная для XII-XIII вв. керамика. Более интересные сведения о городской застройке в этом месте были получены на XXI раскопе, где в предматериковых слоях и ранних комплексах обнаружены предметы, датирующиеся XII — началом XIII вв. (ключ типа А, по Колчину Б.А., и др.). Находки XIII в. прослеживаются вдоль проспекта Текстильщиков (Спас-Подвязный раскоп на Тесном переулке, XI раскоп на углу проспекта Текстильщиков и ул. Комсомольской). Северная граница города может быть прослежена по материалам XX раскопа на ул. Ленина, где выявлены предметы ювелирного дела (глиняные тигли), глиняные сопла, шиферное пряслице и другие предметы, бытовавшие в XIII в.

Восточная и юго-восточная граница городских территорий еще до недавнего времени прослеживалась довольно условно. Новые данные позволили в значительной степени уточнить ее. На территории Красных рядов была обнаружена характерная для XIII в. серо-глиняная керамика с линейно-волнистым орнаментом. При археологических наблюдениях во время инженерных работ на Молочной горе была обнаружена аналогичная керамика. Причем слой этого времени здесь ярко выражен и имеет достаточную мощность, что указывает на интенсивный характер городской жизни. Здесь же на Молочной горе выявлены остатки частоколов, стратиграфически относящихся к XIII в. Во время археологических раскопок в парке культуры и отдыха во рву второго костромского кремля в переотложенном состоянии также обнаружена керамика XIII в. Таким образом, восточный рубеж города проходит по территории парка культуры и отдыха.

Датирующие находки XII-XIII вв.:
1. железный ключ (раскоп XXI); 2. шиферный крест (раскоп XI);
3. конусовидная привеска, 4. конусовидная привеска
с крестовидным вырезом (раскоп XIV);
5. шиферное пряслице, 6. кашинная керамика (раскоп XX);
7. костяная проколка, 8. железные ножницы (раскоп XIX).

Застройка проходила не только по коренной террасе левого берега Волги, но и по ее склонам, охватывая и первую террасу. Об этом говорят материалы большого количества археологических наблюдений и раскопа XVIII по ул. 1-го Мая. В последнем прослежена усадебно-дворовая застройка с материалами XIII в.

Картографирование находок XIII в. на современную административно-территориальную карту города позволяет определить площадь города к концу XIII в. Кострома к этому времени охватывала территорию около 100 га. Последнее обстоятельство выводит Кострому из ряда провинциальных мелких городов Северо-Восточной Руси и ставит на одну ступень со стольным Владимиром, Ростовом Великим, Переяславлем Залесским.

Таким образом, в настоящее время позволительно делать следующие выводы:

1. Кострома возникает в качестве ремесленно-торгового поселения в XII в. (возможно, в его начале), а появление первопоселенцев может быть отнесено и к концу XI в., судя по некрополю на ул. Спасокукоцкого.

2. Формирование городской структуры завершилось к середине XIII столетия.

3. К концу XIII в. Кострома была значительным городом, занимая площадь около 100 га.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

КОСТРОМА
НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Летописи и летописцы всегда считались символами истории. Однако среди историков, особенно в последнее время, стало модно подвергать их сомнению. Пишут об их недостоверности, компилятивности, субъективности...

Но история летописей знает имена ученых, отдавших жизнь на их изучение, многие труды которых вышли уже после их смерти. А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов... Они заложили основы изучения летописного материала, наметили пути их исследования, они открыли для нас новые летописи.

Да, они признавали компилятивность поздних летописных сводов, но компиляцию чаще всего бережную, продуманную, позволяющую открывать и восстанавливать предшествующие древнейшие своды. Да, они признавали субъективность летописей, ведь писали их не отшельники. Как отмечал А.А. Шахматов, рукой летописца, как княжеского, так и монастырского, управляли политические страсти и мирские интересы. Но они никогда не признавали недостоверности летописных известий, наоборот, подчеркивали их "драгоценность" и "необходимость" для изучения прошлого, потому что для многих периодов русской истории только в этом источнике мы можем черпать факты и последовательность событий. (1)

Летописцы оставили для памяти потомству сведения о военных походах и битвах князей, о защите ими границ своих от врагов, о постройке городов и церквей, о дипломатических переговорах и княжеских семейных событиях.

Древнее имя нашего города встречается во многих летописях, как в самых ранних из дошедших до нас сводах Северо-Восточного летописания, так и в поздних XVI-XVII веков. Лаврентьевская и Воскресенская, Новгородские и Симеоновская, Софийская I и Московские великокняжеские своды... В некоторых из них имеются короткие строки о Костроме, в других имя нашего города не сходит со страниц. Но что парадоксально: в летописи, которая хранилась в Костроме в Ипатьевском монастыре вплоть до начала XIX века и которая носит название по монастырю — Ипатьевская, нет ни строчки о Костроме.

Давайте же заглянем на страницы русских летописей и посмотрим, что же они расскажут нам о родном городе. Впервые в летописях Кострома упоминается в начале XIII века. Летом 1213 года в Костроме произошли трагические события: город был сожжен и население его уведено в плен. "Начать Костянтин опять рать замышляти на братью, Георгий же поима братью, Ярослава, Святослава, Иоана и Давыда Муромского, и идоша на нь к Ростову; слышав же Костянтин, и посла полк свой на Кострому и пожже ю всю, а люди изымаша".(2) Князь Константин напал на Кострому как на город, принадлежавший его брату, владимирскому князю Юрию. Предысторию этого междоусобия можно проследить по летописям. Князь Константин как старший сын великого Владимирского князя Всеволода Большое Гнездо должен был стать его преемником и сесть на Владимирский стол. "Посла князь великий Всеволод по сына своего Костянтина в Ростов, дая ему по своем животе Володимерь, а Ростов Юрью дая..." Но Константин "не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря к Ростову". Тогда великий князь Всеволод "да сыну своему Юрью Володимерь по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси людие на Юрии..."(3) Это предрешило дальнейшую почти пятилетнюю вражду братьев. "Костянтин же слышав то, и воздвиже брови своя на братию свою..." и ..."нача рать замышляти на Георгия..."(4)

Подробный рассказ об этих событиях доносит до нас Воскресенская летопись I половины XVI века, в основе которой лежат известия Московского свода 1479 г., восходящие к более ранним летописям — Софийской I, Лаврентьевской, Новгородским.

Почему же на страницах Лаврентьевской летописи, составленной в нач. XIV века здесь, на Северо-Востоке, мы не находим упоминания о нашем городе? Оказывается, события княжеской вражды нач. XIII века описаны в ней совсем по-иному, они замалчиваются, рисуются в виде миролюбия и согласия. Такая трактовка событий объясня-

ется тем, что описание их попало в Лаврентьевскую летопись из Ростовских летописей, составленных при князе Константине и его сыновьях. Трудно сказать, когда это произошло: может быть, в 1239 г., когда на великокняжеский стол сел Ярослав Всеволодович и предпринял попытку описания всей истории Владимиро-Суздальского края на ростовском и владимирском материале (5); может, в 1281 году, когда перед угрозой нового длительного междоусобия двух братьев — сыновей Александра Невского — Дмитрия и Андрея летописец пожелал, используя ростовский материал, подчеркнуть идею княжеского единения, мысль о том, что во времена дедов князья-братья действовали в согласии между собой и всякий конфликт заканчивался миролюбивым соглашением, "великой любовью". (6)

Первое летописное известие о Костроме рисует город уже сложившимся поселением. Он есть, существует, живет. Но чем он живет, дышит, где он расположен, какой он, чем занимаются его жители — на эти вопросы невозможно ответить, изучая летописи. Эти вопросы оставались вне поля зрения летописцев.

Только археолог, добывая из земли предметы, вещи, сделанные руками людей предшествующих нам поколений, изучая их, способен помочь исследователю летописей. Только археолог способен нарисовать картину жизни древнерусского города и его населения. Но и он не ответит на вопрос о дате рождения Костромы.

Многие возразят — а как же 1152 год? Исследовав все летописи, вы не найдете на их страницах этой даты.

Лишь в XVIII веке в труде ученого Василия Никитича Татищева "История Российская" она появляется впервые и существует доныне, ничем не подтвержденная. Можно только надеяться, что будущие историки найдут, подобно Карамзину и Мусину-Пушкину, открывшим Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи, новые летописные тексты, в которых встретится запись "Заложи град" Кострому... Впрочем, есть в летописях такие строки: "Того же лета град Кострома заложен бысть..." (7) Но относит их Троицкая летопись к 1416 году. Действительно, в этом году на высоком берегу Волги по грамоте великого Московского князя Василия Дмитриевича была заложена вторая костромская крепость.

Первая же крепость, расположенная при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы, погибла во время пожара 1413 года. Многих событий была она свидетелем, видела и князей, строивших ее, и врагов, разрушавших ее. Первая деревянная крепость, площадью чуть более гектара, с насыпными земляными валами и рвом шириной до 18 метров и глубиной до 4-х (8), была сооружена в Костроме, видимо, в сер. XIII в. и связана с именем великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича — отца первого костромского князя Василия. Церковь во имя великомученика Федора Стратилата, святого — покровителя Ярослава Всеволодовича, родившегося 8 февраля, в день Федора Стратилата, и получившего крестильное имя Федор, возвышалась внутри кремля. Церковь эта неоднократно упоминается в летописях. Например, 23 июля 1304 года, как свидетельствует Воскресенская летопись, "бысть гром страшен и туча велика от востока, и удари гром в маковицу святого Федора на Костроме, и зажже ю, и згоре до вечерни". (9)

В этой церкви венчался и был погребен первый костромской князь Василий Ярославич.

После первого летописного упоминания о Костроме в летописях наступает перерыв в известиях о нашем городе до середины XIII века. В это время Кострома становится центром самостоятельного удельного княжества, и летописные записи рассказывают нам о жизнедеятельности костромских князей. Их было, согласно летописям, трое. Великие Владимирские князья выделяли Кострому в удел, отдавая ее своим сыновьям.

Первым князем в Костроме был сын Ярослава Всеволодовича — Василий, родившийся в 1241 году и ставший самостоятельным князем через 6 лет. В 31 год костромской князь наследует великий Владимирский престол, а в 1273 году, после вооруженной борьбы со своим племянником, переяславским князем Дмитрием Александровичем, утверждается в Новгороде Великом. Зимой 1276 года Василий умер и был похоронен в своем удельном владении. (10)

Именно летописи помогают нам разрешить один из спорных вопросов в истории нашего города: была ли Кострома "столицей всего российского государства" (11), как утверждают краеведы, во время великого княжения костромского князя Василия Ярославича?

Патриаршая Никоновская летопись XVI века, в которой ученые отмечают сохранение текстов более древних летописей и значительное количество оригинальных известий по русской истории, (12) дает описание событий великого княжения Василия Ярославича, перепитий борьбы его за Новгородский стол. Она пять раз упоминает город Владимир как место пребывания великого князя, место, куда приходит он с полоном из военных походов и из Орды. (13) Да, Кострома оставалась его уделом, возможно, он приезжал в свой город, жил здесь, укреплял его, способствовал его развитию, но вся его деятельность как велико-

го князя связана, конечно, с Владимиром — уже в то время значительным политическим и общерусским идеологическим центром. Не случайно корифей нашей исторической науки С.М. Соловьев, повествуя о годах великого княжения Василия Ярославича, отмечал, что "кратковременное пятилетнее правление Василия Ярославича не позволило ему усилить Костромское княжество". (14) Усилить не экономически, конечно же, а политически, чтобы вступить в борьбу за первенство, за право называться столицей великого княжества.

К сожалению, нашему городу во многом в истории не повезло. Не повезло с крепостями: было их две, но ничего от них не сохранилось; не повезло с князьями: не сложилось в Костроме в те далекие времена княжеской династии. В 1276 году Василий Ярославич умер, не оставив наследника, и Костромское княжество перестает существовать, его территория переходит в руки великого Владимирского князя.

Вторым костромским князем, согласно летописям, был сын тоже великого Владимирского князя Дмитрия Александровича, внук Александра Невского, Иван. В 1293 году "... сиде на Костроме князь Иван Дмитриевич" (15), — гласит запись Троицкой летописи. Но княжение его было непродолжительным. В 1294 году, после смерти своего отца, Иван получает из рук дяди своего, Андрея Александровича, отчину — Переяславль Залесский.

Согласно Лаврентьевской летописи, в 1303 г. "месяца февраля в 25 день, в понедельник представися Борис князь, сын Андреев, на Костроме" (16) — третьим костромским князем был сын великого князя Владимирского Андрея Александровича, тоже внук Александра Невского, Борис. Считается, что указанные в летописях места кончины князей означали, как правило, места их княжения. Где же захоронен костромской князь Борис Андреевич в Костроме, неизвестно. Можно только предположить, что это была или церковь Федора Стратилата — древняя соборная церковь, где лежал первый костромской князь Василий, или Успенская церковь, построенная, согласно преданию, по приказу князя Василия в честь явления ему чудотворной иконы Федоровской Божией Матери.

Возможно, не сложилась в Костроме сильная княжеская династия, поскольку великие князья Владимирские не хотели упускать наш город из своих рук, из своего поля зрения, сажая сюда одного из своих сыновей. Это и понятно, если взглянуть на карту великого Владимирского княжения. Кострома, расположенная на северо-восточных границах, в Поволжских лесах, должна была стать и пограничной крепостью, и местом возможного сокрытия от врагов. Прямой Волжский путь соединял Кострому с Ярославлем, Тверью, Нижним Новгородом — центрами самостоятельных от Владимира княжеств.

Эта же традиция держания за собой Костромы, использования ее как стратегической крепости была продолжена позже, во времена борьбы за первенство московских князей. Одна фраза из Никоновской летописи, относящаяся ко времени междоусобия великого Владимирского князя Михаила Тверского и московского князя Юрия Даниловича, подтверждает это: бояре князя Михаила "стрегоша тогда на Костроме великого князя Юрья Даниловича Московского, но он проиде иным путем ко царю в Орду". (17) Не случайно стерегли князя у Костромы: удобное расположение города на изгибе Волги и при впадении в нее реки Костромы позволяло контролировать проходившие по рекам суда.

Особенно часто имя Костромы упоминается в летописях XIV века, в период борьбы московских князей за великокняжеское Владимирское княжение. К началу XIV века в состав его входили Владимир с Боголюбовым и Ярополчем, Кострома, Переяславль, Юрьев — все города с относившимися к ним волостями, Сретенская половина Ростова, а также некоторые вологодские волости и великокняжеские части в Торжке и Волоке Ламском.

Смерть 27 июля 1304 года великого князя Андрея Александровича и завещание им Владимирского стола двоюродному брату тверскому князю Михаилу Ярославичу вызвали многолетнее соперничество Твери и Москвы. "И съпростася два князя о великом княжении, князь великий Михайло Ярославич Тверьский и князь Юрьи Данилович Московский". (18) Спор свой князья отправились решать в Орду, по дороге в которую тверичи и надеялись поймать князя Юрия под Костромой. Костромские бояре были на стороне Михаила. И летописи свидетельствуют, что сюда, в Кострому, князь Юрий отправляет своего родного брата Бориса Даниловича, видимо, с целью укрепления здесь своих позиций, но Борис был схвачен и увезен в Тверь. (19)

Пока князья решали свою судьбу в Орде, во многих городах — Новгороде Великом, Нижнем, Переяславле, Костроме — произошли столкновения сторонников 2-х враждовавших князей. В Костроме дело дошло даже до убийства: "Того же лета бысть вече на Костроме на бояр на Давыда Явидовича, да на Жеребца и на иных, тогда же Зерна убиша Александра". (20) Александр Зерно был представителем крупнейшего костромского боярского рода, отец его — Захария — основал Ипатьевский монастырь, а потомки — Сабуровы и Годуновы — играли важ-

ную политическую роль при дворе московских государей.

В 1305 году Михаил Ярославич вернулся на Русь великим князем Владимирским, а в 1307 году занял и Новгородский стол. Через 10-ть неспокойных лет, заполненных "сечами злыми", походами в Орду, борьба между князьями возобновилась. В 1317 году князь Юрий, женившись на сестре хана Кончаке, пришел из Орды на великое княжение с послами татарскими "силных зело именем Кавгадыя, Астрабыла и Острева". Против них выступил великий князь Михаил с князьями Суздальскими, "собравъшеся со многими силами идоша противу их, и сретоша их у Костромы и стояше о Волзе долго время". (21)

Долго стояли войска друг против друга на противоположных берегах, пока не примирились: Михаил Тверской уступил великое княжение Юрию: "Аже дал царь тебе великое княжение, то и азъ отступаюся тебе, княжи..., но в мою опришнину не вступайся, и распусти вся воя своя, и поиде во свою отчину с домочадци своими". (22)

Осенью 1317 года Кострома стала местом соединения всех сил Юрьевых. "Князи Суздальстии... идоша к нему... на Кострому, тоже и инии князи идоша к нему на Кострому, и многи силы идоша к нему на Кострому..." (23)

Объединенное войско в начале зимы двинулось из Костромы через Ростов к Твери. "...И бысть сеча зла... и одоле князь Михайло... победи силу великую княж Юрьеву..." (24) Была достигнута договоренность между князьями: вновь ехать в Орду для решения спорного вопроса. В связи с этими событиями и гибелью в Твери сестры хана Кончаки, принявшей христианство под именем Агафьи, в 1318 году хан посылает на Русь войско во главе с послом Кокча — "посол лют" — "и убил сто и двадесять человек у града у Костромы" и "оттоле шед пограби город Ростов, и церковь святую Богородицу разграби, и монастыри пожже, и села и люди плени..." (25)

22 ноября 1318 года в Орде князь Михаил Ярославич Тверской был убит. Великокняжеский Владимирский стол теперь уже законно перешел в руки московского князя Юрия Даниловича. События борьбы двух князей говорят о важной роли Костромы в их действиях.

Русские летописи позволяют проследить этапы и время, когда Кострома связала свою судьбу с Москвой, и понять значение нашего города для будущей столицы русского государства.

Территория великого княжества Владимирского не была неизменной. Она постепенно расширялась, и это способствовало экономическому и политическому усилению князей, занимавших стол во Владимире. Это, конечно же, было чревато опасными последствиями для господства ордынских ханов. Поэтому после тверского восстания 1327 г., вызванного насилием ордынского посла Щелкана, Орда активно вмешивается в формирование территории великого княжества. Хан Узбек делит его земли на 2 части и отдает "...князю Ивану Даниловичу Новгород и Кострому, половину княжения, а суждальскому князю Александру Васильевичу дал Володимер и Поволжье..." (26) Показательно, что Кострома, во все времена тесно связанная с Владимиром и являвшаяся по существу великокняжеским городом, была отдана Московскому князю Ивану Калите. Такое деление просуществовало до смерти Александра Васильевича Суздальского в 1332 году, после чего Иван Данилович Калита в одну из своих поездок в Орду получил власть над всей "Русьскою землею".

Еще большее значение Кострома приобретает при Дмитрии Донском. Отрезанное от всех магистральных путей и особенно от волжского пути, крепнущее Московское княжество находилось в худшем положении по сравнению с соперничающими городами — Тверью, Рязанью, Новгородом. Кострома была превращена московским князем Дмитрием Ивановичем в опорную базу против Твери и обоих

Городище на реке Суле. Первоначальное место г. Костромы. Со старинной гравюры.

Новгородов. Кострома связывала Москву с Галицкой землей — одним из главных соледобывающих центров Руси, через Тотьму с Устюгом Великим. Через Кострому проходили пути в богатое новгородское Заволочье. Как и раньше, Кострома давала возможность использовать волжский путь в обход Оки, занятой Рязанью. Город, оседлывая Волгу, держал все тверские пути и обходный путь новгородцев по р. Костроме.

Не случайно именно в нашем городе укрылся от хана Тохтамыша в 1382 году Дмитрий Донской, а позже, в 1408 году, — его сын Василий Дмитриевич во время нашествия на Москву Едигея. (27) Побывав в Костроме, он дал разрешение на строительство новой, более мощной крепости.

В 60-е гг. XIV в., когда ясно обозначился политический упадок Орды и процесс консолидации территорий на русском Северо-Востоке взял верх, внук Ивана Калиты, московский князь Дмитрий Иванович, "всех князей русских привожаша под свою волю, а которыа не повиновахуся воле его, а на тех нача злобою посегати..." (28) При нем произошло воссоединение в единое целое великого княжества Владимирского и Московского княжества. С 1375 года ордынские ханы перестали выдавать ярлыки на великокняжескую территорию князьям немосковского дома.

Москва, таким образом, утвердила за собой роль и значение территориального и национального центра формировавшегося русского государства.

Кострома как город, входивший в состав Владимирской великой территории, стала частью этого нового образования, а по существу, частью территориального ядра будущего Московского государства.

Так же часто упоминают летописи наш город в I половине XV века во время феодальной войны, затеянной галицко-звенигородскими князьями, пытавшимися отстоять свое право на московский трон. Кострому попеременно занимали то войска московского князя Василия Васильевича, то мятежные силы Юрия Дмитриевича и его сыновей — Василия Косого и Дмитрия Шемяки.

В 1435 году в ходе сложных противоречивых событий этой войны на страницах летописей впервые упоминается Ипатьевский монастырь. На мысу у Святого Ипатия было подписано мирное соглашение между великим Московским князем Василием Васильевичем и галичским князем Василием Юрьевичем.

Много горестных страниц в истории костромских крепостей, много им пришлось пережить: и нападение Батыевых отрядов в феврале 1238 года — "Татарове же попленишa Володимер и поидоша на великого князя Юрия, окаaннии ти кровопивцы, овии идоша к Юрьеву, к Ростову, к Костроме... и те все грады плениоваху все по Волзе, идеже и до Галича Мерьскааго". (29); и разграбление новгородскими ушкуйниками в 1371 и 1376 годах; и набеги казанских татар.

Крепости неоднократно горели и в 1493 году, и в 1521 году.

Страдали костромичи от голода и моров. Особенно тяжелы были 20-е годы XV века, когда за моровой язвой 1420 года, до такой степени опустошившей Кострому, Галич, Плес, что хлеб на полях остался несжатым, в 1422 году наступил голод, когда оков ржи, состоящий из 4-х четвериков, почти приравнивался в Костроме по цене к фунту серебра. (30)

Как свидетельствуют летописи, Кострома всегда была свидетелем и активным участником многих исторических процессов, происходивших в Русском государстве. В отдельные периоды роль нашего города усиливалась, он приобретал особое значение в процессе развития российской государственности.

И конечно же, история Костромы, как любого древнерусского города, восстанавливается лишь при изучении целого комплекса источников — летописей и других документов, археологических материалов, памятников духовной культуры.

Светлана ВИНОГРАДОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Приселков М.Д. История русского летописания. XI-XV в.в. СПб. 1996. С. 35.
2. Полное собрание русских летописей. (Далее — ПСРЛ). СПб. 1856. Т. VII. С. 119.
3. Там же. С. 117.
4. Там же. С. 117-118.
5. Приселков М.Д. Указ. соч. С. 144-145.
6. Насонов А.Н. История русского летописания (XI — нач. XVIII вв.) М. 1969. С. 192-195.
7. ПСРЛ. Т. 1. С. 235.
8. Алексеев С.И. Древняя Кострома (становление города) // Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. Кострома. 1998. С. 25.
9. ПСРЛ. Т. VII. С. 184.
10. ПСРЛ. Т. 1. С. 201. Новгородская I летопись (далее — НПЛ). С. 322.
11. Сумароков Н. История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем. Лл. 28 об.
12. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси. кон. XIII— нач. XV вв. М. 1983. С. 30-31.
13. ПСРЛ. Т. X. С. 150-153.
14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. III. М. 1988. Гл. 3. С. 159-161.
15. ПСРЛ. Т. I. С. 228.
16. Там же. С. 209.
17. ПСРЛ. Т. X. С. 175.
18. ПСРЛ. Т. VII С. 184.
19. Там же. С. 184.
20. Там же. С. 184.
21. ПСРЛ. Т. X. С. 180-181.
22. ПСРЛ. Т. VII С. 189.
23. ПСРЛ. Т. X. С. 181.
24. ПСРЛ. Т. VII С. 188.
25. ПСРЛ. Т. X. С. 181. Т. VII. С. 188.
26. НПЛ. С. 469.
27. ПСРЛ. Т. VIII. С. 43, 47, 83, 297.
28. ПСРЛ. Т. VIII. С. 12-14.
29. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 57.
30. ПСРЛ. Т. VIII. С. 91.

Павел ОСТРОВСКИЙ

О КОСТРОМЕ И ЕЕ СВЯТЫНЕ

<...> Первая встреча русских с татарами была в войне последних с половцами: русские соединились с половцами, убили послов татарских и рать их прогнали, но не надолго остались победителями.

В 1229 году, вовсе неожиданно, напал на Россию племянник хана Октая, свирепый Батый, проложивший кровавый путь по России. Опустошивши Рязань, грозный Батый, оставляя по себе кровавые следы, шел к Владимиру, откуда великий князь, оставив судьбу престольного града на волю свирепых врагов, удалился в Ярославль — ожидать встречи с ними в этой области, куда созывал к себе на помощь соседних князей. А между тем свирепые татары, разорив Владимир, пошли отсюда двумя путями — один на Ярославль, другие к Галичу мерскому и в продолжение одного месяца февраля 1237 г. разорили и сожгли 14 городов, в числе которых Ярославль и Кострома были жертвами неистовства татар.

...Один Новгород оставался цел, благословляя милость Божию и счастье своего юного князя Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, величественною красотою и крепкими мышцами Самсона. Русские князья, со всех сторон теснимые и поражаемые Батыем, принуждены были отречься от прав независимости и "склонили выю под иго варваров татар". С этого времени (1245 г.) началась грустная повесть о хождении русских князей в орду для поклонения свирепым ханам и испрашивания милостей и суда.

Иго татарское казалось только началом гнева Божия над Россиею. При таких обстоятельствах вступил на великокняжеский престол брат святого Александра, князь Ярослав Ярославич. Летописцы ничего не говорят ни о характере Ярослава, ни о его деятельности на пользу отечества. Видно только, что он не успел ничего сделать в пользу России, "не успевши ни довольствоваться ог-

Чудотворная Федоровская икона Божией матери.

раниченною властию, ни утвердить самовластия смелою решимостию". В таком незавидном состоянии великокняжеский престол перешел (1272 г.) в державу Василия Ярославича, князя Костромского. В продолжение почти пяти лет великого княжения Василий Ярославич жил не во Владимире, но в Костроме, своем любимом городе, с которым он не хотел расстаться как взысканный здесь особенною милостию Божию в явлении чудного образа Богоматери.

...Немного прошло времени после чудесного явления Федоровской иконы Богоматери, как Пречистая снова явила Костроме чудесное знамение своего к ней благоволения: деревянный храм, в котором была поставлена чудная икона, вскоре сгорел, а икона, никем не выносимая из храма, соблюлась невредима от огня неведомою силою; в непродолжительное время сгорел и вновь выстроенный деревянный храм, а святая икона также осталась невредимою, никем не вынесенная из храма. После первого пожара на третий день икона найдена совершенно невредимою в пепле пожарища; во второй пожар была видима выше пламени стоящею на воздухе.

Одновременно с сими чудесными событиями и благочестивому князю явила Пречистая спасение чрез святой образ свой: к Костроме неожиданно приступили толпы татар с обычною целью — воевать и грабить; великий князь наскоро собрал малую дружину в Костроме, но, не надеясь на свои силы, повелел нести пред собою икону защитницы христиан и поставить ее во главе своего малого воинства против тех, которые "не святили Господа сил, единым женущаго тысящи и двою движущаго тьмы". Грабители, пораженные огненными лучами, исходившими от лика Пресвятыя, смутились, тотчас обратились в бегство, и, как говорит предание, многие ослепли; в память этого чудесного события и в назидание потомству на том месте, где стояла чудотворная икона заступницы, поставлен был высокий дубовый столб, на котором вырублено особое место для Федоровской иконы (в копии), а впоследствии времени вместо столба устроена каменная часовня, в которой поставлена та икона в особом киоте и сохраняется досель. По тому же случаю и близлежащее озеро именуется Святое, равно как и селение, впоследствии времени устроившееся по другую сторону того озера, названо "Святое". За поражением татар, по-видимому, надобно было ожидать от свирепых властителей жестокой мести, но, к удивлению, это событие не имело никаких ни для князя, ни для Костромы худых последствий. Такое снисхождение к князю и равнодушие надменных властителей к их поражению, считавших себя непобедимыми и не знавших меры и границ мщению и жестокостям, нельзя объяснить ничем иным, как тем же чудом, которое было единственною виною их поражения.

Повесть оставшихся в живых татар о их поражении не естественною человеческою силою, а сверхъестественным чудесным явлением, вероятно, заставила гордых магометан удержаться от мщения, дабы не подвергнуться большему поражению — конечной погибели.

Вслед за сим событием великий князь повелел устроить церковь соборную каменную, в честь пресвятой Богородицы — честного и славного ее Успения, ибо в этот день, как рассказывали очевидцы, чудотворная икона была несена через Кострому святым великомучеником Федором Стратилатом, а во имя святого Федора — "храм в приделе у соборныя церкви". Нет сомнения, что от чудотворной иконы Богоматери неоскудно изливались приходящим с верою и чудесные исцеления от различных недугов и болезней, как это явствует из кратких слов повести: "И многая чудеса творить с верою приходящим к пречистому ея образу и до сего дне".

<...> В 1636 году совершилось в Костроме первое торжественное поновление чудотворной Федоровской иконы Богоматери, по высочайшему повелению государя царя и великого князя Михаила Федоровича и по благословению святейшего Патриарха Филарета, как это видно из их грамот от 20 апреля 1636 года на Кострому, ко всему освященному собору и к градскому начальнику — князю Иоанну Федоровичу Шаховскому.

Исторические записки о Костроме и ее святыне. К. 1864 г.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ КОСТРОМСКОЙ

Традиция, установленная В.Н. Татищевым, тесно связывает возникновение нашего города с ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким. К 850-летию Костромы возникают проекты об увековечении его имени и образа в камне, металле...

Однако историков, привыкших опираться на факты и документы, не убеждают выводы известного ученого. Между тем в истории нашего города есть князь, имя которого достойно памяти костромичей. При нем Кострома росла, укреплялась, побеждала в схватках с врагом. При нем появилась в нашем городе костромская святыня — чудотворная икона Федоровской Божией Матери. Он был не только первым Костромским князем, но и великим Владимирским. В Костроме же он был и похоронен.

Великий Князь Василий I Ярославич.

В 1272 году во Владимире, в Успенском соборе, состоялось торжественное посажение на великокняжеский стол Костромского князя Василия Ярославича. (1) Не силой оружия и не через интригу пришел он к власти, а "по старине", т.е. сложившейся системе престолонаследования, как следующий по старшинству брат умершего великого князя Ярослава Ярославича. Но не старшим среди младших остался Василий Ярославич в своем роду, а единственным живым среди умерших к тому времени его восьми братьев — сыновей великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича.

Еще за 8 лет до рождения Василия умер его старший брат Федор в Твери, накануне своей свадьбы (2)... В 1248 году не стало Михаила, владевшего Московским уделом, в 1255 — Константина — основателя первой княжеской династии в соседнем с Костромой Галиче. (3) В 1263 году в церкви Рождества Богородицы во Владимирском Рождественском монастыре был погребен второй по старшинству брат Василия Ярославича — прославленный Александр Невский, великий князь Владимирский. (4) Велика была семья у князя Ярослава Всеволодовича. Имея 9 сыновей, он, как и его отец Всеволод, по праву мог бы получить прозвище "Большое Гнездо".

Князь Василий был последним, "мизинным" сыном в семье отца. Под 1241 годом летописец сделал запись: "Родися Ярославу сын и наречен бысть в святом крещении Василий". (5)

В страшное лихолетье появился он на свет. Не прошло и 3-х лет, как войска хана Бату "плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьского...", (6) разорили русские земли, села и деревни, взяли Владимир, Киев

и другие города, а теперь собрались походом в Европу до "последнего моря". На севере, воспользовавшись опустошенностью Руси, начали свои набеги шведские и немецкие рыцари.

Но, как говорится, беда за бедой ходит. К общему горю прибавились несчастия семейные. В 3 года, когда совершался над княжичем, по обычаям княжеской семьи, древний обряд постригапосвящения в воины, Василий лишился матери — Феодосии Мстиславовны. В 1246 году, возвращаясь из Монголии, "нужною смертью", как записал летописец, умер отец Ярослав Всеволодович. (7) 5-ти летний Василий остался без отца и матери, но с многочисленными братьями, которые, вероятно, и заменили ему родителей. Разница в годах со старшим братом Александром была значительной — 20 лет, он годился Василию в отцы, был женат и имел сына, тоже Василия.

По традиции, с 5-ти летнего возраста начиналось обучение княжичей. Изучали латинский, греческий языки, могли читать византийские хроники, русские летописи. Просвещение своих детей заботило владимирских князей. Они имели богатые собрания книг. Известно, что дядя Ярославичей — князь Ростовский Константин Всеволодович — владел большой коллекцией рукописей и книг, более тысячи.

Большое внимание уделялось и воинской подготовке княжичей. Под руководством опытных дружинников они постигали ратное умение — действовать копьем, владеть мечом, метко стрелять из лука.

Думается, что семейные невзгоды не помешали князю Василию овладеть грамотой, стать воином, достойным своих могущественных предков: прапрадеда Владимира Мономаха — победителя половцев, деда Всеволода Большое Гнездо, успешно сражавшегося с булгарами, да и отца своего, князя Ярослава — политика воинственного и умного. Ведь принадлежал Василий к славному роду великих князей Киевских — Владимира Красное Солнышко и Ярослава Мудрого, — имевших некогда родственные связи с Византийской империей и правящими домами Европы.

Время книжного и воинского обучения совпало у князя Василия с важным событием. В 1247 году севший на великокняжеский стол Святослав Всеволодович выполнил волю своего брата — роздал уделы Ярославичам. (8)

По завещанию отца, Василию досталась Кострома — город на северо-восточных границах Великого Владимирского княжества. Несмотря на удаленность от Владимира и расположение в поволжских лесах, город не затерялся: слишком важным в стратегическом и экономическом отношении был этот район. Кострома связывала стольный град с Галичем и далее с русским Севером, а также с богатыми солью местами близ Нерехты. Впервые Кострома была выделена как центр самостоятельного удела. Основанный во II половине XII в. город быстро вырос в значительный ремесленно-торговый центр. Несмотря на молодость, на его долю уже выпали серьезные испытания: в 1213 году он был сожжен Ростовским князем Константином Всеволодовичем в борьбе с братьями Юрием, Ярославом, Святославом за великокняжеский стол; (9) в феврале 1238 года Кострому постигла участь многих русских городов. Симеоновская летопись называет Кострому в числе 14-ти городов, разгромленных отрядами хана Бату. (10)

Важную роль в восстановлении, укреплении города после этих трагических событий сыграл отец Василия — Ярослав Всеволодович, ставший великим князем в 1239 году.

Видимо, при нем была построена первая костромская крепость при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы. Детинец имел естественные рубежи обороны в виде крутых склонов коренного берега. Со стороны Волги был сооружен ров шириной до 18 и глубиной до 4 м, с внутренней стороны укрепленный линией частокола. Крепость тянулась вдоль берега Волги, и площадь ее доходила до гектара. (11)

В центре крепости, как обычно, располагались княжеский двор, соборная церковь. В Костроме древнейшим соборным храмом была церковь во имя великомученика Федора Стратилата, который считался покровителем князя Ярослава Всеволодовича, при рождении 8 февраля 1190 г. получившего крестильное имя Федор.

Таким достался город 6-ти летнему князю Василию. Но должно было пройти еще не менее 7-8 лет, прежде чем он мог стать достойным правителем своего удела.

В ту пору не признавали долгого взросления: отрок в 13 лет считался совершеннолетним, мог обращаться с боевым оружием, участвовать в походах, битвах.

На Руси в это время много было возможностей приложить свои ратные знания и навыки. Не единожды опустошали ордынцы Северо-Восточную Русь. "Татарове же разсунушася по земли... и людий без числа поведоша, до конь и скота, и много зла створше отъидоша" (12), — говорится в летописях о походе Неврюя 1251 года. "Тое же зимы бысть число, и изочтоша всю землю Русьскую"... Приход численников на Русь в 1257 году для поголовной переписи населения вызвал во многих городах: Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Костроме — народные волнения. "Изгнаша поганых от всех градов, не терпя насилия их..."(13) Борьбу костромичей против ордынского отряда, шедшего от Ярославля с полоном, возглавил князь Василий Ярославич. Он созвал вече, выбрал место для битвы, повел костромичей в атаку. "...И поидоша

проклятия агаряне от Ярославля града Волгою рекою на Кострому град... Князь же повеле собрати все свое воинство противу безбожных агарян... И итидоша от града яко два поприща... и сташа у некоего озера и якоже быста полки близ между собою и оружие свое извлекоша... и нападоша российстии полцы и побиша их многое множество... Пленников же российских всех отполониша...". (14) Костромской князь проявил себя опытным стратегом, храбрым воином. Было ему в ту пору чуть за 20-ть.

Согласно "Сказанию о явлении и чудесах чудотворной иконы Федоровской Божией Матери", помощь костромичам в победе оказала эта икона: в решающий момент битвы икона своим ярким блеском ослепила врагов, которые обратились в бегство и погибли. Благодарные костромичи назвали это место "Святым" и поставили дубовый столп с копией чудотворной иконы, а впоследствии была устроена часовня, где икона хранилась в особом киоте.

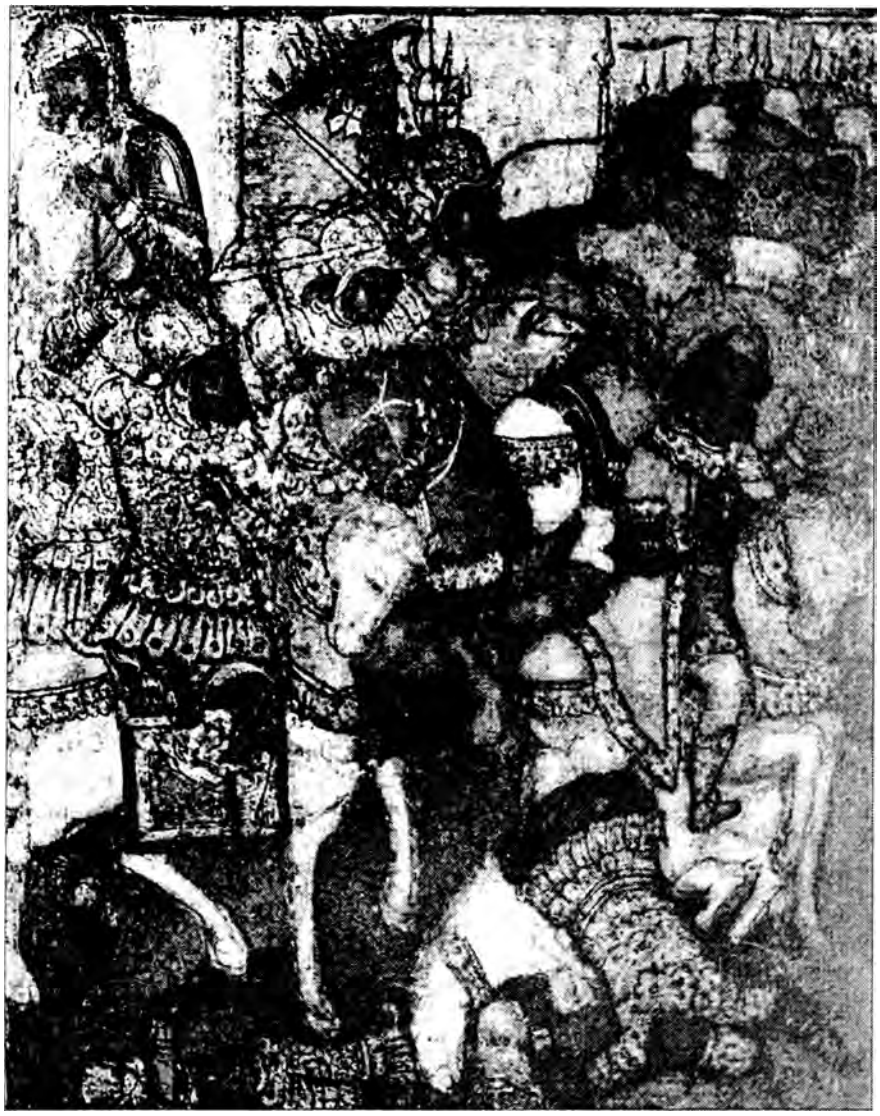
Появление в Костроме иконы Федоровской Божией Матери, вот уже более 700 лет покровительствующей нашему городу, связано тоже с именем первого костромского князя Василия. Неизвестен год, когда это произошло, но знаем день — 16 августа (ст. стиль) — Нерукотворный Спас. По сказанию, поехал князь Василий в чащу на речку Запруденку поохотиться — "со псы ловчими веселитися..." На одном из деревьев увидел икону, которая, несмотря на все старания князя, в руки ему не далась. Вернувшись в город, он рассказал священному собору о виденном. Огромный крестный ход из священников, князя с боярами, люда градского под колокольный церковный звон, с иконами и крестами честными двинулся к месту явления иконы. Давшись в священнические руки, икона была принесена в город, в древний соборный храм великомученика Федора Стратилата. На месте явления иконы, по повелению князя Василия, был поставлен деревянный храм во имя Нерукотворного образа Спасителя (ныне действующая церковь Христа Спасителя, что на Запрудне). И еще один храм, согласно преданию, возвел князь Василий Мизинный в своем удельном городе. На высоком берегу реки Волги к востоку от костромского кремля устроен был каменный собор в честь Успения Божией Матери, т.к. именно в праздник Успения Богородицы 15 августа многие костромичи видели икону, несомую сквозь град воином неким, видом же подобен тот воин был святому великомученику Федору Стратилату.

Почти ровесница нашего города, икона в огне пожарищ не сгорела, в годы лихолетия не пропала, в годины опасности помогала костромичам сражаться с врагами, охраняла Кострому.

Вероятно, этой иконой епископ Ростовский Игнатий благословил князя Василия на брак с дочерью литовского князя Витовта в 1265 году. Венчались они

Явление иконы Федоровской Божией Матери князю Василию Ярославичу. Фото с клейма иконы.

Икона Федоровской Божией Матери ослепляет врагов. Фото с клейма иконы.

в церкви Федора Стратилата, и "бысть радость велика на Костроме..." (15)

В начале 70-х годов XIII в. костромской князь Василий Ярославич начинает играть важную роль в политических делах Руси. Ему удалось предотвратить ордынский поход на Новгород Великий. Дело в том, что в 1270 г. обострился конфликт между новгородцами и великим князем Ярославом Ярославичем. "Того же лета бысть мятеж в Новгороде, начаша изгоняти князя Ярослава из города... много вины его..." Князь Ярослав не собирался отдавать Новгород без борьбы: "Ярослав нача полкы копити на Новгород, и бе послал к царю Татарьску Ратибору, помочи прося на Новгородъ..."

Узнав об этом, князь Василий, предупредив новгородцев об опасности, "сам поеха в Татары... и възврати татарскую рать, тако рек цареви: "Новгородцы прави, а Ярослав виноват..." (16)

Благодаря действиям князя Василия Костромского и вмешательству митрополита Кирилла, мир был достигнут, но с большими ограничениями в правах и привилегиях князя.

Сразу же после этих событий и смерти великого князя Ярослава Ярославича в Орде, куда ездили с ним князья Василий Костромской и Дмитрий Переяславский (сын кн. Александра Невского) (17), великим князем Владимирским становится Василий Ярославич.

Сохраняя за собой Кострому как удельное княжество, Василий Ярославич переезжает во Владимир — стольный град, с которым связана была вся его деятельность как великого князя. Годы княжения Василия Ярославича наполнены острой вооруженной борьбой с племянником Дмитрием Переяславским за Новгородский стол, который освободился со смертью князя Ярослава Ярославича. Летописи позволяют почти погодно проследить деятельность великого Владимирского князя Василия Ярославича и перипетии этой борьбы.

В 1272 году Василий Ярославич отправляет послов в Новгород Великий, "хотя сести на поле" и "повеле грамоты брата своего Ярослава отринути, рекий: "Не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего ся испокон не повелось, суд у князя и дань черную отъемлете "печорскую..." (18)

В ответ на это новгородцы призывают на стол свой князя Дмитрия Переяславского, заславшего в Новгород тоже, как Василий, своих послов. Такое нарушение традиционного права великого князя Владимирского на Новгородский стол вело к неизбежности войны.

Весь 1273 год продолжались военные действия. Был сожжен Торжок и посажены там наместники великого князя, княжеский воевода Семен "плени власти новгородския и возвратися со многим пленом в Володимер к великому князю..." Союзник Василия Ярославича, племянник его, тверской князь Святослав Ярославич напал на пограничные районы Волока Ламского, Бежичи и Вологды, а сам Василий "с великим баскаком Володимерским Шаргаманом и со

князем Айдаром и со многими татарами царевыми воеваша новгородские власти..." (19) Против новгородцев в это время были предприняты и экономические шаги: у пойманных новгородских купцов во Владимире, Твери и Костроме был отобран хлеб, что привело к повышению цен на зерно и хлеб в самом Новгороде. (20)

С наступлением зимы князь Дмитрий Переяславский отправил во Владимир к великому князю послов "со своими требованиями и за миром". Но Василий послов с честью отпустил, но мира не дал (21), т.к. неприемлемыми для него были условия требований: вернуть все захваченные новгородские территории, прекратить попытки завоевания Новгородского стола и освободить всех арестованных купцов. Завершающими борьбу стали события, произошедшие в Торжке. Новгородцы здесь "возмятошася", "глаголюще: "Отъвсюду нам горе! Се князь великий Володимерский, а се князь великий Тверской, а се великий баскак царев с татары, и вся Низовская земли на нас... и восхотеша великого князя Василия Ярославича"... (22)

Так Василий Ярославич утвердился в Новгороде Великом.

Пять лет держал Великое княжение костромской князь Василий Ярославич. По традиции титул "стареи всем князем в русском языце" предоставлял его претенденту политическое старшинство, дипломатические и военные прерогативы среди князей, обладание почти третью территории Древней Руси, верховное право на земельную собственность, на сбор с княжеств и земель общерусской дани. Издавна на Руси реальная власть базировалась на деятельности князя и подчиненной ему дружины, боярского окружения и городского веча. Но все было нарушено татарским нашествием и последующим политическим верховенством ордынских ханов, раздававших князьям ярлыки на княжение, установивших экономический контроль над Русью. Введение подворного обложения, требования десятины и тамги, выполнения воинской повинности...

В начале 1275 года князь Василий отправился в Орду, везя с собой "дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в соке числиша 2 мужи работники, и дары многи, и выход особ..." (23) Но ясак показался мал хану, и он "повеле послати новых численники во всю землю Русскую с великими грады, да не утаят люди..."

В том же году, пока князь Василий был в Орде, "бысть на Руси и в Новегороде число второе... и изочтоша вся..." (24) Летом 1275 года "ходиша Татарове и Рустии князи на Литву, и не успевше ничто же, возвратишася назад, но много зла створиша Татарове идуще християном". (25) С начала 80-х годов XIII века на не успевшие залечить раны русские земли обрушились новые ордынские походы.

В годы своего княжения Василий Ярославич вынужден был придерживаться политики лавирования, основы которой были заложены еще его братом Александром Невским.

Весной 1276 года Василий Ярославич возвратился из Орды во Владимир, а в самом конце года он умер. В Костроме, в соборной церкви Федора Стратилата, был похоронен первый костромской князь, великий князь Владимирский Василий Ярославич. (26)

Летописи восхваляли Василия как князя, "имевшего любовь к церквям и духовенству". При нем во Владимире в 1274 году по инициативе киевского митрополита Кирилла состоялся церковный собор по вопросам укрепления христианской веры и борьбы с языческими верованиями. (27)

Умер последний из Ярославичей, не оставив после себя наследников. В 1277 году великокняжеский стол Владимирский перешел к новому поколению князей — племянников костромского князя Василия Ярославича. Костромское княжество перестало существовать и влилось в великокняжескую территорию.

Часто можно услышать или прочитать, что называют Василия Ярославича "Квашней". Ни в одной из дошедших до нас летописей нет у костромского князя такого прозвища. Они называют его "Мизинным" или "Костромским", но не "Квашней". Да и как может быть вялым, неповоротливым человеком, разиней, что и означает в переносном смысле прозвище "Квашня", князь, который и в походах ратных бывал, и сражения выигрывал, и икону чудотворную подарил костромичам на вечные времена.

Светлана ВИНОГРАДОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. VII. СПб. 1856. С. 171.
2. ПСРЛ. Т. 1. С. 220.
3. ПСРЛ. Т 1. С. 203.
4. ПСРЛ. Т. 1. С. 204.
5. ПСРЛ. Т. 1. С. 225.
6. Там же. С. 198.
7. Там же. С. 226.
8. Там же. С. 201.
9. ПСРЛ. Т. VII С. 119.
10. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 57.
11. Алексеев С.И. Древняя Кострома (становление города). // Становление и ранний этап истории города Костромы. (Материалы к региональной программе по истории Костромского края). Кострома. 1998. С. 25.
12. ПСРЛ. Т. 1. С. 202.
13. ПСРЛ. Т. 1. С. 226.
14. Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери в Костроме. // Вестник археологии и истории. СПб. 1909. Вып. XIX. С. 187-260.
15. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 72.
16. ПСРЛ. Т. XVII. С. 169-170.
17. Там же. С. 171.
18. Татищев В.Н. История Российская. М.-Л. 1965. Т. V. С. 50.
19. ПСРЛ. Т. X. С. 151.
20. Татищев В.Н. Указ. соч., С. 50
21. ПСРЛ. Т. XVII. С. 172.
22. ПСРЛ. Т. X. С. 151, 153.
23. Татищев В.Н. Указ. соч. С. 51.
24. Там же. С. 51.
25. ПСРЛ. Т. VII. С. 172.
26. Там же. С. 173.
27. Масленицын С.И. Икона "Федоровской Богоматери" 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М. 1977. С. 156.

1416 г. Костромской летописец 1609 г.

1416 г. — Возведение новой крепости в Костроме на высоком берегу р. Волги.

1420 г. — Моровая язва в Костроме, до такой степени опустошившая местности, что хлеб остался несжатым на полях.

1422 г. — Голод в Костроме. Оков ржи, состоявший из 4-х четвериков, по цене приравнивался к фунту серебра (около 2-х рублей).

1425-1462 г. — Иван Иванов — воевода г. Костромы.

1429 г., на Крещение. — Кострома взята и разграблена татарами.

1433-1436 гг. — В Костроме укрываются, живут, собирают силы для борьбы враждовавшие за московский трон великий князь Василий Васильевич и его двоюродные братья галицкие князья Василий и Дмитрий Юрьевичи.

1435 г. — Первое упоминание в летописях Ипатьевского монастыря. "На мысу у Святого Ипатия" было заключено мирное соглашение между великим князем Василием Васильевичем и галицким князем Василием Юрьевичем.

1448 г. — В Костроме сосредоточил большие силы великий Московский князь Василий Васильевич (Темный) для борьбы с галицким князем Дмитрием Шемякой. После молитвенной клятвы Дмитрия Шемяки великий князь дал ему мир.

1449 г. — В Кострому пришел с силой, нарушив крестное целование, Дмитрий Шемяка. Кострома успешно оборонялась во главе с князьями Иваном Васильевичем Стригой и Федором Басенком. Под Кострому приходит с войском великий князь Василий Темный, и "смиришися" Дмитрий Шемяка.

1450 г. — Мимо г. Костромы к Галичу идет войско великого князя Василия Темного во главе с князем Василием Ивановичем Оболенским для разгрома Дмитрия Шемяки.

1452 г. — В Кострому приходит с силою великий князь Василий Темный, узнав о походе Дмитрия Шемяки на Устюг Великий.

1461 г. — Мимо г. Костромы следует, путешествуя "за три моря", Афанасий Никитин.

1467 г. — Воевода Костромы Иван Васильевич Стрига-Оболенский.

1468 г. — В Кострому, как и в другие города, великий князь Московский Иван Васильевич прислал заставу и "велел сидети в осаде, стеречися от Казани".

1470 г. — Костромичи участвуют в походе великого князя Ивана Васильевича на Казань.

1478 г. — Костромичи участвуют в походе великого князя Ивана Васильевича на Новгород Великий. Костромичи во главе с князем Данилой Холмским уряжены в передовой полк.

1489 г. — В Костроме получили поместья от великого князя Ивана Васильевича выселенные со своих земель новгородцы.

1493 г. — Кострома вся сгорела в вербную субботу.

1512 г. — Семен Федорович Алабышев служит воеводою г. Костромы.

1521 г. — Кострома вся выгорела: кремль и все посады.

1536 г. — Нападение казанских татар на Костромские волости. Княжий воевода Петр Васильевич Засекин Пестрой погиб, защищая заставу.

1540 г. — Под Костромой свирепствовали казанские татары.

1547 г. — Под Костромой свирепствовали казанские татары.

1548 г. — Костромской воевода — Захарий Яковлев. Он участвует в битве с татарами при речке Язовке на Гусевом поле.

1549 г. — Костромской воевода Захарий Петрович Яковлев разбил отряд казанских татар на Гусеве поле при реке Язовке, между Костромой и Галичем.

1551 г. — Царь Московский Иван Васильевич (Грозный) выступил в поход против Казани. Кострома назначена сборным местом войск во главе с воеводами — князьями Горбатым и Серебряным.

1551 г. — Князь Михаил Иванович Воротынский послан Иваном Грозным в воеводы г. Костромы.

1565 г. — В Кострому переселена царем Иваном Васильевичем (Грозным) часть немцев, взятых в плен в Юрьеве. Они заселили Гашеевку (немецкую) слободу (современные улицы Маяковского и Катушечная).

1596-1597 гг. — Составлены "Книги письма" Костромского уезда писцами В.А. Вельяминовым, Ф. Кривоборским и П.Д. Усовым.

1606 г. — В Кострому выслан по приказу царя Василия Шуйского пан Вишневецкий после убийства Лжедмитрия I в мае 1606 г.

1608 г., октябрь. — Кострому занимают войска Лжедмитрия II.

1608 г., конец ноября. — Костромичи поднимаются на поляков и воеводу-тушинца Дмитрия Масальского.

1608 г., декабрь. — Бои в Костроме с отрядами пана Лисовского. "Костромской погром".

1609 г., март-сентябрь. — Осада Ипатьевского монастыря восставшими костромичами, галичанами, кологривцами и другим людом во главе с ярославским воеводой Давыдом Жеребцовым.

Подсказки писцовой книги

Чтобы представить, какой выглядела Кострома в первой трети XVII века, давайте, уважаемые читатели, поднимемся по лестнице, ведущей с набережной Волги к бывшим домам церковного причта, стоящим на высоком земляном валу.

Здесь, на территории нынешнего парка, в прошлом располагался ансамбль Успенского собора, а четыре века назад — "Город", центральная, наиболее укрепленная часть Костромы.

С этого возвышенного места окинем мысленным взором улицы, веером расходящиеся от площади Сусанина. Пожалуй, нам удобнее будет взглянуть на план города, составленный в 1913 г. П.Е. Навоевым. (1) Теперь необходимо изгладить из памяти впечатление от прямых линий улиц и зданий, построенных в прошлом и нынешнем столетиях, и представить деревянные избы с возделанными при них огородами, выстроенными в определенном порядке, образующем улицы древней Костромы.

Основными источниками, которые помогут проделать небольшое путешествие, послужат "Список с Писцовой книги по городу Костроме 1628 г." (2) и план губернского города Костромы, утвержденный в 1781 г. Екатериной II. (3)

Писцовая книга — это документ, явившийся результатом переписи жилых дворов, "административных зданий", церквей и монастырей, торговых мест, уникальный для исследования истории костромской земли. Многие краеведы использовали данные Писцовой книги в своих работах.

При переписи дворов учитывалось в основном мужское население: хозяин двора, его сыновья, братья, племянники. Жены, сестры, дочери в расчет не брались. Исключение составляли вдовы или незамужние владелицы дворов.

Описывался каждый двор, независимо от того, кто им владел и кто в нем проживал, что не всегда совпадало, особенно в "Старом городе". Выглядело это следующим образом:

"Д(вор) думного дьяка Федора Лихачева, что двор был боярина князь Ивана Васильевича Голицына. В длину по улице поворотом 14 сажен и с тою землею, что была в споре Здвиженским (4) монастырем, а по задней Здвиженского монастыря в длину ж 10 сажен (5), а поперег 9 сажен, а в уском конце поперег же пол пяты. А написан тот двор за думным дьяком за Федором Лихачевым по государеве цареве и Велик(ого) князя Михаила Федоровича Всея Руси грамоте за приписью дьяка Микифора Шинулина и по обыском 126 (6) -го году". (7)

При описании посада добавлялись сведения об имущественном положении хозяев: лучший человек, молотчей человек, худой человек. Последних, кстати, было больше всего.

В начале XVII века в Костроме насчитывалось около 1500 дворов. Но какова была планировка города?

План губернского города Костромы 1781 г. прекрасно всем известен — веер улиц, расходящихся от Сусанинской площади, лежащий краями на берегу Волги. Эта планировка существует и поныне.

Нас же больше интересует тот план, поверх которого накладывали новую четкую схему. В Полном собрании законов выделен том, где были собраны планы губернских и уездных городов. В том числе и Костромы. Здесь же пунктирными линиями показаны существующие на период 1781 года улицы. Они не вычерчены с помощью линейки и циркуля, т.к. застраивались в течение столетий, располагаясь на удобных для построек местах, обходя естественные преграды: пруды, ямы, болотины.

Нельзя, конечно, поручиться, что именно так выглядела Кострома и в XVII веке. За истекшие полтора столетия были пожары, строения, приходившие в негодность, заменяли новыми. Но в то же время на месте сгоревшего дома строили другой, вероятно, не перенося постройку на проезжую

часть, т.е. рисунок улиц оставался прежним.

Перед нами правый берег Волги с впадающими в нее реками: Костромой, Сулой, Черной. Русла Сулы не видно (протекала она в районе нынешней улицы Пятницкой). Кострома и Черная ограничивали город.

Виден пруд — Кузьмодемьянский, существующий и ныне на улице Шагова. Медного пруда давно нет, но память о нем сохранилась.

От центра города, его кремля, расходились улицы, плавно поворачивающие под небольшими углами.

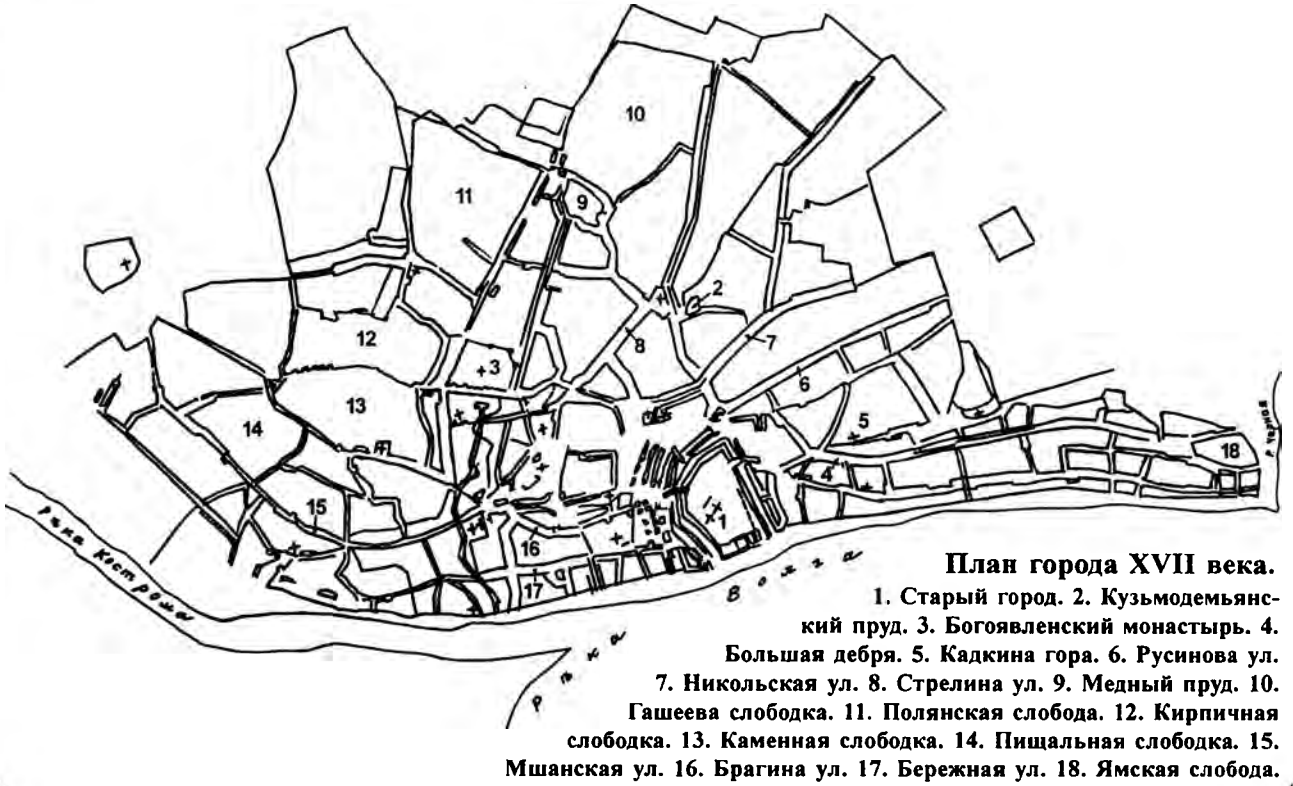
Используя этот план и список с Писцовой книги, восстановим названия улиц.

Костромской кремль — "Старый город", или просто "Город". Он был сердцем Костромы, его административным центром. "Город" был невелик, состоял из двух улиц и переулка. С его описания начиналась Писцовая книга по Костроме. К сожалению, первые страницы ее утрачены, поэтому для восстановления информации следует обратиться к трудам И.В. Баженова, например, к статье "Судьбы Костромского кремля", где он подробно описывает устройство старого города. (8) "Город Кострома построен на Волге на луговой стороне (...). Ворота большие Спасские из нового города от торгу (...). А от ворот, вшед в город налево в стене башня середняя от торгу (...)". По стороне Спасских ворот стояла наугольная Воскресенская башня. Напротив ее, по стороне от Каткиной горы, башня, бывшая ранее 1628 г. Ильинскими воротами. На этой же стороне срединная Борисоглебская башня, далее угловая Дебринская. Ближе к Волге была устроена наугольная башня, от которой отходила выводная. Здесь же находились Водяные ворота, которые защищала отводная башня. В стене, выходящей к Волге и имевшей еще один угол, была башня наугольная с рукавом. Подобная же украшала стену, выходившую на торг. Всего башен в кремле было устроено 14.

Между башнями — тын-острог высотой 2 сажени с полусаженью.

За укрепленными стенами кремля стояли обывательские дома и осадные дворы, принадлежавшие Ипатьевскому и Богоявленскому монастырям. В отсутствие знатных владельцев, таких, как: стольники Алексей Плещеев, Алексей Годунов, князья Василий Морткин, Петр Борятынский, Петр Волконский и других, не имеющих княжеских титулов и званий — в их дворах проживали так называемые дворники — портной мастер, сапожник, иконник, торговец горохом, тюремный сторож. Здесь же, в городе, селились иноземцы. Всего был построен 191 двор. (9)

Обойдя улицы "Старого города", которых считалось три, можно было выйти к воеводскому двору, выстроенному "городом и уездом", съезжей избе, "гд(е сидя)т воеводы и при(каз-

План города XVII века.

1. Старый город. 2. Кузьмодемьянский пруд. 3. Богоявленский монастырь. 4. Большая дебря. 5. Кадкина гора. 6. Русинова ул. 7. Никольская ул. 8. Стрелина ул. 9. Медный пруд. 10. Гашеева слободка. 11. Полянская слобода. 12. Кирпичная слободка. 13. Каменная слободка. 14. Пищальная слободка. 15. Мшанская ул. 16. Брагина ул. 17. Бережная ул. 18. Ямская слобода.

ные) люди". Воеводский двор занимал довольно обширную, по сравнению с другими постройками, территорию — в длину 23 сажени, поперек 17 сажен (50 на 37 метров). Находился же он неподалеку от городовой стены, до которой насчитывалось 6 сажен (13 метров) "порожжево места", т.е. пустыря. Вблизи была построена колокольница.

Здесь же находилась губная изба, в которой разбирались дела судебные. Возле Спасских ворот, выходивших на торг, у осыпи — небольшая караульная изба. Ворота, вероятно, охранялись, и в "Старый город" допускался не всякий желающий.

Еще одно административное здание — тюрьма площадью 10 на 10 без четверти сажен. (10)

Недалеко от осыпи, на улице, ведущей к Водяным и Волжским воротам, был вырыт "осадной колодезь" на случай вражеской осады. (11)

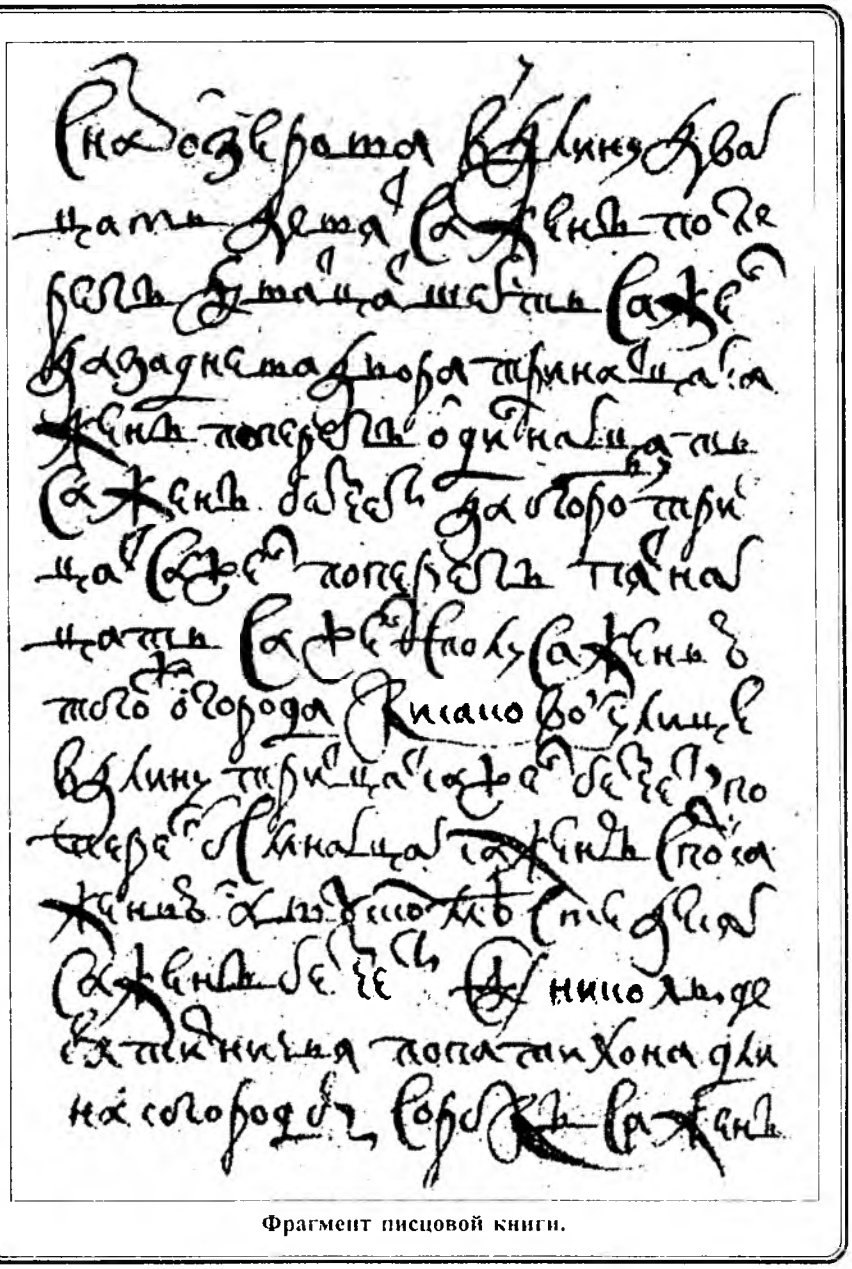
У осыпи же расположены были две государевы пустые житницы, да еще две житницы, вероятно, с хранящимся в них хлебом, поскольку оговорки об их содержании сделано не было. (12)

Украшение "города" составляли, конечно, его соборы и церкви, которых на столь небольшой территории стояло 6. (13)

Через Спасские ворота можно было попасть в "Новый город", где нашли место "дворы осадные дворян и детей боярских и приказных людей и посадцких людей осадные и тяглые дворы".

Здесь было просторнее, поэтому при дворах распахивались огороды. Дворы ставились на "черной или белой земле", в зависимости от чего платились или не платились подати в посад.

"Д(вор) на черной земле Степана Панова, что бывал Гришки Вострышова — мясника. Длина пятнадцать сажен с четью, поперег одиннадцать сажен. Дворник из Юрьевца Ивашко — портной мастер.

Фрагмент писцовой книги.

Д(вор) Лаврентья Красовского, что бывал Ивана Внукова, а преж того бывала лужа. В длину шестнадцать сажен, поперег семь сажен, а в уском месте пять сажен, а в другом месте три сажени". (14)

Степан Панов и Лаврентий Красовский имели дворы на улице Исаковой, а те, о ком речь ниже, — в Чулкове переулке, находящемся неподалеку.

"Д(вор) худой человек Десятка Ржевитин — строгальник. Двора в длину и с огородом тритцать сажень, поперег тринатцать сажень. Да на том же дворе вдова Федорка Мимотинска жена Петрова с сыном Ермолкою, да Здвиженского монастыря служебник Митька — повар, вдов, и служке во дворе половина, а Десятку одному половина ж". (15)

К сожалению, нет точных ориентиров, позволяющих обозначить названия всех улиц древнего города. Остановимся на основных.

Если соотнести их с именами улиц начала XX века, можно

обнаружить множество совпадений. Несмотря на то, что улицы изменили свои очертания (их не только спрямляли, но и передвигали), названия сохранялись.

Улица Царевская названа так по церкви во имя царя Константина. Улица Мшанская получила позже второе название — Московская. Улица Никольская (Ратнова тож), наоборот, утратила вторую часть. Два века носили свои имена Кузьмодемьянская (Козьмодемьянская), Покровская, Златоустинская (Златоустовская), Русинова (превратившаяся в Русину), Власьевская.

Такие названия, как: Ивановская улица, Полянская слобода (улица Полянская) — существуют и сегодня.

В новом городе брали свое начало улицы Исакова, Брагина, Нижняя Бережная.

На окраинах же города располагались слободы. Их было несколько. Уже упомянутой Полянской слободой владел Троице-Сергиев монастырь. В Гашеевой слободке, находившейся в районе нынешних улиц Калиновской, маршала Новикова и проспекта Мира, были построены дворы костромского Настасьина (Анастасьинского) монастыря.

В районе нынешних улиц Симановского, проспекта Текстильщиков далее Богоявленского монастыря были расположены Кирпичная и Каменная слободки.

Ближе к Волге — слобода Пищальная. За рекой Костромой лежали слободы, принадлежавшие монастырям: Андреевская слобода — Богоявленскому монастырю, Богословская слобода — Ипатьевскому. Последний владел также слободой Спасской за рекой Волгой. Возле речки Черной находились две слободы: слева — Ямская, рядом был построен Борисоглебский монастырь, справа — слободка Арыпова, которая позднее стала именоваться Татарской слободой. Неподалеку от "Старого города" была расположена Стрелецкая слобода. За кремлевскими стенами имел двор стрелецкий соцкий Степан Жабин.

Кроме больших и маленьких улиц, на карте города отмечено и множество переулков. Определить их местоположение по названиям несколько сложней, чем названия улиц. Имена же они носили такие: переулок Овчинный (возле Игнатовой улицы), Троицкий (возле Калачной), Лисичников (возле Боровой), Цыцин (возле Варварской), Пятницкий (неподалеку от реки Сулы), Строев (возле Царевской). Были еще Чулков, Рохманцев, Суслов, Щербов, Предтеченский, Благовещенский (Бреин), Калачный, Пищальный, Рождественский. На реку Кострому выходили переулки Всехсвятский, Мухин.

Возле "Старого города", приблизительно там же, где и сейчас, располагался торг, довольно большой. Товары здесь продавались самые разнообразные. Выйдя из Воскресенских ворот, можно было попасть в

Успенский и Богоявленский соборы. Со старинной гравюры.

Мясной ряд. Владельцы лавок — люди разного достатка и звания. У Федора Щепихина, например, торговля шла бойко, можно было держать 4 лавки. Имели торговлю крестьяне Никольской слободы Ивашко Свиньин с братом Ермолкою, отставной ямщик Микифорко Кобяков, сторож Пречистенской церкви Микифорка Тимофеев. Всего в Костроме проживало 32 человека, занимающихся мясным промыслом.

Из Мясного ряда, часть которого стояла вдоль городовой стены, можно было перейти в Калашный ряд, затем в Свежерыбный, Рыбный. Тут же, в Соляном ряду, можно было закупить соли. Хлеба и муки — в Хлебном. Маслом торговали на полка́х, расположенных возле Спасского монастыря. Неподалеку на скамьях развешивали крупы. Солод, необходимый для приготовления пива, продавали, естественно, в Солодяном ряду.

Кроме съестных припасов, на костромском торге были выставлены и другие товары. Для их продажи строились лавки в Ветошном, Суконном, Железном, Москотильном, Шубном, Красильном, Рукавишном, Скворняжном, Крашенинном, Горшечном рядах. В Мыльном ряду продавали знаменитое в XVII веке костромское мыло. Существовал Серебряный ряд.

На подходе к Спасскому монастырю торговое оживление замирало, шаги невольно замедлялись, прохожие осеняли себя крестным знамением. Здесь, в Иконном ряду, шум и суета ни к чему. Так было в XVI веке. В 1628 г. Иконного ряда уже не существовало, а стоял здесь амбар Мосея Панова, которым тот владел "самовольством без государева указу", да к тому же отдавал в оброк пять полков. Государевым указом те полки были розданы посадским людям в оброк. Деньги с Мосея Панова взысканы и отправлены с целовальником Тараском Неупокоевым в Москву в Костромскую Четь (16), орган, управляющий территорией, в состав которой входила и Кострома с уездом.

В память об Иконном ряде было здесь отведено место под лавку иконнику Даниилу Гаврилову.

Прогулявшись по Кострому торгу, торговым рядам, в которых насчитывалось около 500 лавок да амбаров и более 80 полков и скамей, поторговавшись и приобретя необходимые товары, можно было отдохнуть и перекусить. Возле Никольских ворот источали аппетитные запахи харчевые избушки — 9 у ворот да 5 за воротами. Было где обсудить цены и порядки на таможне, что устроена была тут же, в торговых рядах, возле Калашного ряда. Здесь определялась приблизительная стоимость товаров и соответственно пошлина, которую необходимо уплатить в казну. Подле таможни была сооружена важня, "где весят всякий вещей товар". (17)

Торговые приезжие люди "ставились", т.е. селились на Гостином дворе. Товары их помещались в 4 амбарах и 2 сараях.

Закусив в харчевых избушках, можно было и выпить в кабацкой избе или кваснице.

Там, где торговые лавки заканчивались, брали начало улицы Брагина, Исакова, Бережная. Рядом находились Спасский и Анастасьинский монастыри. Дальше — Богоявленский и Вознесенский. В другую сторону реке Черной — Борисоглебский. В кремле — Воздвиженский.

Церквей и не перечесть: Иоанна Предтечи, Всехсвятская, Воскресенская на Дебре, великомученика Стефана Сурожского, страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба, Иоанна Богослова на Кадкине горе. Это лишь малая их часть.

Церкви костромские, как и дома, строились деревянными. Исключение составляла соборная каменная церковь во имя Пречистыя Богородицы чудотворной иконы Федоровские с приделом Федора Стратилата, что украшала "Старый город".

Население Костромы в подавляющем большинстве было весьма небогато, даже скорее бедное, так как относилось к разряду худых и добре худых. Некоторое количество посадских людей кормилось Христовым именем, попросту, просило милостыню. Тех, кто не в состоянии был делать и этого, помещали в Никольские богадельни, что устроены были в "Новом городе", или в Дом убогих, расположенный на окраине города за посадом, за Пищальной слободкой, по улице Подгородной.

Такой вот и видел современник Кострому XVII века: большой город, деревянные избы с огородами при них, деревянные церкви, деревянные лавки, деревянные стены "Старого города", возвышающиеся над посадом.

Лариса КОВАЛЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. План города Костромы и окрестностей в четырех красках... 1913.
2. ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 133.
3. Планы городов. П. С. 3. Изд. 1-е. С. 142.
4. Воздвиженский монастырь располагался в "Старом городе".
5. Сажень — мера длины. В XVII веке равна 216 см.
6. 1628 г.
7. ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 133. Л. 4-4 об.
8. Костромская старина. Вып. VI. Кострома. 1905. С. 90-116. Труды IV Областного историко-археологического съезда. Кострома. 1914. С. 1-15.
9. Костромская старина. Вып. VI. С. 111.
10. ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 133. Л. 19.
11. Там же. Л. 10 об.
12. Там же Л. 13 об.
13. Там же. Л. 549-569.
14. Там же. Л. 22.
15. Там же. Л. 42 об.
16. ГАКО. Там же. Л. 414-415.
17. Там же. Л. 536.

КРЕМЛЬ, СТАРЫЙ И НОВЫЙ ГОРОД

Старый город, устроенный на возвышенном берегу Волги, носил название кремля и был окружен насыпью или валами, пред которыми находились глубокие рвы. Остатки валов кремлевских и рвов существуют и теперь. Главный въезд в кремль был чрез большие Спасские ворота. Пред воротами находился широкий ров, чрез который устроен был деревянный мост, названный во время генерального межевания "Спасским"... На валу стояли прежде чугунные пушки, вероятно, присланные сюда при царе Алексее Михайловиче в 1668 году, когда подобные же пушки пожалованы и Костромскому Богоявленскому монастырю. Они сняты с вала в 1814 году и хранились как памятник древности при городской полиции, расположены на бульваре против дома начальника губернии на деревянных станках.

Кремль в то время заключал в себе следующие здания: собор Успения Божией Матери, холодный; при нем церковь теплая — Похвалы Богородицы. Второй собор — Живоначальной Троицы с приделом Преподобного Сергия и деревянною церковью во имя московских чудотворцев Петра, Алексея и Иовы. Предание говорит, что этот собор находился на том месте, где воздвигнуты были триумфальные ворота. Потом земля, принадлежавшая ему, поступила во владение Успенского собора. Монастырь Крестовоздвиженский мужской (вблизи соборов Успенского и Троицкого) в 1681 году обращен в женский. Воеводский двор деревянный, построенный городом Костромою вместе с уездом недалеко от собора к северному валу. Во время посещения Костромы в 1767 году Императрица Екатерина II останавливалась в воеводском доме, который сгорел в 1773 году.

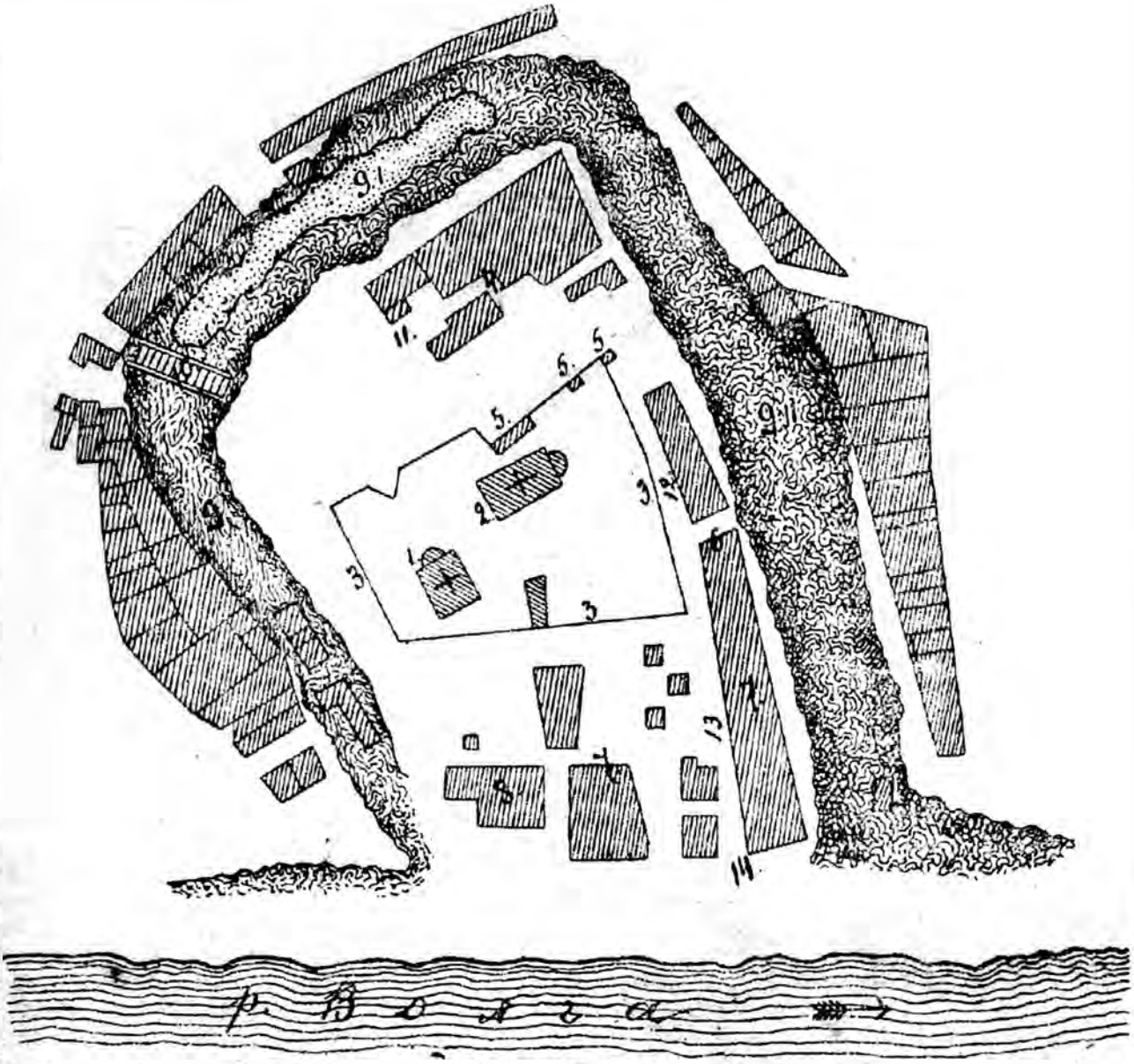
В кремле находились казенные здания: съезжая изба, губная изба, караульная изба, тюрьма, четыре житницы государевы, указницы и осадный двор инокини Марфы Иоанновны вблизи монастыря и соборов Успенского и Троицкого. Здесь были также дворовое место пушкарское и колодезь осадный; кроме того, в кремле находилось 7 осадных дворов, принадлежав-

"Вид Костромского кафедрального Успенского собора с юго-западной стороны".
Неизвестный художник. Гравюра сер. XIX в.

ших разным монастырям. Улиц три: большая — к водяным волжским воротам с 107 домами, от Спасских ворот шла улица с северной стороны вала с 71 домом, переулок на большую улицу к водяным волжским воротам с 13 домами, а всего был 191 дом. Наконец, в кремле находились

Планъ Костромского кремля отъ 1755 г., дополненный въ 1773 г.

Описаніе. 1. Успенскій соборъ. 2. Богоявленскій соборъ (проектированный). 3. Соборная ограда. 4. Воеводскій дворъ съ разными казенными зданіями. 5. Четыре обывательскіе дома въ оградѣ. 6. 7. 8. Обывательскіе дома внѣ ограды. (7. Нынѣ соборный огородъ. 8. Теперь зданія неприкосновеннаго склада). 9. 9I 9II Земляные валы. (9. Нынѣ дорога къ рѣкѣ Волгѣ около откоса. 9I Нынѣ городской садъ. 9II Нынѣ малый бульваръ) 10. Спасскій мостъ и ворота, отъ нихъ улица (11). 12. Переулокъ на Большую улицу (13) къ Водянымъ воротамъ (14).

Извлеченіе изъ генеральнаго плана на г. Кострому и описаніе—составлено членомъ Костромской ученой архивной комиссіи архитекторомъ **Н. И. Горлицынымъ**.

также дома стрелецкого сотника Жабина и нескольких стрельцов. При многих дворах упоминаются дворниками стрельцы и пушкари, откуда следует заключить, что отряд их имел постоянное пребывание в Костроме.

Грамотою царя Михаила Федоровича в 1628 году из порожних убылых мест даны для поселения пятидесяти костромских стрельцам места под дворы и огороды, каждому в длину по 12, а в ширину по 6 сажен. О числе жителей в древнем кремле можно предполагать только по приведенному числу дворов, других же сведений об них не найдено.

Неоднократные весьма опустошительные пожары более всего содействовали изменению вида древнего кремля в Костроме. В 1654 году обгорел Успенский собор от загоревшихся теплой деревянной церкви при Троицком соборе и съезжей избы; во время пожара, вероятно, подверглись также истреблению дом царицы Марфы Иоанновны и разные монастырские дворы с другими зданиями. В 1679 году сгорели находившиеся поблизости Успенского собора и Крестовоздвиженского монастыря кельи беспоместных инокинь. В 1773 году истреблены не только девичий монастырь, но и Успенский собор, девять церквей приходских, все ряды без остатка, лавки с хлебом и множество дворов. Девичий монастырь перемещен после того в Анастасиин за новым городом в посаде, на протоке, а на прежнем месте устроен собор Богоявления Господня. Успенский собор, обгоревший в это время, также возобновлен. Со времени последнего пожара частные строения стали исчезать в кремле, и по плану 6 марта 1781 года там уже никаких частных зданий не полагалось.

По городской книге 1792 года видно, что на месте, которое занимал старый город, находились только четыре обывательских дома. Впоследствии они также снесены, и в начале XIX столетия не было никаких частных строений. Кремль занимал 12 десятин 86 сажен, в том числе под земляною крепостью со состоявшими внутри ее заселенными и незаселенными местами, под церквами и каменною оградою 1 десят. 129 саж.

Потом в бывшем кремле находились холодный Успенский храм — пятиглавый, с галереями и 4 палатами, из них две — для помещения ризницы, одна — для хранения церковной суммы и свеч и одна — для сторожей. Успенский храм имел придел во имя Св. Великомученика Феодора Стратилата, храм Богоявленский, теплый, при нем колокольня, а также два каменных двухэтажных дома. Вокруг соборных зданий была каменная ограда с железными на ней решетками, (1) довольно высокая (с берега Волги она возвышается до 4 саж.), имеющая в окружности до 200 саж. Кроме того, два каменные дома с небольшим между ними садом стояли в линию с оградою на пространстве 51 саж. Среди ограды с северовосточной стороны против английского сада был небольшой каменный одноэтажный флигель. Ниже помянутых домов лежит огородная земля, простирающаяся от бичевника реки Волги с юго-западной стороны до самых тех домов. Еще есть каменный двухэтажный магазин, построенный в 1789 году для складки вина и соли, деревянный магазин, также для складки соли. Валы или насыпи с северо-восточной стороны, срытые в 1807 и 1818 г. (2) Здесь был довольно большой и хорошо обустроенный бульвар попечением бывшего гражданина губернатора тайного советника Баумгартена.

* * *

Новый город Кострома устроен в 1619 году посадскими жителями на случай осадного положения. Он простирался от кремля с северной стороны до Крестовоздвиженского монастыря и сульского протока; с западной — на восток от реки Волги до церквей Воскресенской и Благовещенской. Город этот окружен был рвами и деревянными стенами с 23 башнями и 6 воротами: большими Спасскими, Водяными к р. Волге, Предтеченскими, Никольскими, Благовещенскими и Воскресенскими. От этих ворот не осталось и признаков; но рвы и рытвины долго оставались как следы древнего его положения. Из них после бывшего с 1773 по 1778 год межевания засыпан в уровень с площадью ров близ церкви Дмитрия Селункого (3), чрез который тянулся деревянный мост под названием Благовещенского. С 1809 по 1824 год завалили рвы: при Воскресенской церкви между хлебным гостиным двором, городскою каланчою и зданиями полиции, у Крестовоздвиженского монастыря и церкви Св. Василия Кесарийского, близ сульского протока, у церкви Петра и Павла, где был деревянный мост. Внутри города находились на площади церковь Св. Николая и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи; в брашной улице — церковь рождества Иоанна Предтечи с церковью Св. Николая и семи Отроков; таможенная изба, земская изба, важня, амбар с сенями и с шестью лавками, гостиный двор с четырьмя амбарами, осадные избушки и разные дворы в Чулковом переулке и в Стрелкином переулке. Фасадов башен и ворот, к сожалению, не сохранилось, а из имеющихся сведений видно, что башни были деревянные, рублены клетками, бои выводные и устроены без террас. Они в некоторых местах были вышиною до двух с половиною сажен, под верхом их сделаны палати, или узкие переходы.

Журнал Министерства Внутренних Дел. 1860 г. Сентябрь.

Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. Кострома.

Слободы, существовавшие в Костроме в XVII и XVIII столетиях

Из записок М.С. Травьянского

КИРПИЧНАЯ

Еще во время царя Иоанна Васильевича Грозного существовала в Костроме кирпичная слобода, в коей имели жительство кирпичники и каменщики, производившие в Москве каменные царские строения. Это видно из грамоты, царем и великим князем Михаилом Федоровичем данной от 12 января 1624 года на имя костромского кирпичника Тихона Алексеева с товарищами.

В писцовых книгах города Костромы сказано: "На Костроме поконец посада слободка кирпичная, под коею белая земля".

Из этих же книг видно, что в кирпичной и каменщиковой слободе церковь во имя священномученика Власия, деревянная, верх шатровый, при ней другая, с трапезою, деревянная же, клетками, чудотворца Николая, а в церквах образа местные, и свечи, и книги, и ризы, и всякое строение церковное государево; а церковные земли с кладбищем: в длину 69, поперек 41 саж., да на той же монастырской земле власьевской 29 келий, а в них живут нищие и питаются от церкви Божией.

В кирпичной слободе считалось пять дворов, состоящих из 26 кирпичников и каменщиков, получивших для постройки домов и огородов 15 мест. В числе их упомянуто и о Тихоне Алексееве, на имя коего последовала царская грамоте. Ему отведено было место в длину 20 и ширину 13 сажен.

В 1726 году костромские каменщики и кирпичники государственною военною коллегиею требованы были чрез костромскую воеводскую канцелярию в Москву на работу к Цейгаузе. В 1746 году (1) из придворной интендантской конторы прислан был подпоручик Скрипицын для набора костромских каменщиков и для заключения с ними договоров о разных строениях в С.-Петербурге. Впоследствии времени они принадлежали ведомству главной дворцовой канцелярии. Некоторые из них, по Высочайшему указу 8 марта 1755 года, находились в С.-Петербурге с 1756 по 1763 год для строения каменного дворца в каменной и штукатурной работе.

В особо данных поверенному кирпичников Босову из костромской провинциальной межевой конторы в 1756 году плане и межевой книге означено: земли в Кирпичной слободе под дворами и огородами 5 десят. 2121 саж.

В генеральное земель межевание, произведенное по городу Костроме с 1773 по 1778 год, показано в межевой книге и на плане, что ведомства главной дворцовой канцелярии в кирпичной слободке земли обмежевано одною окружною межею: а) под поселением и огородами 5 десят. 1161 саж;, б) под улицею 960 саж.; а всего 5 десят. 2121 саж.

Слободка эта существовала у главной улицы, идучи из города к убогому дому, в смежности с церковными землями священномученика Власия и Тихона-чудотворца с дворовыми и огородными землями костромских купцов и бывшего костромского Троицкого второго собора, находившегося в костромском кремле.

В переписных г. Костромы книгах 1678 года означено в кирпичной слободке 10 дворов и 26 муж. пола душ.

По народным переписям показано в ней число душ мужского пола: в 1-ю — 25, во 2-ю — 31, в 3-ю — 29, жен. 28.

По высочайше конфирмованному 6 марта 1781 года плану на губернский город Кострому, кирпичная слободка к существованию не предположена, а назначена в константиновской части города одна только кирпичная улица, которая, начинаясь от Богоявленской, пересекает пролегающие от самого центра города, т.е. Сусанинской площади, две большие улицы: Константиновскую и Власьевскую — и оканчивается Московскою на выезде к реке Костроме у церкви Косьмы и Дамиана к городской заставе.

По учреждении костромского наместничества с разрешения камер коллегии, костромские кирпичники и каменщики обращены в костромской цех, а потом поступили в ведомство городового магистрата.

Слободы на плане города XVII в. — стр. 20.

ПОЛЯНСКАЯ

Костромской пушкарь Григорий Полянский в 1579 г. положил в дар Троицкому Сергиеву монастырю землю, находящуюся под его слободою, которая, вероятно, была пустопорожнею землею. Об этой земле упомянуто кратко в писцовых книгах г. Костромы, и при том изложено, что владели помянутым монастырем архимандрит и келарь со братиею по пожалованной от государя царя Михаила Федоровича в 1613 году грамоте. В этой слободке поселены были непашенные бобыли из разных сел и вотчин, Сергиевой лавре принадлежавших. Здесь устроен был двор монастырский для приезда, как сказано, старцам и слугам и находилось 29 населенных и 7 пустых дворов. Она существовала во время генерального межевания, проходившего в г. Костроме с 1773 по 1778 год, и состояла по 3-й народной переписи из 146 душ мужского пола, кои впоследствии по открытии костромского наместничества вошли в чин костромских посадских, и из них некоторые, по распоряжению начальства, отправлены были в старорусские заводы в 1781 году для обучения солеварению.

Полянская слободка получила наименование и сохранила оное, вероятно, от вкладчика. Поблизости ее, как видно из межевой книги, была писцовая земля, принадлежащая церкви Покрова Богородицы. Эта церковь носила название Покрова, что в Полянской слободе...

По настоящему расположению г. Костромы, Полянская слобода находилась в Сергиевской, Полянской, Заводской, Троицкой улицах и под строениями костромского именитого гражданина и фабриканта Углечанинова.

ПИЩАЛЬНАЯ

Эта слободка, существовавшая у посада г. Костромы, принадлежала костромскому Богоявленскому монастырю по грамоте царя Михаила Федоровича 1621 г. и дана была за борьбу против владычества поляков. Нет данных, почему она называлась Пищальною. Вероятно, в древние времена селились здесь пищальники, которые браты были в случае войны на службу, а в мирное время имели жительство в этой слободке.

Она существовала недалеко от монастыря, где ныне Богоявленская и Троицкая улицы, и в близкой смежности с Полянскою слободой... В городе существовал Пищальный переулок.

ГАШЕЕВА

По жалованной от государя царя Михаила Федоровича вотчинной грамоте за прописью дьяка Бажена Степанова 1627 года состоявшая за посадом г. Костромы по Вологодской дороге слободка Гашеева, или Гашеевка, дана была во владение костромскому Анастасиину девичью монастырю. В ней заведен был монастырский скотный двор и сосуществовало 27 бобыльских непашенных дворов, а людей в них 47 человек.

В костромских писцовых книгах 1628 года упоминается, что по древним таковым же книгам начислено было в слободке Гашееве пашни 10 четвертей.

Эта слободка в 1689 году из владения монастырского отошла и приписана к костромскому посаду. Взамен ее игуменье Анастасиина монастыря Анфисе с сестрами и преемницами ее, по высочайшему указу, последовавшему на имя костромского воеводы Стрежнева, назначено на воск, ладан и церковное вино 15 рублей, которые по расписанию штатс-конторы ежегодно отпускаемы были из костромской воеводской канцелярии.

РЫБНАЯ

В бывшем Успенском переулке и в Набережной улице, недалеко от церкви Успения Богородицы, существовала Рыбная слобода; в ней жили рыбные ловцы (ловили в реке Волге красную рыбу: осетров, белую стерлядь и белую рыбину).

По р. Волге рыбные ловли простирались вверх на 10, а вниз по течению реки на 20 верст; а у самой Волги были: садок, в который рыбаки сажали изловленную рыбу, и ледник, в котором на льду содержалась свежая рыба для государева обиходу.

По открытии костромского наместничества костромская рыбная слобода причислена к городу, рыбаки вошли в число жителей городских, а самые рыбные ловли предоставлены во владение городской думе.

ЯМСКАЯ

Эта слободка существовала в конце города за осташевой поляной, на коей находятся ныне костромская гимназия и частные дома. Улица носит название Всехсвятской.

Из костромских переписных книг 1678 года видно, что в сей слободке считалось 29 дворов, в числе коих был съезжий ямской, и 65 мужского пола душ.

В писцовых книгах г. Костромы упоминается: на горе на осташевой поляне церковь Всех Святых деревянная и улица от сей слободы, под названием Ямская, про-

легала к городу через церковную землю Бориса и Глеба, что в верхней боровой дебре.

Осташева поляна служила в летнее время для полковых лагерей и ученья солдат уфимского и троицкого полков, квартировавшихся в Костроме. Слободка Ямская называлась костромской ям, состоявший под ведомством ямской канцелярии в Москве, от коей определен был особый управитель для заведывания всякими ямщиков делами.

Ямщики имели особых выборных, а плакаты выдаваемы им были из костромской провинциальной воеводской канцелярии.

Костромские ямщики по открытии костромского наместничества возили почту до ярославской границы безденежно. Потом на них же была возложена обязанность возить почту по нижегородскому тракту до г. Кинешмы. (2)

С костромского яма назначено было 14 лошадей на станцию в воскресенье для путешествия Императрицы Екатерины II-й из С.-Петербурга в Могилев и на станцию в Новгород 75 лошадей для путешествия Императрицы из С.-Петербурга в Москву в 1767 году.

АРАПОВА

Она находилась при городе Костроме за речкою Черною и приписана была в древности сошным письмом к посаду. В ней было 46 мест дворовых и пахотные земли 16 четвертей.

В костромских писцовых книгах упомянуто, что в 1626 году владел ею безоброчно с дебри священник Стефановской церкви Симеон, назвав ее пустошью "поверхнее окладье", и представил грамоту 1614 года. Более об ней сведений нет; равно не сохранилось даже преданий, почему она названа араповою.

Во вторую половину XVIII столетия учреждено здесь городское кладбище.

КУЗНЕЦКАЯ

Костромские кузнецы с их семействами имели дворы близ церквей Безсребреников Козьмы и Дамиана и Святителя Николая, именуемых в кузнецах, как сказано по писцовым книгам, и составляли особую слободку, существовавшую в конце XVII и в начале XVIII столетий.

По первой народной переписи кузнецы означены особо от посадских; их состояло 166 мужского пола душ. Из сего числа некоторые были при артиллерии в работах в 1727, 1728 и 1729 годах. (3) Подушные подати они оплачивали особо от посадских по 40 алтын (1 руб. 20 коп.) с души. Впоследствии наименование слободки окончилось. (...)

Памятная книжка по г. Костроме на 1862 г. Кострома.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Журнал провинциальной канцелярии. 1746 год.
2. Журнал костромского наместничества. 1779 и 1780 г.
3. Журнал воеводской канцелярии. 1721-1731 гг.

Татарская слобода. Фото начала века.

Иван БАЖЕНОВ

ДРЕВНИЕ ГОРОДСКИЕ МОНАСТЫРИ

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Находился монастырь в Костромском кремле, "в старом городе в осыпи". Он был первоначально (до 1681 г.) мужской. Об основании его не сохранилось сведений, но он делается известным уже с 1580 г., когда сюда определен был архимандрит Иаков. Монастырь Крестовоздвиженский существовал, несомненно, ранее этого времени, ибо в нем принял пострижение преп. Ферапонт Монзенский — чудотворец (1586 г.). Самое местоположение монастыря определить в настоящее время несколько затруднительно. Судя по данным писцовых книг от 1628-30 гг. о Костромском кремле, Крестовоздвиженский монастырь занимал то место, которое ограничивали Богородицкий Феодоровский собор с западной стороны, отделенный от него дорогою, с северной стороны — т.н. осадные дома костромских помещиков, построенные в кремле на случаи осады от неприятелей, с восточной — Троицкий городской (второй) собор и со стороны южной — тот верхний берег р. Волги, на котором впоследствии (в конце XVIII века) сооружены каменные два корпуса, ныне занимаемые соборным причтом. Сохранились известия о том, что при нашетствии поляков на г. Кострому в смутное время на Руси монастырь этот подвергся разорению, причем умерщвлены архимандрит Геннадий и десять человек братии — это в 3 день марта 1609 г., в каковой, по синодику Костромского Крестовоздвиженского монастыря, назначено совершать ежегодно обедню и панихиду по этим убиенным инокам. По костромским писцовым книгам И. Бутурлина от 1629-30 гг., в Крестовоздвиженском монастыре существовали две церкви деревянные — в честь Возвижения Креста Господня, с шатровым верхом, а другая с трапезою церковь в честь Введения Пресв. Богородицы и колокольница с 6 колоколами. В описи 1770-72 гг. показаны в этом монастыре строения: две ветхих каменных церкви — Воздвижения и Алексия человека Божия и Введения и каменная колокольня с шатровым верхом, еще десять деревянных келий с пристройками и деревянная ограда с небольшими башнями. Из управлявших монастырем архимандритов известны по дошедшим документам: Иаков — в 1580 г., Геннадий — в 1598 г., управлявший Костромской десятиной, Корнилий — в 1629-37 гг., Филарет — в 1658-66 гг., управлявший Костромской и Нерехтской десятинами и заведовавший Костромской областью по церковным делам Павел — 1671-78 гг.

Во время большого пожара 12 июня 1679 г. в ряду многих сгоревших зданий в Костромском кремле были уничтожены огнем находившиеся подле Успенского соборного храма кельи сорока беспоместных инокинь, средствами содержания которых служили доброхотные подаяния богомольцев, приходивших в Успенский собор для поклонения чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Оставшись без помещений, инокини эти обратились к царю Феодору Алексеевичу и патриарху с прошением поместить их в Крестовоздвиженском (в кремле) монастыре с изведением из него бывших тогда лишь четырех человек братии и архимандрита. На эту просьбу последовало в 1681 г. соизволение, причем инокиням предоставлено право владения вотчинами и угодьями, принадлежавшими Крестовоздвиженскому монастырю, архимандрит же последнего с братиею переведен в Богоявленский мужской монастырь, что на посаде г. Костромы. Так Крестовоздвиженский женский монастырь сделался женским, первой игуменией котэрого была Капитолина. Царь Феодор Алексеевич, в 1681 г. предложивши "для украшения св. церкви и для просвещения христиан назначить новых епископов по степеням" и учредить отдельные кафедры епископские в городе Костроме и Галиче, назначил Крестовоздвиженский монастырь на содержание архиерейского дома ("в удовольствие епископа"), но предположение это за кончиною царя Феодора осталось без исполнения. Тогда за этим монастырем состояло 140 дворов; по ведомости же 1744 г. за ним было крестьян 678 душ; около 1764 г. было 668 человек. При учреждении штатов в 1764 г. в Крестовоздвиженский монастырь переведены инокини из упраздненной тогда Анастасииной обители (что на Суле), которая с 1766 г. обращена в архиерейское подворье для пребывания епископа со свитою, особенно весною и осенью, в целях более удобного выезда на священнослужение в городские церкви, и монастырь тот был положен по штатам в 3 классе. Но в большой пожар в кремле 18 мая 1773 г. был совершенно уничтожен огнем монастырь Крестовоздвиженский,

причем "от превеликаго жара" развалилась единственная в нем каменная церковь. По ходатайству Костромского епископа Симона перед Св. Синодом погоревший монастырь упразднен, монахини же с утверждения императрицы Екатерины II в 1775 г. переведены в прежний свой Анастасиин монастырь, который с этого времени своего восстановления получил название Крестовоздвиженского-Анастасиина монастыря. На месте же погоревшего в кремле Крестовоздвиженского монастыря сооружены в 1791 г. соборный Богоявленский храм с грандиозной колокольнею и для архиерейского подворья ближайший к храму каменный корпус. Из игумений Крестовоздвиженского (в кремле) монастыря известны по документам: Капитолина — в 1679 г., Пелагея — в 1681 г., Екатерина — в 1720-24 гг., Агрипина — в 1753-57 гг. и Нектария — в 1773 г., при которой совершилось восстановление прежде бывшего женского Анастасиина монастыря с присоединением к нему названия "Крестовоздвиженский" в память о кремлевском монастыре.

СИМЕОНОВСКИЙ БОГОРОДИЦЕ-ФЕОДОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

По устному преданию находился близ Мшанской улицы, несколько на запад от нынешней Богоотцовской церкви по направлению к Ипатьевскому монастырю, а от Мшанской улицы — к р. Волге. Монастырь был мужской. Об основании его не сохранилось точных сведений, напоминанием о нем служит переулок от Богоотцовской церкви к Набережной улице при р. Волге, который по плану г. Костромы 1781 г. в межевых книгах называется Симеоновским, как и доселе у старожилов. Из того, что в писцовых книгах говорится: "за Сулою Симеона Великаго присуд Анастасиина монастыря" — можно заключать, что основание Симеоновского монастыря относится ко времени, вероятно, между 1620-1666 г.г. Однако в донесении от 1721 г. архимандрита Ипатиевского монастыря Гавриила он называется "новозаведенный Пресвятые Богородицы Феодоровския да преподобнаго Симеона Столпника, на Мшанской улице". По донесению в 1722 г. архимандрита Ипатьевского монастыря Серапиона, судьи Костромского духовного приказа, в Симеоновском монастыре тогда жил лишь один монах Феодосий, усвоивший себе название "строителя", да монахов 4 человека, а пашни, и сенных покосов, и рыбных ловель, и иных никаких угодий нет. Известно затем, что в Симеоновском монастыре с 1754 г. по 1759 г. помещалась Костромская "епаршая школа", или духовная семинария, которая сюда переведена из Ипатьевского монастыря Костромским епископом Геннадием. Об этом же Симеоновском монастыре упоминается в 1757 г., именно: что 30 октября велено в Симеоновский монастырь приготовить хлеб на семинарию. Этот монастырь продолжал свое существование даже до 1764 г., когда был упразднен, вскоре же после того он почти совсем уничтожен пожаром, и ныне не осталось от монастыря никаких следов.

СПАС-ПОДВЯЗНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Был в самом городе Костроме, в 1 1/2 версте от кремля, на равном расстоянии между Успенским соборным храмом и Ипатьевским монастырем. Он был мужской, получил название "подвязный", оттого что здесь в стародавние времена находилась дубово-вязовая роща, остатки которой существовали даже в начале XIX века. По писцовым книгам И. Бутурлина от 1628 г., "...на пути в Мшанскую улицу в монастыре Спас-подвязном были церковь холодная в честь Преображения Господня и теплая — в честь Входа Господня в Иерусалим, деревянные клецки, а в церквах образы и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение государево

Николо-Бабаевский монастырь. Открытка начала века.

да приходских людей". В 1630 годах братию монастыря во главе с игуменом Арсением составляли 12 черноризцев и дьяк церковный; на монастырской земле стояло десять келий нищих, получавших средства к содержанию от доброхотных подаяний посетителей обители. Хотя Зверинский говорит, что Спас-подвязный монастырь основан царем Михаилом Феодоровичем при посещении г. Костромы в 1619 г., но он существовал еще ранее этого времени, так как уже от 1610 г. упоминается игумен этой обители Корнилий. Еще известны из управлявших монастырем Арсений в 1628 г. и Иоанн в 1662-65 гг. По грамоте патриарха Адриана от 1691 г. монастырь Спас-подвязный обращен в приходскую церковь, строитель же и братия переведены в Богоявленский, что на посаде г. Костромы, монастырь, к которому перешла упраздненная обитель "со всем недвижимым имуществом и рухлядью". По храмосданной грамоте от 8 марта 1738 г., по прошению попа Ивана Иванова, вместо обветшалых деревянных упомянутых двух церквей построены усердием костромитина, посадского человека Ивана Ошастина, "вновь каменные церкви во имя прежде бывый храм".

ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Находился он в г. Костроме на посаде "посторон" Богоявленского монастыря вблизи нынешней 2-й полицейской части, и идущий от нее переулок к р. Волге поэтому называется доселе Вознесенским. Монастырь был мужской, основан, вероятно, в 1619 г. царем Михаилом Феодоровичем во время посещения им г. Костромы. По писцовым книгам И. Бутурлина от 1628 года, "монастырь Вознесенский ружный, а в нем церковь преподобнаго Варлаама невогородскаго чудотворца, да место церковное, а церковь была Вознесения Господа Бога нашего Иисуса Христа, а в церкви образы местные и книги и ризы и колокола и всякое церковное строенье государево, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России, а церковных служебников поп черной Дионисий, три черноризца". Когда и по какому случаю Вознесенский монастырь прекратил свое существование и обращен в приход, остается неизвестным. В 1780 г. этот приход был упразднен и церковь пересена на Лазарево кладбище.

ТИХОНОВ МОНАСТЫРЬ

Размещался за посадом г. Костромы, и когда основан — неизвестно. Из писцовых книг видно только, что с землями церкви св. муч. Власия и Тихона-чудотворца находилась в смежности Кирпичная слободка. Церковь была деревянная, верх шатровый, да другая, также деревянная, во имя чудотворца Николая, сделаны клецки, на той же монастырской земле Власиевской 29 келий, а в них живут нищие и питаются от церкви Божией. Ныне вблизи от места бывшего Тихонова монастыря, который неизвестно когда и по какому случаю упразднен, находится каменная церковь во имя св. м. Власия, построенная в 1805 году прихожанами. Памятником существования здесь Тихоновой обители является лишь находящаяся в Власьевской церкви древняя икона св. Тихона амафунтского, в честь которого и доныне празднуется 16 день июня с хождением церковного причта по всему приходу, на месте же самого храма этой обители издавна устроена часовня (на церковной земле).

СПАСОЗАПРУДНЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В 2 1/2 верстах от Костромского кремля на север, на правом берегу р. Запруденки, находился Спасозапрудненский монастырь. Монастырь был мужской, притом первый в г. Костроме, сложное же свое название получил частью от местной речки Запрудни, частию от названия своего храма в честь Спаса Нерукотворенного образа. Храм этот сооружен был костромским князем Василием Ярославичем Квашнею после бывшего ему 16 августа 1258-60 гг. во время охоты здесь, в чаще соснового леса, чудесного явления на дереве т.н. Феодоровской иконы Пресв. Богоматери (каковая икона по принесении собором священников в г. Кострому поставлена в соборном храме во имя св. Феодора Стратилата, что при Мшанской улице), и на том месте "князь Василий монастырь устроити повеле". О первоначальном состоянии этого монастыря и даже до XVI века, равно о том, какие лица состояли игуменами и какими угодьями обитель была снабжена, не имеется сведений, кроме того, что по жалованной тарханной грамоте царя и великого князя Ивана Васильевича, подтвержденной, за взятием ее литовскими людьми в 1609 г., царем Михаилом Феодоровичем, принадлежали Спасозапрудненскому монастырю "села и деревни на Костроме в Сущеве и в Ондроникове стану и в Вяцком и в Возжанове, да в городе на посаде дворы монастырские". В XVII веке в этом монастыре существовала лишь деревянная церковь в честь Нерукотворенного образа Спасителя, престол в которой, по преданию, был поставлен над

Церковь Спаса на Запрудне, поставленная на месте явления иконы Федоровской Божией Матери. 1910 г.

пнем от той сосны, на которой дивно явилась князю Василию Феодоровская икона Божией Матери. В XVIII веке в этом монастыре были две небольшие церкви: на месте деревянного храма — двухэтажная каменная (с 1754 г.), вверху — во имя Нерукотворенного образа Спасителя (для летнего служения), а внизу две церквицы: направо — в честь Феодоровской иконы Божией Матери и св. Алексия митрополита, а налево — во имя св. вм. Феодора Стратилата (для зимнего служения). В семи саженях к югу от этой церкви на берегу р. Запруденки находилась до 1809 г. небольшая деревянная церковь в честь Введения Пресвятой Девы во храм. В 1758 г. Костромской епископ Дамаскин построил в этом монастыре деревянный большой корпус, в который потом была переведена из Симоновского Костромского монастыря духовная семинария, а в 1759-60 гг. он же построил в роще за церковью деревянный дом со службами для себя и помещения архиерейской свиты на случай временного пребывания в нем во время весеннего водоразлива р. Костромы, для того чтобы иметь возможность безопасно и беспрепятственно во время страстной и светлой седмиц отправляться в городской соборный храм для священнослужений; при этом доме Дамаскиным построена деревянная крестовая церковь в честь Благовещения Пресв. Девы. Вследствие некоторой прежде отдаленности от города Спасозапрудненский монастырь был бедный, как видно из того, что по патриаршему указу от 28 января 1687 г., по челобитью игумена этой обители Павла, "данных денег на нынешний 1695 г. и впредь для их скудности имать не велено и те деньги из окладу выложить", о чем дана грамота и архимандриту Ипатьевского монастыря Феодосию. По ведомости о кафедрах и монастырях 1744 г. за Спасозапрудненским монастырем состояло крестьян 25 душ, которые жили в двух слободках против монастыря по ту сторону Запруденки. Монастырь был малобратственный: так в 1721 г. в нем, кроме строителя Павла, было монахов 4 человека, а в 1722 г. — строитель и один монах. Во времена патриархов всероссийских этот монастырь назывался домовым патриаршим и писался: "патриарш домовой Спасской Запрудной монастырь", а с учреждением Св. Синода стал принадлежать синодальной области. По донесению в июне 1722 г. Св. Синоду судьи Костромского духовного приказа Серапиона, архиманд-

рита Ипатьевского монастыря, братия Запрудной пустыни не отличалась добропорядочною жизнью, дозволяя себе бродить беспрестанно по городу и пьянствовать, свадьбы венчать без памяти"... Уже 9 ноября 1724 г. состоялся указ Св. Синода о приписке этой малочисленной пустыни к великобратственному Богоявленскому монастырю (бывшему мужским до упразднения 5 декабря 1847 г.) с переведением в него монахов и всего имущества. Из игуменов и строителей (в XVIII в.) монастыря известны: Сергий — в 1615 г., Андриан — в 1623 г., Антоний — в 1643 и 1657 гг., игумен Макарий — в 1656 г., Иона — в 1661 г., Павел — в 1665 г., Авраамий — в 1670 г., Христофор — в 1677 г., Иона — в 1682 г., Павел — в 1685 г., строитель Антоний — в 1695 г., Павел — в 1701 г., Иаков — в 1728 г., Иларион — в 1732 и 1737 гг., игумен Анастасий — в 1750 г., Митрофан — в 1752 г., Антоний — в 1761 г. и Игнатий — в 1763-64 гг. Отсюда видно, что приговор от 1724 г. о приписке Спасозапрудненского монастыря к Богоявленскому не был упразднением его: монастырь продолжал свое существование, хотя под смотрением Богоявленского архимандрита, и он упоминается в ведомости 1744 г. Дело в том, что за переводом братства в большие монастыри земли приписных монастырей стали оставаться "впусте", "а где братство оставлялось, те от обирания для того большими монастырями от них хлеба и скота терпели нужду", и потому указом Св. Синода от 16 марта 1725 г. запрещено как переводить монахов из тех монастырей, которые, на основании духовного регламента, должны быть приписаны к великобратственным монастырям, но не упразднены и в которых братство без жалованья имело возможность пропитать по тридцати человек, так и брать что-либо из монастырей, а затем повелено считать монастыри только приписными, а не упраздненными. Свое упразднение Спасозапрудненский монастырь за недостаточным обеспечением получил несомненно с учреждением монастырских штатов в 1764 г., после чего в монашеских келиях нашла себе свободное помещение костромская духовная семинария, которая затем в 1814 г., вследствие уничтожения огнем училищных корпусов на Запрудне, переведена в городской Богоявленский монастырь. С упразднением Спасозапрудненского монастыря церковь его стала ружною, получая от Успенского кафедрального собора на свои нужды по 60 руб. в год ассигнациями и по 50 руб. на содержание священника, дьячка и пономаря, причем на продовольствие причта дано 37 десятин земли. Ныне здесь приходская церковь с двухкомплектным причтом. Существующий каменный храм представляет собой пристройку в 1806 г. на средства костромского купца В.И. Стригалева и перестройку в 1864 г. усердием фабрикантов Зотовых. Доныне здесь великую святыню составляет чудотворный старинный Нерукотворенный образ Христа Спасителя, издревле и особенно с половины минувшего века высоко почитаемый среди Костромских граждан и прихожан ближайших 17 пригородных сел.

КАЗАНСКАЯ БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ

Эта мужская пустынь находилась близ г. Костромы, быть может, на том месте или вблизи того места, где ныне в 4 верстах к северо-западу от Костромы существует деревня Казанка. Об этой пустыни упоминается лишь в 1731 г., когда в ней строителем состоял Иосиф, до 1745 г. она принадлежала к синодальной области и в 1764 г. была упразднена. Среди жителей деревни Казанки не сохранилось памяти о Казанской пустыни. Но косвенным подтверждением существования ее может служить ежегодное 8 июля празднество в этой деревне в честь Казанской иконы Божией Матери с хождением Иоанна Богословского причта по домам, и тем более, что не имеется преданий об установлении этого праздника по какому-либо обету, например, вследствие эпидемии, пожара и тому подобных бедствий.

МОНАСТЫРЬ ВО ИМЯ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Находился недалеко от Николо-Бабаевского монастыря на левом берегу р. Волги, близ нынешнего села Вятского, которое принадлежало к Костромскому уезду, следовательно, к митрополичьей области, почему это село называлось в документах митрополичьим. Монастырь был мужской и упоминается в XV веке в рукописном Прологе, именно около 1470 г. в житии св. Ярославских чудотворцев князя Феодора и чад его Давида и Константина. Сведений об основании монастыря и о состоянии его в последующие затем времена не сохранилось, равно и письменных документов о том. Нет сведений и о том, когда и по какому случаю монастырь этот прекратил свое существование.

Из "Обозрения упраздненных монастырей и пустынь Костромской епархии". Костромские епархиальные ведомости. 1917 г. № 6.

ЗАБЫТАЯ ОБИТЕЛЬ

На месте Ризположенского собора древнего Анастасиина-Крестовоздвиженского монастыря сегодня стоят сараюшки, а между ними важно вышагивают куры. Сюда не заглядывают туристы, хотя этот двор от Больших Мучных рядов отделяет только неуклюжее здание постройки тридцатых годов, а увидеть отсюда каланчу мешает лишь дом по пр. Текстильщиков, чей фасад украшают фигуры пионеров, застывших в салюте.., как будто и не было здесь обители с пятивековой историей.

Между тем первый историк монастыря, владыка Павел (Подлипский), начинал свое повествование так: "Крестовоздвиженский девичий 3 класса монастырь, находящийся внутри города Костромы между частию оного, именуемой Китай, и высохшим протоком Сулою и называвшийся прежде Анастасиин, принадлежит к числу весьма древних монастырей". (1)

Правда, бурная история города, полная битв и пожаров, не позволила сохранить документы, свидетельствующие о времени основания обители. В годы смуты начала XVII века монастырь был разграблен "литовскими людьми", и в 1623 г. игумения Юлия должна была просить у Михаила Федоровича Романова подтверждения на владение прежними вотчинами, грамоты на которые были утрачены. Позже, в 1655 г., уже по прошению игуменьи Елены, владения были подтверждены грамотами Алексея Михайловича. (2)

В некоторых изданиях высказывалось предположение, что Анастасиин монастырь был основан царицей Анастасией Романовной, первой, любимой женой Ивана Грозного, причем упоминалось о неких ее вкладах в монастырь, но уже к началу XIX века ее вклады были неизвестны, а владыка Павел считал известия о вкладах Анастасии недостаточными для того, чтобы приписывать ей основание монастыря, тем более что к этому времени уже были известны косвенные свидетельства о существовании монастыря задолго до ее рождения: в писцовых книгах 1596-1597 гг. упоминалась грамота, данная Анастасиину монастырю князем Василием Дмитриевичем, сыном Дмитрия Донского, который правил Московским княжеством в 1389-1425 гг. По этому документу суду Анастасиина монастыря подлежали черные посадские люди, жившие в Костроме на Брагиной улице. Это дало основание предположить, что обитель уже существовала в XIV веке (3).

По писцовой книге 1628-29 гг. в Анастасиином монастыре упоминались две деревянные церкви: одна в честь положения риз Пресвятые Богородицы во Влахерне с приделами Михаила Малеина и мученицы Анастасии ("древяна вверх шатровой на каменное дело" (4), а другая в память входа Спасителя во Иерусалим, с приделом Параскевы Пятницы. Позже Ризположенская церковь была отстроена в камне, а игумения Параскева в 1712 г. пристроила к ней каменный Входоиерусалимский придел.

Между тем поиски неизвестной Анастасии продолжались. Владыка Павел первым обратил внимание на то, что в описании 1628 года был отмечен запрестольный образ Феодоровской иконы Божией Матери, на оборотной стороне которого было не изображение Параскевы Пятницы, как обычно, а мученицы Анастасии: "...приняв в уважение сии обстоятельства, нельзя ли предполагать, что сия икона есть приношение какой-нибудь княгини Анастасии?" (5) В примечаниях к этой рукописи остались следы поисков этой дарительницы — он рассматривает не только связи с Костромской землей Анастасии Романовны, царственное будущее которой предсказал преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский, но

Сретенская церковь Анастасиинского монастыря.

и выписывает из "Истории" Карамзина сведения об Анастасии, сестре князя Василия Дмитриевича. Но сделать окончательный вывод первый историк монастыря так и не решился.

В 1764 году вводились по указу императрицы Екатерины II духовные штаты, по которым монастыри вместо прежних имений получали жалованье от государства. Поскольку государственных денег, как обычно, на всех не хватало, часть монастырей была признана малодоходными и малолюдными, а потому упразднена. В этом ряду оказался и Анастасиин монастырь, упраздненный "по явно скудному состоянию" (6), а сестры его переведены в девичий Крестовоздвиженский, находившийся в ту пору на кремлевском холме близ древнего Успенского собора.

Освободившееся место показалось удобным для размещения костромских владык: отсюда было ближе к собору, чем от официальной их резиденции — Ипатьевского монастыря. Вот как об этом писал в 1830 г. костромской житель Н.И. Волков: "... из малороссиян преосвященный епископ Дамаскин по представлению в Святейший Синод в бывшем Анастасиине монастыре выстроить восхотел архиерейское подворье и дом... при котором доме и сад насажден". (7)

Однако недолго просуществовало подворье, потому что в кремлевском пожаре 1773 г. вместе с прочими деревянными постройками сгорел и Крестовоздвиженский монастырь, а здания Анастасиина, остававшиеся на берегу пересохшей Сулы, сохранились, потому именно сюда и вернулись монахини, менее десяти лет прожившие за пределами исконной своей обители. Но суммы из казначейства продолжали поступать для Крестовоздвиженского монастыря, поэтому решено было сохранить это наименование даже при возвращении сестер на прежнее место Анастасииной обители. Иногда монастырь именовали по ведомости — Крестовоздвиженским, иногда добавляли старое название.

Постепенно обитель начинала отстраиваться. После пожара из коллегии экономии поступили 500 рублей на исправления обгоревших и строительство новых зданий. Матушка игумения Нектария начала с возведения северной стены, шедшей вдоль старого сульского протока, а в 1814 году каменная ограда была продолжена игуменией Сусанной с восточной и южной сторон. По прошению настоятельницы Александры (Мятлевой) в 1794 г. к монастырю была присоединена малоприходная Сретенская церковь с приделом Василия Великого, а также прилегавшая к ней территория. И все же это были лишь приметы восстановления обычного порядка монастырской жизни, при котором сестры жили в своих кельях своим порядком, скрываясь за стенами от монастырских треволнений.

Духовное обновление обители началось с приезда в Кострому в 1817 г. пятерых насельниц Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря. Монахини София, Рахиль, Надежда, инокиня Зинаида с послушницей Агриппиной остановились в Костроме по пути во Владимирскую епархию, они познакомились с семьей купцов Солодовниковых — Дмитрия Дмитриевича и его жены Феклы Васильевны, которые и уговорили их остаться в Костроме. Владыка благословил, и в Анастасиином-Крестовоздвиженском монастыре стало распространяться общежитие.

Общежитием, или киновией, назывался издревле особый распорядок монастырской жизни, основанной на послушании, строгом исполнении устава, ведении общего хозяйства, непрестанных трудах.

Первое время только приезжие сестры жили по новым правилам, но уже к концу 1817 года их стало 19, а к 1820 г. — 30. Одновременно с этим сохранялись кельи, построенные на собственные средства сестер, издавна живших в этой обители, например, "небольшая деревянная келья бывый казначеи монахини Мастридии собственная; возле оной кельи небольшой деревянный флигель монахини Маргариты собственный..." (8)

По мере того, как умножалось число сестер, привлеченных в обитель новым ее устройством, становилось необходимым новое строительство. Место стареющей матушки Сусанны в 1829 г. заняла та сама София (дочь Михаила Лизунова), что некогда приехала в числе пятерых сестер из Нижнего. Владыка Павел (Подлипский) писал, что она, прилагая "особенное попечение о распространении общежития,... успела уже со времени вступления своего в управление обителью от 20 человек умножить число общежительных сестер до 80, число же всех и с живущими отдельно в монастыре на собственном содержании простирается до 120". (9)

Именно игумения София, по благословению владыки Самуила, пристроила к западной ограде в 1830 г. "по плану и фасаду архитектора Фурсова каменный двухэтажный корпус" сестринских келий (10). Это здание стоит и сейчас, удивляя изяществом форм современных специалистов (11). Вероятно, к этому же времени относится и неосуществленный проект храма, выполненный Фурсовым и хранящийся сегодня в коллек-

ции архитектурной графики Костромского музея-заповедника (12): двухэтажный шестистолпный однокупольный храм архитектор предполагал с четырех сторон окружить шестиколонными портиками, столь характерными для почерка этого мастера.

Можно предположить, что недостаток средств в монастырской казне не позволил начать строительство нового храма, и П.И. Фурсову вместо осуществления своего замысла пришлось визировать чужой проект перестройки ранее возведенного (скорее всего на рубеже XVII-XVIII вв. Ризположенского храма: "Смотрено 13-го марта 1831-го года губернский архитектор Фурсов") (13).

Автором проекта расширения Ризположенского храма за счет пристройки двух приделов неизвестен, но можно предположить, что его составил известный в Костроме архитектор-самоучка А.В. Красильников, который в 1831 г. вел строительные работы в этой церкви, стены которой оказались очень непрочными и дали трещины. "К счастию, — замечал владыка Павел (Подлипский), — случайно открывший сие позволил еще заблаговременно принять свои меры, и почтенный гражданин здешний, Александр Васильевич Красильников, по плану и под присмотром которого производилась стройка, немедленно при себе со всею возможною поспешностию заложил пустоты кирпичом, чем и отвратил всякую опасность на предбудущее время". В примечаниях он заметил, что это заставило его "при сем случае изъявить ему полную благодарность от лица всех сестер нашей обители". (14)

Пожар, уничтоживший часть ветхих деревянных построек в октябре 1832 г., начался в соседнем доме купца Скалозубова, примыкавшем к территории монастыря с западной стороны, где не была достроена стена (15). Поэтому сразу после этого бедствия началось строительство не только корпуса настоятельских келий с общею трапезой, находившегося к северу от собора, но и ограды, которая завершала начатые прежде каменные стены теперь уже и с западной стороны.

Ворота ограды Анастасиинского монастыря.

Общежительный устав предполагал не только поддержание благосостояния монастыря, но и широкую благотворительную деятельность, а потому при Сретенской церкви были построены больничные кельи, в которых поначалу призревались больные и престарелые монахини, а позже — больные из духовного звания всей Костромской епархии. Позже именно из этого учреждения при преемнице матушки Софии, игумении Марии (Давыдовой), выросла больница для бедных с курсами сестер милосердия при них. Позже каменный больничный корпус был надстроен третьим, деревянным этажом, (16)

При игумении Софии (Лизуновой) было заложено основание и златошвейному промыслу в монастыре, для чего было построено ею специальное деревянное здание.

К концу жизни матушки Софии в монастыре жило уже 200 сестер, преимущественно на основах общежития. В своем завещании она писала сестрам: "Любите Господа Бога всем сердцем, вспомните, чего ради собрались в сие место, спасение ради души своей и для удобнейшего приобретения жизни вечной." (17) Своею жизнью она еще раз доказала, что на пути к этой цели только и может быть решена задача устроения обители, забота о духовном окормлении всегда отзывается и хозяйственным процветанием.

Позже, уже после смерти игумении Софии (Лизуновой), случившейся 20 сентября 1847 г., одна из ее преемниц, Мария (Давыдова), продолжила дело матушки Софии, чему способствовало присоединение к Анастасиину-Крестовоздвиженской обители опустевших после пожара построек Богоявленского монастыря. Однако этот период жизни монастыря достаточно хорошо описан в трудах И.В. Баженова и широко известен сегодня.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 156. Листы не нумерованы.
2. Описание Крестовоздвиженского третьеклассного девичьего монастыря. М. 1835. М.Я. Диев упоминает о ней как написанной еп. Павлом (Подлипским) — РН Б.ОР. Тит 4002. Л. 461.
3. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 156.
4. Там же.
5. Там же.
6. Описание... С. 5.
7. ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 159. Л. 2.
8. ГАКО. Ф. 707. Оп. 265. Л. 4 об.
9. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 156.
10. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 265. Л. 1 об.
11. См: Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 1: Кострома. Часть 2. Кострома. 1997. С. 238.
12. КИАМЗ. Кок 45818/49.
13. КИАМЗ. Кок 45818/69.
14. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 156. Подробнее о П.И. Фурсове и А.В. Красильникове см.: В. Бочков. "Скажи: которая Татьяна?" М. 1990. С. 217-228; 167-177.
15. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 201.
16. Снесен несколько лет назад.
17. Баженов И.В. Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Кострома. 1895. С. 15.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О БОГОЯВЛЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

ВЕК XV

Инок Никита
Игумен Иов
Игумен Антоний

Костромской второклассный Богоявленский монастырь, находящийся внутри города Костромы, основан в половине XV века между 1425 и 1462 годами. Основателем его был некто Инок Никита, современник Великого Князя Василья Васильевича Темного.

Впрочем, известиями о состоянии монастыря в XV веке мы слишком скудны. Что монастырь пользовался покровительством Великих Князей Василья Васильевича и Иоанна III Васильевича, это видно из грамот их, данных в разные времена Настоятелям; но, к сожалению, грамот подлинных не сохранилось. Содержание же их кратко изложено в описи монастырского имущества, составленной по воле Правительства во второй половине XVIII века. Из них видно: 1) что монастырь имел рыбныя ловли по реке Волге, 2) что люди монастырские освобождены были от податей государственных и 3) что монастырю присвоены были городские весовые пошлины.

Первая грамота (сказано в описи) дана от Великого князя Василья Васильевича костромскому наместнику Ивану Ивановичу по челобитью означенного монастыря чернца Никиты о расчистке в реке Волге тони для рыбной ловли.

Вторая грамота — от того же Великого князя игумену Иову, которою повелено костромским наместникам и их тиунам не требовать с монастырских волостей и людей, кроме посильной дани, ни подвод, ни белки, ни тамги, ни мыту и вообще никаких пошлин и не звать слуг и людей монастырских к суду наместничьему.

Третья грамота — от Великого князя Ивана Васильевича 6974 (1466) игумену Антонию, которою Государь отдал в Богоявленский монастырь на темьян (ладон) весовые пошлины со всех товаров, продаваемых и покупаемых в Костроме.

В конце XV века в монастыре погребены дети князя Василья Ярославича Боровского (племянника Великого князя Василья Васильевича Темного по жене Марии Ярославовне) — Иван, Андрей и Василий. В начале XVII века, как видно из писцовых книг того времени, еще цел был надгробный покров их. Память по них отправляема была в монастыре каждогодно.

ВЕК XVI

Игумен Иона. 1505-1534

Великий Князь Василий Иоаннович в 1514 году сбор весовых пошлин, о которых упомянуто выше, отменил, положив монастырю по шестидесяти рублей в год руги или жалованья.

Игумен Исаия Шапошников. 1534-1572.

... Царь Иван Васильевич дал в монастырь вкладу рукописный сборник в лист... Он же дал милостину по несчастных жертвах своего гнева, приказав поминать их в 4 число генваря.

1565 года в Богоявленском монастыре воздвигнуто первое каменное здание. Это нынешний Собор во имя Богоявления Господня в длину и ширину по 13 сажен, включая сюда же и паперти, обнимающие его со всех сторон, кроме восточной. Он построен по образцу Московского большого Успенского Собора. Строением начат 1559 года, а окончен 1565.

Между вкладчиками, усердием коих воздвигнуто сие огромное здание, упоминаются: инок Лаврентий Щелка, пожертвовавший 80 рублей, инок Герман Жердин и несчастный князь Старицкий Владимир Андреевич.

Первоначально сей Собор имел два придела: первый по правую сторону во имя Успения Божией Матери, второй по левую во имя Святителя Николая; но сей последний при Архимандрите Софронии упразднен и обращен в ризничную палату.

ВЕК XVII

Игумен Арсений. 1603-1619.

В 1603 году слит настоящий большой колокол, как значится в следующей надписи, вылитой на оном: "Лета 7112 (1603) году Декабря в 25 день слит сей колокол в похвалу имени Святых Богоявлений Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа на Кострому на посад в общий монастырь при благоверном Государе, Царе и Великом Князе Борисе Феодоровиче всея Руси и при его благоверной Царице и Великой Княгине Марии и при благородных чадех при благоверном Царевиче Князе Феодоре Борисовиче всея Руси и при благоверной Царевне и Великой Княжне Ксении и при святейшем Патриархе Иове Московском и всея Руси, повелением тоя честныя обители Игумена Арсения с братиею. Мастер Богдан Васильев. Весу сто полсема пуда".

В 1608 (7117) декабря 30 дня иноки Богоявленского монастыря явили достойный памяти потомства пример верности клятве и преданности престолу и отечеству... В Синодике под именем избиенных записаны — иеромонахи Трифиллий, Макарий и Савватий; иеродиакон Афиноген; монахи Варлаам, Дионисий, Иов, Кирилл, Максим, Иоасаф и Гурий. Избив иноков, злодеи беспрепятственно расхитили все монастырское имущество, как-то: св. иконы, сосуды, книги, ризы и пр. Из сих вещей, однако ж, очень многие в непродолжительном времени возвращены в монастырь людьми добросовестными, исторгнувшими иные из рук нечестия.

В 1610 году на северной стороне Богоявленского собора устроен храм во имя Иоанна Богослова, обращенный ныне в присутственную залу для Правления Костромской Семинарии. При упразднении означенного храма под напрестольною доскою, в одном из столбцев престола, найден холстинный антиминс с следующею надписью: "Освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа в Церкви святаго и всехвальнаго Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова в обители святых Богоявлений святейшим Ермогеном Патриархом Московским и всея России при благоверном Царе и Великом Князе Василье Ивановиче и при благоверной Царице и Великой Княгине Марии Петровне и при благоверной Царевне Анастасии, в лето 7118 Майя в 8 день при Игумене Арсение".

В 1613 году Игумен Арсений присутствовал при избрании на Царство Михаила Феодоровича и подписался под избирательною грамотою.

Того же года февраля 12 дня князь Димитрий Михайлович Пожарский подал в монастырь драгоценные ризы с оплечьем, низанным жемчугом, украшенные по местам серебряными злащеными дробницами; а июля 20 того же года бархатную епитрахиль с 15 серебряными злащеными пуговицами. К сожалению, первый вклад не дошел до нас в целости.

Того же года в 21 день марта царь Михаил Федорович приложил к образу Богоявления Господня "золотой Угорской", а великая родительница его инока Мария Ивановна апр. 3 подала ведро церковного вина.

В 1618 году завершена нынешняя Трапезенная церковь во имя трех Святителей: Васи-

Богоявленский монастырь. Начало века.

Часовня Николая Чудотворца в Богоявленском монастыре. Фото 1893 г.

лия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, в длину на 22, в ширину на 12 саженях. Строением начата еще в 1607 году, но смятения тогдашнего времени и особенно разорение монастыря в 1608 году, о котором говорено выше, замедлили окончание оной. Церковь сия о трех этажах; в нижнем этаже даже до 1768 года находились три комнаты кладовые и братская хлебопекарня.

В 1618 году игумен Арсений от правления монастырем отказался, вероятно, или по старости, или по любви к иноческому безмолвию.

Игумен Макарий. 1618-1625

1618 года октября 30 дня царь Михаил Феодорович, возвращаясь из монастыря Макарьевского, что на Унже, куда путешествовал он вместе с родительницею своею для богомолья, посетив и Богоявленский монастырь, приложил к образу Богоявления Господня золотой Угорской. Родительница ж его пожаловала золотой панагийный крест.

1621. Царь Михаил Федорович грамотою за приписью дьяка Андрея Степанова отдал в монастырь слободку пищальную, что за посадом к убогому дому (ныне между улицами Сергиевскою и Богоявленскою), на которой селились те монастырские люди, которые в самом монастыре должны были исправлять ежедневные работы.

В 1623 году игумен Макарий предложил царю Михаилу Федоровичу данные прежними Государями грамоты на владение отчинами. Царь, утвердив оные, июля 12 дал новую грамоту, коею повелел, чтобы все, имеющие иски на игумена и людей его, били челом в Москве в три срока, равно и игумен.

Игумен Тихон упом. 1626. Игумен Ферапонт. 1629-1636.

О состоянии монастыря в сие время можно судить по описанию его, помещенному в писцовых книгах 1628 и 1630 годов.

Из сего описания не видно, чтобы монастырь имел какие-либо здания, кроме церквей: Богоявленской, Трехсвятительской и Богословской. Кельями для братий служили, вероятно, нынешние шесть подклетов под церковию Трехсвятительскою, которые имели явные признаки жилых покоев, как-то: трубы, шкафы, окна и пр. ...

Церковною утварью монастырь был не скуден, а, судя по тогдашнему времени, даже богат. Поелику можно и должно думать, что многие из вещей, значащихся в писцовых книгах, поступили в монастырь еще в XVI веке, а может быть, и ранее...

Игумен Тихон. 1643. Игумен Герасим. 1644-1673.

Одним из деятельнейших настоятелей монастыря был Игумен Герасим... Он в сем же монастыре принял пострижение в монашество, ибо везде называется постриженником Богоявленского монастыря.

В 1642 году он, бывши еще келарем, начал, по повелению царя Михаила Федоровича и сына его царевича Алексея Михайловича, строить нынешнюю каменную ограду на пространстве 400 сажен с шестью башнями и Св. воротами. Строение продолжалось ровно шесть лет; ограда построена наподобие крепости с амбразурами вверху и внизу. Вкладчиками на строение ее были: 1) святейший Патриарх Иосиф, который в 1644 году подал "на каменное оградное строение 100 рублев", 2) боярин Михаил Михайлович Салтыков, давший на то же дело в 1644 году сто рублей да в 1647 году тысячу рублей, 3) "государев дворянин Моисей Иванович Панов, во иноцех старец Макарий, 100 рублей, и те деньги", как сказано в рукописи, "отданы к Соли Галицкой на известь", 4) Андрей Васильевич Волынской в 1646 году — 425 рублей "да двор, что близ Св. ворот". Окончив строение, Герасим довел о том до сведения царя Алексея Михайловича "и за свое радение" в 1648 году сентября 11 дня получил от него похвальную грамоту...

В 1652 году царь Алексей Михайлович прислал в Богоявленский монастырь грамоту, коею повелел игумену Герасиму вместе с попом Николаевской церкви Григорием Алексеевым иметь надзор за священно- и церковнослужителями города Костромы и Костромской округи, равно как и Плесского посада и всей Плесской десятины...

В 1654 году с 1 сентября монастырь испытал тяжесть небесного гнева — это поветрие, или язва, первоначально открывшаяся в Москве и оттуда разнесенная в соседственные области, а между прочими и в Кострому. В сие несчастное время монастырь лишился 56 человек братий и множества монастырских слуг; панихида по них каждогодно отправляема была в 1 число сентября.

1655 января 23 дня в соборной Богоявленской церкви выстлан пол чугунными плитами, литыми на Тульском заводе. Этот пол доселе остается в своем первоначальном виде.

1668 года устроены железные проезжие ворота, створные, а 1669 — железные же святые ворота.

В июле 1672 года Богоявленский собор иждивением боярина Петра Михайловича Салтыкова расписан греческим стенным письмом, а в сентябре того же года расписаны паперти и сходы. К сему же времени должно относить и написание иконы Божией Матери Смоленской, на стене юго-западной башни, в которой ныне устроена церковь во имя ее.

Все это делано коштом Салтыковых.

1672 года ноября 20 дня игумен Герасим скончался. Правив монастырем около 28 лет, он привел его во всех отношениях в наилучшее состояние.

Игумен Павел. 1675-1677.

В 1677 году было второе поновление иконы Федоровской Божией Матери, в числе священнодействующих при сем торжественном для всей Костромы случае находился и игумен Павел.

В конце сего года игумен Павел произведен во архимандрита в московский Симонов монастырь, откуда в 1680 году 1 июня 12 дня, по повелению царя Федора Алексеевича и благословению патриарха Иоакима, отпущен архимандритом опять в Богоявленский монастырь с правом священнодействовать в митре. С сего времени монастырь настоятелями постоянно имел и имеет архимандритов.

Архимандрит Павел. 1680-1691.

В июне 1680 года сделана первая митра; она хранится и доселе с следующею по серебряному обручу надписью: "лета 7188 июня в ... день при державе Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича... сделана сия шапка на Костроме в Богоявленском монастыре при Архимандрите Павле".

В горестный для отечества, по воспоминаниям стрелецкого бунта, 1682 год монастырь лишился одного из своих благодетелей — Федора Петровича Салтыкова. На надгробном камне его высечена следующая надпись: "лета 7190 (1682) месяца Майя в 15 день на память убиения святаго благовернаго Царевича Димитрия Углецкаго и Московскаго убит раб Божий стольник Феодор Петрович Салтыков в смятение на Москве безвинно при державе великих Государей, Царей и великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержец в начале царства их; а убиен в их царских чертогах, в мастерских сенях, а память тезоименитства его июня в 8 день Феодора Стратилата".

Архимандрит Корнилий. 1691-1700.

1692. Стольник Александр Иванович Зюзин приложил вторую митру, украшенную серебряными, злащеными дробницами, жемчугом и каменьями, "по жене своей", как значится на обруче ее, "Парасковье Ивановой и по прочих родителях своих для вечнаго поминовения".

1673. Сделана в монастырь теперешняя, лучшая архимандричья митра; она вся из чистого червонного золота с эмалевыми по золоту изображениями Богоявления Господня и Святых, усыпана крупным жемчугом, бриллиантами, яхонтами и другими дорогими камнями; устроена Алексеем Петровичем Салтыковым из золота и некоторых драгоценных вещей отца его Петра Михайловича Салтыкова, который "приказал и в духовной написал к строению служащей Архимандритской шапки девяносто два золотых одиноких, тридцать три золотых двойных и тройных, пятнадцать запон золотых со искры яхонтовыми, две вошвы, низанные жемчугом.., кукол, низанный жемчугом по червчатому атласу; да сам Алексей Петрович с своей части употребил сто девяносто девять рублей двадцать три алтына, да от дела тое шапки Немчину дано сорок один рубль". Золотые запоны приделаны к митре натурою. На ней следующая по золотому эмалевому обручу надпись: "лета 7202 (1693) Декабря в день сию шапку сделал по приказу отца своего Боярина Петра Михайловича сын его Боярин Алексей Петрович Салтыков и отдал в Богоявленский монастырь, что на Костроме по отце своем Боярин Петр Михайлович и по матери своей Боярыне Елене Васильевне для поминовения душ их".

Исторические известия о костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX вв. Спб. 1837 г.

1609 г. Костромской летопись 1683 г.

1609 г., 24 сентября. — По преданию, подвиг двух костромичей — К. Мезенцева и Н. Костыгина, благодаря которым был освобожден Ипатьевский монастырь от костромских дворян и детей боярских во главе с воеводой-тушинцем Н. Вельяминовым.

1609 г. — Воевода Костромы князь Дмитрий Масальский.

1610 г. — Борис Салтыков — воевода костромской.

1611 г. — Из Костромы на помощь первому ополчению Прокопия Ляпунова вышел отряд под руководством Федора Ивановича Волконского.

Нач. 1612 г. — Костромской воевода Иван Шереметев решил не пускать ополчение Минина и Пожарского в Кострому. По просьбе костромичей, Дмитрий Пожарский заменил Шереметева воеводой Романом Гагариным. В ополчение влилось 4 костромских отряда, собрана "многая казна".

1613 г., 13 марта. — Прибытие в Кострому посольства Земского собора 1613 г. с целью призвания на царство русского боярина Михаила Федоровича Романова.

1613 г., 14 марта. — Встреча Михаила Федоровича Романова и его матери Ксении Ивановны Шестовой-Романовой и посольства в Ипатьевском монастыре. Благословение Михаила Федоровича иконой Федоровской Божией Матери. Торжественная служба избрания на царство в Троицком соборе.

1613 г., 19 марта. — Новоизбранный царь Михаил Федорович покинул Кострому.

1616-1630 гг. — Воеводы в Костроме: князь Василий Васильевич Хилков (стольник) и Степан Михайлович Ушаков. В 1616 г. царь Михаил Федорович на имя их повелел, чтобы протоиерею костромского Успенского собора дважды в год, 14 марта и 15 марта, давали подводу от Костромы до Москвы с праздничными возами.

1619 г. — Царь Михаил Федорович посещает Кострому во время поломничества в Макариево-Унженский монастырь.

1619 г. — Строительство в Костроме на средства посадских людей нового города-крепости, примыкавшей к кремлю с северной стороны.

1628 г. — По грамоте царя Михаила Федоровича в Кострому прибывает отряд стрельцов и пушкарей. Им отводятся места под дворы и огороды. Первым сотником костромского стрелецкого отряда был назначен Степан Иванович Жабин.

1628 г. — Составлена писцовая книга г. Костромы, которая хранится в областном государственном архиве.

1628-1644 гг. — Проводились описания г. Костромы и Костромского уезда писцами П. Волынским, Бутурлиным и В. Волконским. Писцовая книга 1628 г. по г. Костроме хранится в ГАКО.

1636 г. — Князь Иван Федорович Шаховской — воевода в г. Костроме. При нем окончены писцовые дозорные книги и представлены в приказ костромской чети 26 марта этого года.

1641 г. — Воеводою Костромы служит князь Иван Федорович Деев.

1644 г., сентябрь. — На имя воеводы князя Василия Васильевича Тюфякина от патриарха Иосифа прислана грамота о пошлинах в пользу причта костромского Успенского собора.

1648 г. — Богоявленский монастырь обнесен каменною оградой с 6 вооруженными башнями.

1650 г. — Построена Троицкая церковь в г. Костроме.

1652 г. — Воевода г. Костромы Юрий Михайлович Аксаков.

1652 г. — Построена церковь Воскресения на Дебре.

1654 г., 1655 г. — Моровая язва (чума) опустошает город.

1653-1656 гг. — Воевода в Костроме Василий Михайлович Еропкин.

1664-1665 гг. — Составлены дозорные книги по г. Костроме князем И.П. Вяземским. Дозорная книга хранится в ГАКО.

1666 г. — К Успенскому собору пристроен придел Федора Стратилата.

1671 г. — Богоявленский собор г. Костромы расписан на средства боярина Петра Михайловича Салтыкова.

1672 г. — В Костроме пожар погубил почти весь город. Сгорел "тайничный колодез обрушился и землею засыпало".

1673 г. — Построена церковь Иоанна Богослова в Новом городе.

1676-1677 гг. — Воевода Андрей Илларионович Пущин.

1678 г. — Составлены переписные книги г. Костромы и слобод. Присланы на имя Андрея Богдановича Тушина из поместного приказа.

1679 г., 12 июля. — Произошел сильный пожар в Костроме.

1680 г. — В Костроме образована постоянная Татарская слобода из татар, перевезенных по царскому указу из Романовского уезда.

1681-1687 гг. — Построена Богословская церковь в Ипатьевской слободе.

1683 г. — Построена Преображенская церковь за рекой Волгой.

ПО ГОСУДАРЕВУ УКАЗУ, ДА С ВОЕВОДСКОЙ ПЕЧАТЬЮ...

Цари, великие князья московские Кострому не забывали: направляли служилых людей с поручениями, указные грамоты посылали. Решали дела и большие, и малые: делили город между наместниками, ратовали за поддержание в порядке стен костромского кремля, решали, кого освободить от государевых податей, и даже пленного цесарского посла приказывали содержать в Костроме на крепком посадском дворе.

Наместниками и воеводами в костромские пределы направляли людей не последних — князей да стольников, представителей многих знатных дворянских фамилий. (1)

Воеводский двор в кремле принимал каждого нового правителя вместе с челядью.

Рядом находилась уездная канцелярия — съезжая приказная изба, где с утра до вечера скрипели перьями писцы, распоряжались подъячие, приезжали с выполненными поручениями целовальники. (2) Отсюда уходили в московские приказы челобитные-рапорты. Здесь собирались государевы подати — потюремные, стрелецкие, ямские деньги.

В съезжую избу приходили костромичи с жалобами на насильство и разорение или записать в особые книги купчую, служилую, заемную кабалу. Ну, а кто "грамоте не умеет", так площадной подъячий поможет: составит и опишет все, как надо, только заплати.

Воевода свое дело знал крепко: отправлял на ратную и государеву службу дворян и детей боярских, наблюдал за строительством мостов, крепостных стен и рвов и, конечно, не забывал о себе и своих приближенных. "Брал избной расход", да на воеводский двор, "на чернила и на бумагу, и на свечи, и дьяком, и палачу, и бирючу (3), и на дрова, и водовозу". (4)

За оборону города отвечал все тот же воевода. Случись война, костромской кремль принимал под защиту вотчинников из уезда, ремесленников из пригородных слобод. За крепостными стенами располагались государевы житницы с запасами, осадный колодец, казенная кузница, пушкарское место да караульная изба, нес службу небольшой отряд стрельцов.

Если в мирное время приходили известия об убийстве, грабеже, разбое, губные старосты — выбранные миром судьи — посылали для обыска-расследования губных целовальников со стрельцами. Душегуба, татя, разбойника везли в Кострому и представляли пред грозные очи воевод или губных старост. А те уж расспросы расспрашивали, да пытки пытали, да приговор выносили: кого с миром отпустить, кого животишка (5) лишить, кого нещадно кнутом бить. Так и так. Живи честным трудом! Свое защищай, а чужого не помышляй!

Ольга КИВОКУРЦЕВА

“...От великого князя.., от царя “всея Русии...”

1443 г. июнь.

От великог[о] князя Васил[ь]я Васил[ь]евич[а] на Кострому Гридке Ларивонову. Бил ми челом Еупат[ь]ева манастыря игумен Фегнаст, а сказывает, что возятся на реке на Костроме, выше Ипат[ь]ева манастыря и ниже градцкие люди костромичи проезжие всякие люди; а тот перевоз дан в Ыпат[ь]ев манастырь на тем[ь]ян. (6) И ты бы ся велел возити грацким людем костромичом и всяким людем проезжим на реке на Костроме под Елпат[ь]ем, а выше Ипатьцкого манастыря и ниже возити бы ся еси не велел никому...

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI веков. Том 3. М. Наука. 1964. С. 250.

[Около 1490 г.]

От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси боярину нашему введеному костромскому наместнику пану Ивану Судимонту Кондратьевичу. Здеся мне бил челом Яков Захарьич, что вам обема на Костроме сытым быти не с чего; и яз здесе, князь великий, Якова пожаловал городом Володимером, а тебя есми пожаловал — придал другую половину Костромы с правдою. Да и здесь же мне бил челом Яков Захарьич на тебя, что де его жена Арина наперед к Пречистой к церкви пришла, а ты ее принял за накапку (7) и с места свел, и поставил свою жену Оксинью: и то бы чинишь с литовского обычая; и ты б ко мне к Москве без обсылки (8) не ездил; будете оба на Москве и яз вам счет дам...

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI веков. Том 3. М. Наука. 1964. С. 266-267.

Не ранее 1627 г. ноября 20.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии на Кострому воеводе нашему Матвею Федоровичю Стрешневу да дъяку нашему Марку Мартемьянову. В нынешнем во 135 году ноября в 20 день послана к вам наша грамота по челобитью Костромич посадцких людей старосты Кондрашки Палихина во всех Костромич посадцких людей место, а велено вам цесарева посла Адама Дорна с людьми поставить на добрых на крепких дворех, а которой двор посадцкие люди купили миром, а будет тот двор добр и крепок, и вам велено цесарева посла с людми перевесть на тот купленной двор, будет на нем стоять без нужи мочно. И в нынешнем во 135 году февраля в 23 день бил нам челом Костромитин посадцкой человек Федка Иванов сын Кинешемцов, а сказал: в прошлом де во 134 г. по нашему де указу был он, Федка, на Балахне у таможеннаго и у кабатцкого денежного сбору в верных головах год, и без него де поставили вы на его, Федкине, дворе цесарева посла, а жену де его и работников из двора выслали вон, и они де и ныне скитаютца по чюжим дворам и со всякие скудости в конец погибли, а что де к вам послана наша грамота по их челобитью, а велено того посла с людми с их посадцких дворов свесть на прежней мирской двор, где преж сего стоял цесарев посол и вы де того посла с его, Федкина, двора не свели и пося места, и вам бы его, Федку, пожаловать, велеть ему дать нашу грамоту и велети б того цесарева посла с его двора свесть на иной двор. И как к вам ся наша грамота придет, а цесарев посол будет поставлен на его, Федкине, дворе и стоит по ся места, и вы б цесарева посла с людми с его, Федкина, двора велели свесть на иной крепкой двор или на купленой их мирской двор, будет тот двор добр и крепок, а для береженья велели б естя у цесарева посла с людми быть приставом и стрельцом по-прежнему нашему указу, каков к вам послан наперед сего, а вперед бы есте у тово Федки на дворе стоялщиков не ставить не велели в те поры как он будет у нашего дела на службе в таможенных и в кабатцких головах или в целовальниках.

“Смесь”. Указатель и сборник материалов по археографии Костромской губернии, хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (составлен членом комиссии И. Токмаковым отд. 1-й). // Костромская старина. Вып. 3. Кострома. 1894. С. 1-2.

1664 г. ноябрь 22.

Список

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всея великия, и малыя, и белыя Росии самодержца, на Кострому князю Ивану Петровичу Вяземскому. В прошлом, во 172 году, августа в 30 день, послана к тебе наша, великого государя, грамота по челобит[ь]ю Костромич посадцких людей, а велено на Костроме городовое дело, что довелось делать Ипацкого и Богоявленского монастырей крестьяном доделать, развытя (9) Костромскими пригородки посадцкими люд[ь]ми, а что за розвыдкою будет в лишке городового дела и то городовое дело велено доделать всем городом и Костромскими пригородками по развыдке ж... И ныне били челом нам, великому государю, Костромских пригородов Нерехтчанин земской староста Вторышко Обросимов... да Соли Большие староста Ивашко Бубнов... А они де, Нерехтчане и Соли Большие посадцкие люди, на Костроме городовое дело де-

лали, в Кремле городе, проезжую воротнюю Спасскую башню, да они ж де почали делать с Костромичи с посадцкими люд[ь]ми, что довелось делать городового дела Ипацкого и Богоявленского монастырей крестьяном, и Костромичи де посадцкие люди чинятся непослушны того городового дела, монастырскаго повыт[ь]я (10) ныне не делают, а наметывают де то городовое дело на все Костромские пригородки... Да подали в Пушкарском приказе Нерехтчанин Сенька Быков, да Соли Большие Тимошка Мосеев Костромского городового дела невъезжие памяти и по плотникам в городовом деле уговорные записи прошлых 170, и 171, и 172, и нынешняго 173 г. И в порушных записях и в невъезжих памятях Нерехтчан и Соли Большие посадцких людей написано: в прошлом во 172 году, по нашему, великого государя, указу, делали они на Костроме городовое дело свое повыт[ь]е... в кремле городе святую проезжую воротнюю башню с чердаком... в уговорной записи нынешняго 173 году написано: Костромские городового дела зарядчики Костромитин посадцкой человек Еремка Семенов, да Максимко Пьяньково подрядилися они на Костроме на наше, великого государя городовое стенное дело... у всех Нерехтчан и Соли Большие у посадцких людей сделать им плотником... в новом городе в Никольской воротней башне и в прясле монастырского повыт[ь]я... и за Костромич посадцких людей три сажени ров им углубить и надолбы сделать в отделке. И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет... И будет по обеим развыдкам Нерехтчане и Соли Большие посадцкие люди городовое дело свое повыт[ь]е сделали, и ты б им, Нерехтчанам и Соли Большие посадцким людем, ныне иных городовых дел вновь делать не велел, а чего будет городового дела и всяких крепостей не додела[но] и ты б те городовые недоделки розвытя, велел доделывать с Костромскими четырьмя пригородками: Любимом, Судиславлем, Кадуем, Буем и Костромичи посадцкими и уездными сошными всяких чинов людьми, которые городового дела... не делали... а сколько на Костроме городового дела проезжих ворот и глухих башен, и меж вороты и глухих башен городовых стен и всяких крепостей по се число сделано в отделке, и на скольких саженех, и какова которая башня и ворота в ширину и в вышину сделана, и чево городового дела и всяких крепостей не додела[но] и на скол[ь]ких саженех и зачем не доделано, и ты б о том о всем к нам, великому государю, отписал и городовому делу книги и чертеж прислал к Москве, и велел подать в Пушкарском приказе боярину нашему князю Васил[ь]ю Григорьевичу Ромодановскому, да дьяком нашим Ивану Горохову, да Ивану Амирову. Писан на Москве лета 7173 ноября в 22 день.

Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденных в посаде Большие Соли Костромского уезда. СПб. 1902. С. 180-182.

“... Бьют челом холопи твои...”

[Не позднее 1643 г.]

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу Всея Русии бьют челом холопи твои, стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы, у которых у нас холоп твоих поместья и вотчины в Костромском уезде, костромичи и дворяне и дети боярския. По твоему Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Русии указу на Костроме губные старосты Михайло Алалыкин да Петр Иванов сын Скрипицын и Петр Скрипицын стар и болен и увечен и очми обнищал, быть ему у твоего государева дела в губных старостах нельзя, а и сам он, Петр, тебе Государю бьет челом, чтоб ему, Петру, у твоего Государева дела за старость и за увечье в губных старостах не быть. Милосердный Государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй, нас холопей своих, вели Государь на Костроме быть попрежнему в губных старостах костромитянину прежнему губному старосте Неждану Назомову сыну Усову да Михаилу Алалыкину, а он, Нежданн, человек доброй, душою прям и животом прожиточен; у такого твоего Государева дела быть ему, Нежданну, мочно и прежде сего будучи он, Нежданн, у твоего Государева дела в губных старостах твоему Государеву делу порухи никакой не учинил. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Рукописи из архива Ермоловых. // Костромская старина. Вып. 2. Кострома. 1892. С. 1-2.

1654 г.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси бьет челом сирота твой Костромского уезду села Онаньина церковной дьячок Ивашко Михайлов. В нынешнем, государь, во 162 году, взят я, сирота твой, на Кострому на съезжей двор к Микифору Володимеровичу Жедринскому да к подъячему к Ивану Ондреянову по оговору татя (11) и разбойника Ивашки Серова и тот вор Ивашко Серой на очной ставке с меня, сироты твоего,зговорил и по твоему государеву указу про меня, сироту твоего, в Костромской и в Кинешемской уезд посылано обыскивать и по обыскам я, сирота твой, дан на поруки до твоего государева указу и из тюрьмы осво-

божден, а дворишко мое и животишко запечатаны, милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, то мое домишко и животишка распечатать и отдать мне, сироте, ево ему, царь государь, смилуйся.

Костромская старина. Вып. 2. С. 10.

"К сему воевода печать свою приложил..."

1653 г. июль 11.

Список с наказные памяти

Лета 7161 года, июля в 11 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память пушкарю Васке Офанасьеву. Ехать ему в Костромской уезд, в Нагорную половину, в Нерехту и к Солям на посады, и в село Арменки, для того: в нынешнем, во 161 году, июля в 10 день, прислана государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамота из Розряду, за прописью дъяка Ивана Северова, на Кострому к стольнику и воеводе к Василью Михайловичу Еропкину, да к подъячему к Родиону Борзово, ведомо государю учинилось, что у костромич и розных городов у костромских помещиков и вотчинников, у дворян и у детей боярских дети, и братья, и племянники, и внучата в государеву службу поспели, а иные и указными многими леты сверстые (12), и не хотят государевы службы служить.., а государские милости и чести себе не ищут, в службу не пишутца, не памятуя дедов и отцов своих... как они служили прежним великим государем...

...И у которых дворян и детей боярских дети, и братья, и племянники, и внучата в службу поспели, и им велено тех отпускати к Москве тотчас... А буде которые новики, по нынешнему государеву указу, к Москве не поедут, и тем впредь в службу ни в какие чины писать не велено, и то им вечное бесчестье будет от себя... У подлинной наказной память печать стол[ь]ника и воеводы Васил[ь]я Михайловича Еропкина, да припись подъячево Родиона Борзово.

Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши... С. 177-178.

1670 г.

Лета 7178 году февраля в 10 день по Государеву Цареву и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца указу, воевода Дементий Тимофеевич Тарбеев, да Григорей Ошитков велели взять в государеву казну в городовую поделку и на строение воеводского двора с чети пашни по осьми алтын, по две денги на нынешней на 178 год Логинова стану с поместья Матвея Гневашева сына Головцына с дву третей деревни Елохова с деревнями с осьмины и с полполтретника, да девки Пелагеи Салмановской дочери Куломзина и с жеребьи (13) деревни Лодыгина с полуосмины да с вотчины того ж стану ево ж Матвия с трети села Долматовского с полуосмины, всего денег девять алтын с полуденьгою. Платил деньги Володька Огафонов. К сей отписи воевода Дементей Тимофеев сын Тарбеев печать свою приложил.

Костромская старина. Вып. 2. С. 7.

1665 г. мая 27.

По указу великого государя, на Костроме, у князя Ивана Петровича Вяземского, Костромскаго уезду, Логинова стану, с поместья Матвея Гневашева сына Головцина, с деревни Елехова с деревнями с осмины и полполтретника; да того ж стану с его ж вотчины, с трети села Долматова, с полуосмины; да того ж стану, с поместья девки Пелагеи Салмановы дочери Куломзина, с жеребья деревни Лодыгина, с полуосмины ж — городовое дело, что велено делать за Ипацкой и Богоявленской монастыри, свое повытье отдал делать зарядчику Осташке Нерозую; делать ему вместо того монастырскаго повытья в старом городе буреломную кровлю, а рядныя деньги подрядчик с их повытья по их ряде, за всю монастырскую поделку взял все сполна. И Костромским стрельцом и приставом в те поместья и в вотчину для городового дела не въезжати и поручных (14) не давать. К сей невъезжей князь Иван Петрович Вяземской печать свою приложил.

Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий "Долматовского архива" (Головцинского и Куломзинского родов) с приложениями. (Далее "Долматовский архив"). С-Пб. 1895. С. 195.

"...Губной староста, да крепостных дел подъячей..."

1643 г. март 16.

Се яз, Михайло Григорьев сын Семенова, родиною Костромского уезда, занял есми у Федора Матвеевича Головцына три рубли денег Московских, ходячих, марта в шестыйнадесять день, да впредь до сроку в год, до такова ж числа сто

пятьдесят втораго году, а за рост мне, Мишке Григорьеву сыну Семенову, у государя своего, у Федора Матвеевича Головцына, служить во дворе по тому ж по вся дни. А ростом и волосом, в лета и в приметы Мишка Григорьев писан в Костромских холопьих книгах имянно.

У кабалы подпись Костромского губного старосты Михайла Алалыкина и послуха Дмитрия Гаврилова сына Пушкарева. Кабалу писал Ларька Яковлев...

"Долматовский архив". С. 37.

1692 г. январь 16.

Се яз, Костромитин посацкой человек Михайло Леонтьев сын Кобыляков, да яз, Костромской стрелец Иван Ярофеев, да яз, Емельян Прокофьев сын Петлин, все есми порутчики поручилися есми на Костроме Семену Большему Савину сыну Аристову по дворовом его беглом человеке по Веденее Иванове сыне Иванове ж, что жить ему, Веденею, за нашими поруками на Костроме на посаде з женою своею и з детьми и, живучи, всяким торговым промыслом промышлять, и не пить, и не бражничать, и никакова плутовства не держатца, и с воровскими людьми не водитца, и воровскою никакою рухлядью не промышлять, и себя, и жены своей, и детей никому ни в какие крепости, в судные записи и в служилые кабалы не укрепить. А живучи на Костроме, платити ему, Веденею, за нашими поруками ему, Семену, и жене ево, и детям по сей записи на всякой год оброку по двадцати алтын денег и в том имать отписи, покаместа он, Веденей, жив. А убытка ево, Семена, и жены ево и детей не довесть; а оброчные деньги платить на срок на Петров день и Павлов верховных апостал по вся годы. А с Костромы ему, Веденею, и жене ево, и детям не съехать. А буде он, Веденей, за нашими поруками, живучи на Костроме, ему, Семену, и жене ево и детям оброку по вся годы платить не станет, и ему, Семену, вольно ево, Веденея, взять попрежнему во двор и владеть ему, Семену, и жене ево, и детям им, Веденеем, и женою ево, и детьми попрежнему ж. А буде он, Веденей, с Костромы куды збежит, и нам, порутчиком, ево, Веденея, и жену ево, и детей, как он, Семен, спросит, и жена ево, и дети, им поставить в лицах. А у сей записи послуси: Григорей Яковлев, Яков Колачников. А запись писал Костромской площади подъячей Сенька Ларионов...

Архив сельца Зиновьева (Акты и письма). С.-Пб. 1913. С. 107.

1702 г. сентябрь 4.

Лета 1702 году сентября в 4 день. Логина Дмитриева сына Бурдукова, Костромского уезда, деревни Менкова, крестьянин Савва Петров дал сию запись Федору Федорову Сыну Головцину в том, что порядился я, Савва, у него, Федора, с поместья его и вотчины Костромскаго уезду, разных станов, сельца Долматова с деревнями, да деревни Крутца, деревни Понарина, деревни Чеботова; да Ивана Матвеева сына Куломзина, деревни Учюева, всего с тридцать дворов, поставить в Ярославле две свои подводы со всякими путевыми летними и зимними припасы и с проводники к записке на срок сентября к седьмому числу нынешнего 1702 года; а из Ярославля на тех своих подводах везти мне, Савве, до Вологды, или куды великий государь укажет, великого государя припасы или ратных людей и, едучи нам, Савве, до Вологды, или куды великий государь укажет, дорогою тое кладь или ратных людей стеречь и беречь накрепко, и хитрости и порухи никакой не учинить, а его, Федора Головцына, и людей его и крестьян в том убытка никакого не довесть и на те его поместья и вотчины привести отпуск, (15) или очистка, и, записав на Костроме в приказной избе в книгу, отдать ему, Федору Головцыну. А рядил я, Савва, у него, Федора Головцына, на те свои подводы со всякими припасы и себе за работу до отстою десять рублев денег, и те рядныя деньги взял я, Савва, у него, Федора, наперед все сполна. А буде я, Савва, против сей записи на вышеписанный срок в Ярославле к записке тех своих подвод не поставлю, или в чем против сей записи, хотя в малом, не устою и на мне, Савве, взять ему, Федору Головцыну по сей записи, те вышеписанныя рядныя деньги все сполна и убытки, что ему, Федору Головцыну, в том станет. А у сей записи свидетель Костромские приказные избы подъячей Гарасим Мижуев. А запись писал Костромских крепостных дел подъячей Иван Муранов.

"Долматовский архив". С. 206.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. Часть 1. Кострома. 1913. С. 217-219.
2. О костромском кремле и старом городе Костроме. // Костромские губернские ведомости. 1838. № 45. Неофициальная часть. С. 102, 104.
3. Бирюч — глашатай, объявлявший на площадях и улицах указы властей. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Москва. 1956. С. 88.
4. Рукописи из архива Ермоловых. // Костромская старина. Выпуск 2. Кострома. 1892. С. 2.
5. Животишко, живот — имущество. Даль В. Указ соч. Т. 1. С. 540.
6. Темьян — тмин — дикий базилик, растение, используемое при курении во время богослужений. Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 398.
7. Накапка — головное покрывало у женщин. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 10. М. Наука. 1983.
8. Обсылка — известие о чем-то, подарок. Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 624.
9. Развытя, розватка — раскладка податей, часть повинности В.Даль. Указ соч. Т. 4. С. 20.
10. Монастырское повытье — сбор, оброк, подать в пользу монастыря. Даль В. Указ соч. Т. 3. С. 150.
11. Тать — вор. Даль В. Указ соч. Т. 4. С. 393.
12. Сверстые — сверстники, равные по возрасту. Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 147.
13. Жеребьи — доля, пай. Даль В. Указ. соч. Т. 1. С. 534.
14. Поручных не давать — в данном случае: не исполнять повинность. Даль В. Указ. соч. Т. 3. С. 324.
15. Отпуск — увольнение от дел, от исполнения повинностей. Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 748.

ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА ДЛЯ КОСТРОМСКОЙ СТОРОНЫ

I.

Едва наступило XVII столетие, как для жителей костромского края начался почти непрерывный ряд бедствий, если в то время общих для всей России, то здесь, сравнительно с ее прочими областями, отразившихся в большей степени. С самой весны 1601 года в продолжение 10 недель каждодневно шли сильные дожди, так что хлебные растения на полях даже в августе месяце стояли еще зелеными, наконец, к довершению несчастья в Успенский пост этого года случился сильный мороз, который попортил весь хлеб и сделал его совершенно негодным к употреблению. Зимовую рожь засеяли тощими незрелыми семенами и весною 1602 года то же сделали и с яровым хлебом. Открылся повсеместный голод, тем более чувствительный, что хлебы, как ржаной, так и яровой, не взошли, и поля 1602 г. лежали голыми.

В это время в вотчинах Костромского Богоявленского монастыря, прилегающих к Костроме, померло много людей голодною смертью. /.../

Осенью 1608 года вся северная Россия, в том числе Ярославль, Владимир, Суздаль, Галич, присягнули Тушинскому самозванцу, обольстившему добрые сердца россиян священным для них именем царевича Димитрия, сына Иоанна IV. Но наглые поступки поляков и пример Троицко-Сергиевской лавры и Ростова скоро рассеяли слепую приверженность, превратив ее в лютую ненависть к самозванцу: в начале зимы 1608 г. все жители нашего края одушевились сильною патриотическою ревностью и стали грудью за правое дело отечества: везде изгоняли воевод нового самозванца; повсеместно составлялись воинские дружины /.../

Так же поступили и костромичи, но вместе с поляками они ввергнули в тюрьму и вероломного воеводу своего князя Масальского, назначив на его место Бориса Салтыкова, которому передали князя Масальского для пытки, чтобы выведать от него тайные замыслы врагов. /.../

Около 12 декабря в Костроме находилось уже войско, состоявшее из костромичан, галичан и воложан, — оно извещало другие дружины, что ждет к себе ратников из Нижнего. Началась резня ужасная и с 1608 года по 1609 покрыла кровью поля костромские и галичские.

В исход 1608 г. из польских станов Сапеги, находившегося под Троицко-Сергиевою лаврою, и из стана Тушинского высланы были сильные отряды войска для усмирения всеобщего восстания. Три из них под начальством Лисовского, Стравинского и Яна Шучинского в декабре 1608 г. поспешили к Ярославлю, чтобы действовать на Кострому и Галич, а воины самозванца в больших силах направились к Суздалю с намереньем идти оттуда на Шую, Лух, Юрьевец и Кинешму.

Лисовский, овладев Ярославлем, оставил здесь охранное войско и устремился сам на царского воеводу Монастырского к городу Данилову: тогда ярославцы, пригласив к себе костромичан и галичан, напали врасплох на бывших в то время пьяных поляков, растленных на посаде по дворам, и всех их перерезали. Между тем Стравинский, шедший со своим отрядом нагорною стороною, грозно подвигался к Костроме.

На пути своем у Больших Солей, по сказителю Сапеги, встретил он дружину, состоявшую из семи тысяч крестьян, разбил ее и посад Большие Соли сожег. /.../

Костромские губ. ведомости. 1854. № 44.

II.

Между тем, победив в Данилове Монастырского, Лисовский луговою стороною бросился к Костроме, взял ее 28 декабря того же 1608 года и в начале января 1609 г. овладел Галичем. В течение всего этого месяца в Костроме стоял сильный отряд Лисовского, с большим нарядом из трех промежных пушек и полного сорокового наряда. /.../

В это самое время к северу от Солигалича стояли верные дружины поморян, шедшие на помощь к Галичу из Тотьмы, под предводительством головы Русина Брагина, с тотемским попом Третьяком Симакиным вместе с ратью усольского, устюжского и вычегодского. Узнав о занятии Галича неприятелями, они остановились в 20 верстах от Солигалича в волости на Совьюге, а шедшая другою дорогою дружина в числе 300 человек расположилась в Толшемской волости, вместе с бежавшими из Солигалича. Этими самыми действиями и кончился зимний поход Лисовского на Кострому и Галич. /.../

Такой же неудачный оборот принимали дела поляков в Галиче и Костроме. Ополчение вологодских поморян было усилено прибытием новых ратников.

Из северных городов, оставив засеки на Совьюге и Толшеме, и из глубоких темных лесов Солигаличских спустилось к Галичу; гнало и било поляков с их сообщниками, освободило от их власти Галич и с галичанами в грозном виде подошло в последних числах февраля 1609 года к Костроме. 28 февраля и 3 марта в улицах Костромы кипело жесткое кровопролитие, не исключая и самих стен монастырских. Ожесточенные поляки и сообщники их, разграбивши костромские богатства, даже церковные, и предав костромские

посады огню, заняли Ипатьевский монастырь, где за несколько пред тем лет каменные высокие стены с огненным боем были сделаны знаменитым боярином Дмитрием Ивановичем Годуновым, одним из потомков татарского князя Чета, основателя этой святой обители. /.../

Костромские губ. ведомости. 1854. № 45.

III.

Встретив неудачу, Лисовский со своим войском обратился нагорною стороною через Решму, Кинешму и Солдогу к Костроме в намерении выручить своих сообщников, стесненных в Ипатьевский монастырь царским воеводою Давыдом Жеребцовым./.../

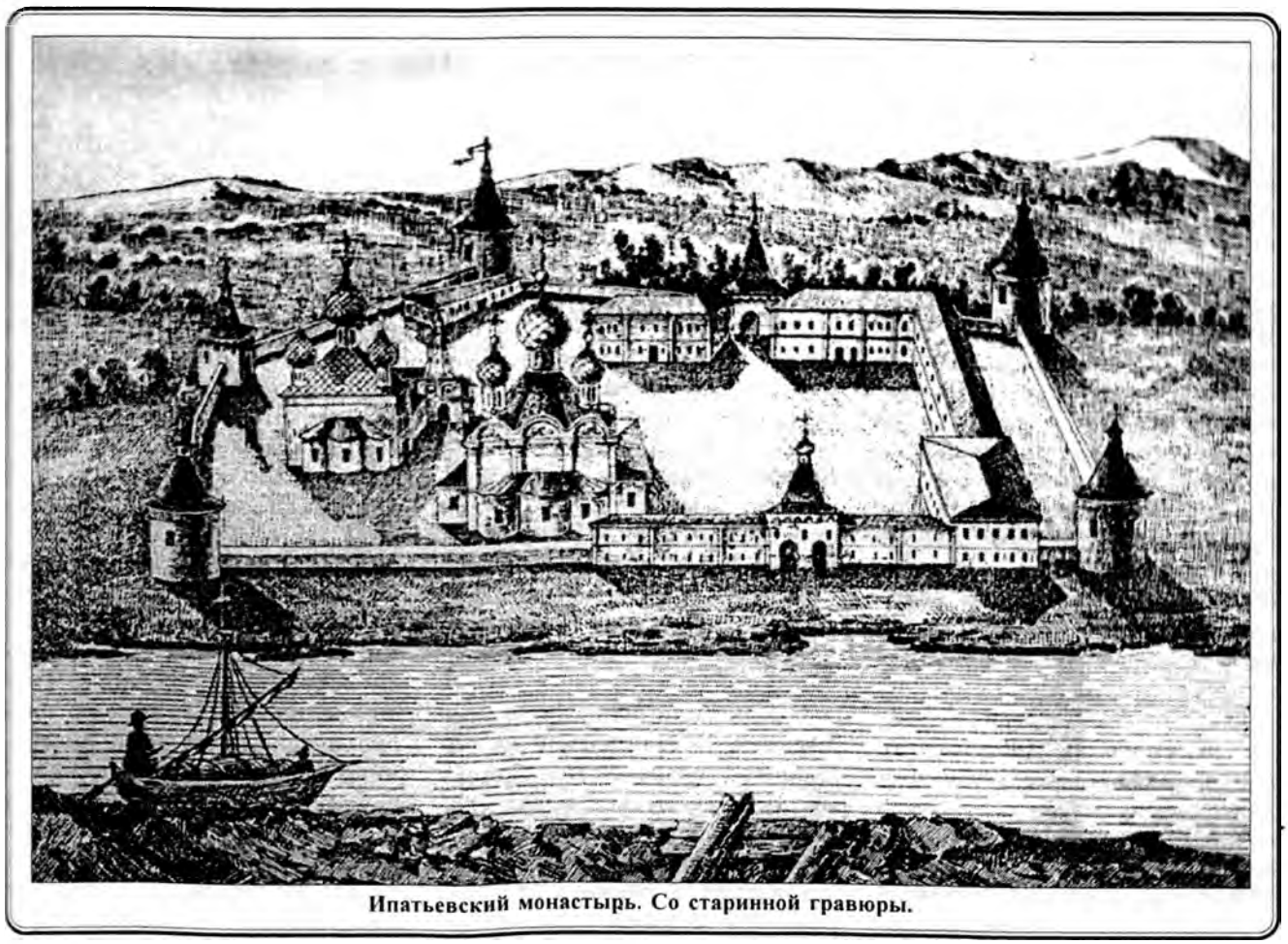
Прибыв нагорною стороною к Костроме, Лисовский в первых числах июля 1609 г. остановился против этого города в селе Селищах, с великим числом раненых, искал повсюду судов или лодок для переправы войска в Ипатьевский монастырь, но не нашел: между тем меткая пальба из пушек с Костромского кремля, через Волгу, нанеся чувствительный удар собственному отряду Лисовского; а воевода Давыд Жеребцов с войском, прибывшим на судах из Ярославля, переправившись через реку Кострому, 11 июня напал на Вельяминова, выбил его станов и истребил множество людей и лошадей, стрелял из снарядов по воровским таборам. Таким образом, Лисовский, оттесненный от Костромы, оставил своих сообщников, находившихся в Ипатьевском монастыре, совершенно безо всякой помощи...

24 февраля 1611 года из Костромы к Москве выступило народное ополчение под начальством воевод князя Федора Ивановича Волконского и Тимофея Даниловича Овцына. Прибыв к стенам Москвы вместе с Ярославскою дружиною, оно расположилось лагерем против Покровских ворот. /.../

Сведав о восстании приволжских городов, московская боярская дума в январе 1612 года прислала в Кострому грамоту с приказанием пребывать верною королевичу Владиславу. Но этот вызов не нашел здесь никакого сочувствия. /.../

По этому случаю князь Пожарский, прибыв в Кострому, остановился не в кремле, а вблизи сего последнего на посаде. Ободренные присутствием защитников отечества костромичи устремились на своего воеводу, но князь Пожарский отстоял Шереметева и успокоил город, дав, по просьбе костромичей, им в воеводы князя Романа Гагарина, а в дьяки ему — Андрея Подлесова.

Костромские губ. ведомости. 1854. № 46.

Ипатьевский монастырь. Со старинной гравюры.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В половине 1611 года особенно тяжелые и бедственные обстоятельства переживала вся Россия и более всего столица ее — Москва. Московское государство было в смятении; всюду проникают злодеи, называющие себя детьми царского семени; много городов и весей пленили поляки, причем некоторые из них оказались в запустении от их злодейств; поляки завладели даже царственным г. Москвой. В это т.н. смутное время (после свержения Василия Шуйского 17 июля 1610 г.) не было на Руси царя — той основной твердыни, на которой зиждется благосостояние земли русской, не было и доблестных вождей, и ополчений таких, которые по чувству патриотизма твердо решились бы спасти находившееся на краю гибели наше отечество.

Патриотическое движение проявилось прежде всего в Нижнем Новгороде ближайшим образом под влиянием грамоты патриарха Гермогена. Здесь выступил нижегородский гражданин, земский староста, по ремеслу мясоторговец, Кузьма Захарьевич Минин по прозванию Сухоруков. После этого чтения Минин в том же общенародном собрании энергично призвал "для спасения веры и отечества не пощадить ни жен, ни детей своих, не только что имущества и, найдя честного и доблестного мужа, сведущего в ратном деле, слезно просить его быть вождем нам и предаться в его волю".

Воодушевленные речью Козьмы Минина, нижегородские граждане по его примеру стали приносить разнообразные и значительные пожертвования на городскую площадь для найма ратных людей и решили сделать г. Нижний сборным пунктом городских дружин.

Князь Пожарский охотно согласился на просьбы депутатов быть вождем земского ополчения и в конце октября прибыл в Нижний Новгород, где встречен с великим почетом. Вскоре же началась здеесь работа по организации ополчения.

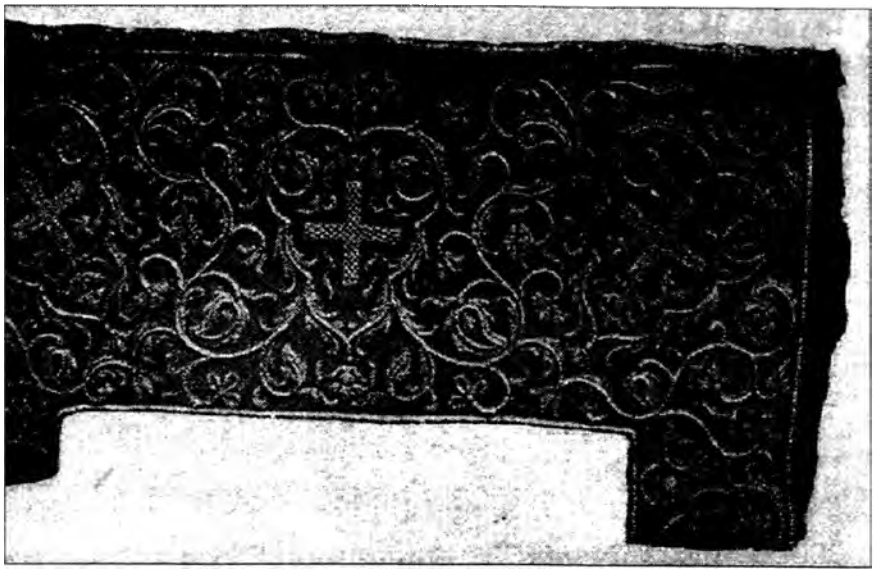
Нижегородские ополченцы вместе с дружинами Юрьевецкой и Кинешемской двинулись к г. Костроме. Многие жители последнего, не желавшие иметь царем польского королевича Владислава, которому вслед за Москвой присягнула и Кострома, встретили нижегородскую союзную рать еще в Плесе и здесь поспешили известить князя Пожарского о том, что воевода их Иван Шереметьев, оставаясь верным королевичу Владиславу, не хочет пустить ополчение в г. Кострому. Пожарский по совещании с Мининым решился однако же идти к Костроме, уверенный в том, что найдет в городе многих себе приверженцев. Здесь они встретили действительно иной прием, чем в предшествующих местах остановки или временного пребывания. Поставленный на воеводство московскими боярами, И. Шереметьев хотел следовать увещательным боярским грамотам, убеждавшим оставаться в повиновении королевичу Владиславу, и вздумал в свой город не впускать нижегородцев с дружинами и даже вознамерился отбиваться от них силою. Прибывшие ополченцы нижегородские вынуждены были остановиться вблизи посадов г. Костромы. Но уже трудно было бороться с одушевлением, охватившим русский народ, и у костромичей было мало охоты стоять за польское дело. В противность воеводе Шереметьеву большинство обывателей гор. Костромы и ратных людей вышли навстречу князю Пожарскому и Минину, просили их прибыть в город и обещали стать с ними заодно. Когда Пожарский подвинул свое войско к посадам города, многие костромичи соединились с ним, и он вскоре занял посады. Те костромичи, которые оставались в городе, разделились на две партии: одни держались приказа своего воеводы, были на его стороне, оставаясь верными Владиславу, другие же были на стороне нижегородского ополчения, кричали, что воевода Шереметьев — изменник, они даже восстали на воеводу, говоря: "Зачем ты один хочешь возмутить весь народ?", и затем стали переходить к Пожарскому. Последних в городе, или патриотов, стало больше, и вот князь Пожарский и Минин с ополчением вступили в Кострому. Расположенные к великому патриотическому их делу, костромичи яростно бросились на воеводский двор, низложили Шереметьева и убили бы его, если бы не выступил на защиту кн. Пожарский. Жители г. Костромы затем у Пожарского

просили себе другого воеводу, и он назначил им князя Романа Гагарина и дьяка Андрея Подлесова.

Благодаря его мужеству и распорядительности, 27 ноября 1612 года Москва и родина наша были совершенно очищены от поляков. "Злое лихолетье" теперь кончилось; царское избрание должно было завершить общеземский подвиг. Некоторые предложили престол князю Д.М. Пожарскому, признавая справедливым иметь царем спасителя России. Но Пожарский с великодушною твердостью уклонился от предложения. Вот в Москве собрался великий земский собор, и после немалых пререканий из круга многих кандидатов на царский трон собор наконец остановил свой выбор на семье бояр Романовых и уже 7 февраля 1613 года предызбрал в цари некогда предсказанного патриархом Гермогеном юного Михаила Федоровича.

В память о благополучном совершении патриотического предприятия князь Пожарский по благочестивому чувству своему устроял храмы Божии и делал разные богоугодные пожертвования.

Князем Д.М. Пожарским в благодарность за молитвы о нем в Костромском Богоявленском монастыре (бывшем до 5 декабря 1847 г. мужским) пожертвованы в 1613 году два драгоценные оплечья к священнической ризе, вышитые сплошь жемчугом по черному бархату, фон же вышит золотым фризе. Эти оплечья в ряду многих древних памятников обители обратили по своему изяществу и ценности особенное внимание многочисленных членов бывшего в 20-31 числах июня 1909 года IV областного историко-археологического съезда при посещении монастыря 23 июня.

Оплечье, пожертвованное князем Д.М. Пожарским Богоявленскому монастырю.

С своей стороны братия Богоявленского монастыря считала долгом признательности за означенное пожертвование возносить на божественной литургии молитвы о здравии именитого патриота-жертвователя и о упокоении близких родственников его. Так в древнем, относящемся по времени первоначального написания к первой четверти XVI века, синодике под № 2 по монастырской описи на 56 листе записан нижеследующий "род боярина князя Димитрия Михайловича Пожарскаго". Упокой Господи "князя инока Феодорита, князя Ивана, князя инока Порфирия, князя Михаила, князя инока Васьяна, князя инока Нифонта, князя Ивана убиеннаго, князя Ивана, Феодосия, инока Никона, Ивана убиеннаго, князя Ивана, княгиню иноку Марфу, княгиню иноку Фотинью, княгиню иноку Марфу, Анну, княжну Марфу младенца, князя Петра младенца, князя Ивана, князя Петра, князя Никиту, князя Романа, князя Меркурия, князя Василья, князя Ивана, князя Никиту, князя Петра, Маремьяну убиенную, Ивана, Федора, священноинока Иону". В этом памятнике не может не обращать на себя внимания то обстоятельство, что ни однажды не упоминается имя Димитрия; отсюда же естественно заключать, что эта запись рода Пожарских сделана еще при жизни князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Не можем в заключение не упомянуть и о том, что жена Д.М. Пожарского Праскева Варфоломеевна с своей стороны выразила чувства благодарности основателю Макарьево-Унженской обители преподобному Макарию как молитвеннику об успехе патриотического подвига ее мужа. В этот монастырь она пожертвовала весьма ценную плащаницу, на которой руками самой княгини вышиты шелками по темно-малиновому бархату плоть и лики, а одежды — золотом и украшены камнями; по бокам плащаницы весь тропарь "Благообразный Иосиф" вышит древнеславянской вязью золотыми буквами в 1 1/2 вершка. Плащаница представляет рукоделье высокого искусства первой половины XVII века.

Костромские епархиальные ведомости. 1910 г. № 6.

Михаил ДИЕВ

Из исторического описания Костромского Ипатьевского монастыря

В России, кроме лавр Святотроицкой-Сергиевой и Киево-Печорской, очень немного таких монастырей, где бы столько находилось вотчин, как в Ипатьевском. В 1764 году, при учреждении штатов, здесь считалось одних душ мужского пола около одиннадцати тысяч с половиною; из них две доли вне Костромской тогдашней провинции, а десять близ города Костромы. Одних сел Ипатьевскому монастырю принадлежало 28, а деревень и разных угодий неисчислимое количество.

Ипатьевский монастырь. Старинная гравюра.

<...> Хотя имена вкладчиков большею частью известны, но, некоторые вотчины когда приложены, не осталось прямых указаний. Кроме очень древних вкладов, еще известны: царем Федором Иоанновичем приложены: село Солониково, село Никольское, что за Воржею, с деревнями, но когда приложены, нет верного сведения; сим же государем 1585 года декабря 25 из костромских дворцовых посошных сел: Покровское-Карабаново с деревнями, село Никольское на Баране, с селом того же села Богословским с деревнями, погостом Старое дворище с деревнями, в волости Емене три жеребья села Вакарина и три жеребья деревни Колотилова, что были в поместье за Чудином и Шереметем Чортовыми, да в мирском стану деревня Святое, деревня Олферово и деревня Стрельниково, что были в поместье за Никифором Головциным. Вклады боярина Дмитрия Ивановича Годунова: Владимирское село Крутец-Заятребье с деревнями, село Казликово близ Нерехты, село Исаковское с деревнями, село Прискоково с деревнями; Алексеем Борисовичем Скрябиным: село Протасово и сельцо Сарафаново с деревнями близ Нерехты; Иваном Ивановичем Шетневым: сельцо Ильицино с полудеревнями, полусельцо Антропцово с полудеревнями, полсела Ширяева с деревнями, четверть села Пазушина с полудеревнями, треть деревень Молчанова и Кузовлева; Фадеем Пасынковым: половина усадьбы Губина.

Сверх множества угодий монастырь владел поблизости богатыми рыбными ловлями по рекам Волге и Костроме и многими озерами, коими богат угол

между теми реками; как же достались обители те озера, неизвестно, а вероятно, вместе с вотчинами, потому что на северо-запад от монастыря верст на 25, где находятся те озера, половина пространства этого угла занята была Ипатьевскими вотчинами, опричь сел Шунги, Самети, Веж и Куникова, принадлежащих Московскому Чудову монастырю.

<...> Российские государи по усердию и приверженности к Ипатьевскому монастырю собственно от себя на время значительных построек в обители определяли строителей, а для защиты от притеснений иноков и монастырских крестьян определяли приставов. Так при постройках, произведенных в монастыре Годуновыми в исходе XVI века, усматриваем строителя иеромонаха Гурия Ступишина из дворян Ступишиных — лицо, пользовавшееся особенным доверием двора и Церкви. Этот Ступишин сначала был иноком в знаменитом Иосифовом Волоколамском монастыре. В этом звании приглашен на оба собора Святителей о монастырских вотчинах 1580 и 1584 года. Вскоре потом усматривается строителем Ипатьевского монастыря. Строителю Гурию с братиею царь Федор Иоаннович 1585 года декабря 25 на Москве пожаловал грамоту на приклад в Ипатьевский монастырь разных костромских вотчин. В мае 1589 года строитель Ипатьевского монастыря Гурий присутствовал на Соборе об учреждении Патриаршества, а в августе 1598 года, при избрании царя Бориса Федоровича. При постройке в Ипатьевском монастыре нового города 1642 года строитель — Иосиф, прежний архимандрит Ипатьевский, а 1650 при строении нового Троицкого собора строитель — старец Пафнутий. Более строителей в Ипатьевском монастыре не видно.

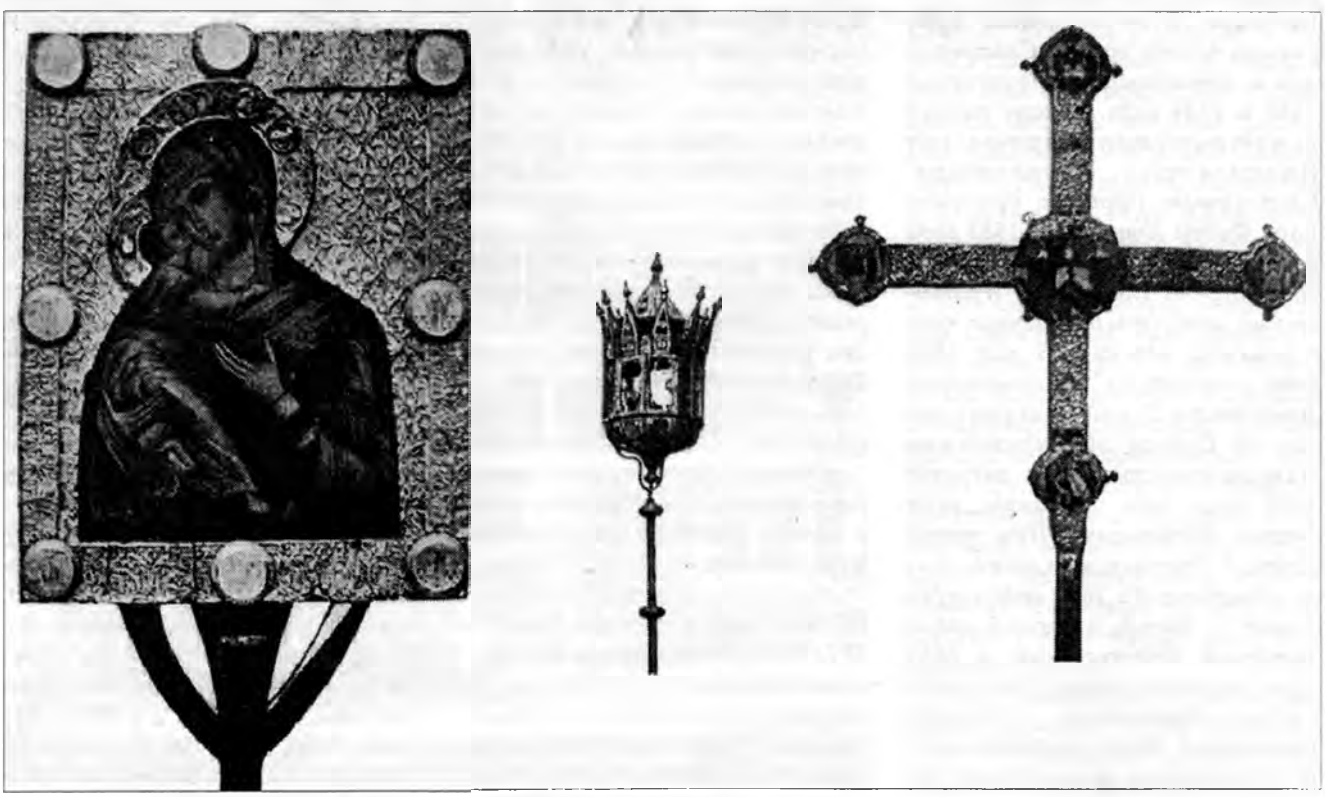
<...> Ипатьевский монастырь первоначально, с незапамятных лет, управлялся игуменами. В августе 1598 года, при избрании царя Бориса Федоровича, на соборе государственных чинов присутствовал и Ипатьевский Архимандрит Иоаким. Это ведет к безошибочному заключению, что здесь архимандритство учреждено при царе Федоре Иоанновиче, если не ранее.

<...> Со времени открытия Святейшего Синода до 1740 года показывался в числе степенных четырнадцатым. С 1744 года, при учреждении Костромской епархии, переименован в кафедральный с жительством в нем епископа Костромского и Галичского и управлением Ипатьевским монастырем. Кафедральным собором в сей обители именован Троицкий с определением туда протоиерея и с приличным причтом. В июне 1835 года, по определению Святейшего Синода, на докладе, высочайше утвержденном, Ипатьевский монастырь учрежден кафедральным первоклассным монастырем на праве Московского Чудова монастыря. Пребывание Костромского владыки оставлено в Ипатьевском монастыре по-прежнему; кафедральным же собором учрежден городовой Успенский собор; почему из Ипатьевского собора протоиерей с соборянами и выведены. С того времени для экономического управления монастырем был определен наместник и число иноческой братии увеличено.

<...> 1613 года марта 14 Ипатьевский монастырь получил особенную известность и значительность по случаю возведения в нем на царство государя Михаила Федоровича.

<...> Приглашать Михаила Федоровича на престол 2 марта 1613 года отправились из Москвы в Кострому знаменитые сановники государства, из духовенства: Федор архиепископ Рязанский, архимандриты знаменитых монастырей: Чудова — Аврамий, Новоспасского — Иосиф, Симонова — Павел, Сергиевой лавры — келарь Аврамий Палицын, протоиереи и ключари Московских соборов — Благовещенского и Архангельского и протоиерей Николы Зарайского; от царского Синклита бояре: Федор Иванович Шереметев, знаменитый предводитель войск против сообщников Тушинского, князь Владимир Иванович Бохтеяров-Ростовский, окольничий Федор Васильевич Головин, дьяк Андрей Вареев и "всех чинов множество". Посольство 13 числа того марта ввечерни прибыло в Кострому и, не доезжая до города версты две, остановилось в селе Новоселки, где в ту пору находился дом князя Ивана Михайловича Глинского, сына знаменитого царедворца, князя Михаила Глинского, родного дяди царя Иоанна IV. Весь город пришел в движение, в одно мгновение узнав о прибытии и причине посольства. В тот же день костромичи спешили в Новоселки для того, чтобы сопутствовать свите в то место, где имел пребывание Михаил Федорович. Но торжественное шествие отложено по назначению его до следующего дня. 14 марта, в воскресенье четвертой недели Великого поста, по отпетии заутрени, архиепископ Феодорит с духовным собором облачился в священные одеяния, а чины посольства взяли принесенные с собою иконы и таким образом, при колокольном звоне в Костроме и ближайших селах, отправились к Ипатьевскому монастырю. Между тем как священная процессия подходила к устью, где река Кострома сливает свои воды с волжскими, называемому Стрелка, в это время костромское духовенство, также в облачении, вышло из собора с чудотворною Федоровскою иконою Богородицы как святою хоругвию города в сопутствии многочисленного народа и соединилось с посольством. Вне монастырских во-

рот, называемых Святыми, печально стоял Михаил с своею родительницею, вышедши на сретение священному шествию, вместе с иноками, вынесшими при Ипатьевском звоне также иконы. Воспитанный в отеческом благочестии, при виде святыни с слезами на глазах обреченный на царство юноша пал на колени; долго лежал на земле, потом принял благословение у Феодорита, в то время осенившего его с родительницею животворящим крестом. После приветственной речи послы подали избирательную от всея России грамоту. Духовный собор, синклит и народ в безмолвии ожидали утвердительного ответа. Но какое поразило всех горестное изумление! Сын и мать грамоту не приняли и не хотели слышать о сане царском, на которое так торжественно и единодушно избрала вся Россия. Даже отреклись идти за иконами. С большим трудом обоих умолили взойти в соборный храм, куда чрезвычайная процессия направляла свое шествие. Народ не поместился в церкви, но занял монастырь, даже стоял во множестве за монастырем. Поставив все три иконы на приличном месте, собор священнослужителей начал молебное пение. Между тем синклит и выборы городов слезно просили инокиню Марфу Иоанновну отдать сына на царство, а Михаила Федоровича — принять сан царский. Представив несовершенство своих лет, непостоянство народа, очернившего себя изменою при последних царях, крайнее состояние России, разоренной поляками, шведами и русскими изменниками, наконец, что ему невозможно принять скипетра без благословения родителя и против воли народа, у коего в темнице томится его отец Ростовский митрополит Филарет Никитич, Михаил Федорович решительно отказался от царского престола. После молебна, прерываемого всеобщим плачем, архиепископ и весь собор в священном облачении обратился к избранному царю и совокупно с синклитом и народом возобновили усиленные моления. Феодорит в продолжительной речи, плодовитой силою витийства и убеждений, представив Михаилу, что многие христианские государи прежде не имели желания царствовать, но скипетр принимали по единогласному прошению народа, "коего глас есть глас Божий". Но ничто не поколебало твердое намерение не принимать короны. Около шести часов убеждали, молили, но все слышали тот же отказ. Ужас и отчаяние господствовали в храме и вне оного. Наконец, собор святителей, отошедши к алтарю и взяв на руки принесенные иконы, Феодорит — Богоматери, написанную святым Петром, митрополитом всея России, Авраамий Палицын — трех Московских Святителей, с духовенством, синклитом и выборами городов, в слезах подошли к тому месту, где также с слезами на глазах стоял Михаил. Феодорит, Авраамий с послами, обратившись к

Крест, фонарь и икона, несенные во время крестного хода 14 марта 1613 г.

Бояре упрашивают Михаила Федоровича вступить на царство. Художник А. Кившенко. 1880 г.

царю, твердым голосом произнесли: "Не будь противен воли Божией; не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божия Матерь возлюбила тебя; устыдись пришествия Ея". Необыкновенное движение хоругвей, неожиданный глас святителей и посольства, всеобщее рыдание поколебало твердость Михаилову, который в то же время пошел к тому месту, где стояла его родительница. Между тем народ в монастыре и за монастырем, упавши на землю, громким голосом требовал умилостивиться над остатком рода христианского. Матери в плаче бросили грудных детей на землю и не внимали плачу их. Голос вопиющего в слезах бесчисленного народа раздавался в стенах храма, где также все умоляли и рыдали. Архиепископ и весь собор священнослужителей, бояре и выборы городов пали на колени пред материю Михаила и именем Божиим, церкви и отечества неотступно просили отдать сына для утешения миллионов народа, несчастного, разоренного. Наконец, услышали милостивое слово; инокиня Марфа Иоанновна согласилась отдать сына на царство; и когда юноша еще страшился принять сан великий, то она, предлагая ему материя убеждения, заключила оные сими словами: "Исполни волю Божию; это Божие дело, а не человеческий разум". Михаил изрек: "Буди тако, если это воля Божия". Тогда нежная мать, взяв его за руку, в рыдании преклонив с ним колена пред образом Заступницы Христиан, произнесла: "Тебе, Владычице, предаю сына моего, устрой полезная ему и всему Православному Христианству". Горестные рыдания вдруг превратились в слезы радости. Давно на лицах россиян не сияло столь чистосердечное восхищение. На царя в то же время возложили Животворящий крест, подали ему в руку царский жезл. Когда государь сел на царском стуле, тогда было произнесено многолетие богоизбранному царю, и все чины приносили ему верноподданническое поздравление. В память сего важного события в тот же день 14 марта 1613 года было установлено каждогодно праздновать Федоровской иконе Богородицы. До 1777 года служба Федоровской иконе отправлялась на одно только обретение ее, тогда же она переиначена протоиереем Иоанном Красовским и приспособлена к воцарению государя Михаила Федоровича. <...>

Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М. 1858 г.

Романовы-Юрьевы-Захарьины

Из родословной XIII-XVII веков

*1. **Андрей Иванович, прозваньем Кобыла,*** боярин Московских великих князей Иоанна Даниловича Калиты (1328-1340) и его сына Симеона Иоанновича Гордого (1340-1353), был одним из первых сановников своего времени и пользовался особенною благосклонностью великого князя Симеона, по поручению которого ездил в 1347 г. послом в Тверь за невестою великого князя. По словам Кампенгаузена, он был единственным сыном Гланды-Кабилы Дивоновича, князя Прусского, выехавшего с ним в Россию в последней четверти XIII века и принявшего святое крещение с именем Ивана в 1287 г. От Андрея Ивановича произошли многие знаменитые дворянские фамилии, частью угасшие, частью существующие до нашего времени. Между ними по значению в истории первое место занимает доныне благополучно царствующая в России фамилия Романовых.

Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (портретъ-икона въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ). По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

*2. **Федор Андреевич, прозванием Кошка,*** пятый сын предыдущего, боярин великого князя Дмитрия Иоанновича Донского (1363-1389) и его наследника. В походе первого из них против Мамая (1380) он блюл Москву и семейство государя; наместник новгородский (1393).

*3. **Иван Федорович Кошкин,*** первый сын предыдущего и боярин великого князя Василия Дмитриевича (1389-1425).

*4. **Захарий Иванович Кошкин,*** четвертый сын предыдущего, боярин великого князя Василия Васильевича Темного (1425-1462); участник войны с литовцами (1445).

*5. **Юрий (Георгий) Захарьевич,*** второй сын предыдущего. Служил великому князю Иоанну III Васильевичу, упоминается в межевой грамоте этого государя с братом его Борисом Васильевичем (20 окт. 1488 г.); боярин с 1493 г.

*6. **Роман Юрьевич Захарьин,*** окольничий; воевода в походе 1531 г.; скончался

12 февраля 1543 г. и погребен в Новоспасском монастыре.

Жена Ульяна Федоровна (в иночестве Анастасия). Находилась на свадьбе брата Иоанна Грозного, князя Юрия Васильевича, 3 ноября 1547 г., где показывается "у постели". Дом ее в Москве посетил св. Геннадий Костромской, предсказавший дочери ее Анастасии царственное супружество.

7. Никита Романович Юрьев-Романов-Захарьин. На свадьбах Иоанна Грозного и брата его Юрия (1547) "спал у постели и в мыльне мылся". Воевода в Шведском походе (1551 г.) и воевода в разных полках (1559), дворецкий и боярин в 1563 г., воевода в разных полках и походах 1564-1577 гг.

Анастасия Романовна Юрьева-Романова-Захарьина, родилась около 1530 г.; вступила в брак с Иоанном Грозным 3-го февраля 1547 г., скончалась в Москве 7-го августа 1560 и погребена в Вознесенском монастыре. Она была первою женою царя.

Герб рода Романовых.

8. Федор (в монашестве Филарет) Никитич Романов-Юрьев-Захарьин от первого брака отца с Варварою Ивановною Ховриной; родился около 1550 г., скончался 1-го октября 1633 г. и погребен в Успенском соборе в Москве.

Жена Ксения (в монашестве Марфа) Ивановна Шестова, дочь костромского помещика Ивана Васильевича и жены его Марии; скончалась 28-го января 1631 г. и погребена в Новоспасском монастыре.

9. Царь и великий князь Михаил Федорович Романов, родился июля 11 дня 1596 года, жил с матерью своею на Костроме в Ипатьевском монастыре; в 1613 году февраля 21 дня избран Царем на Всероссийский Престол; 18 апреля имел въезд в Москву, и того же году июля 1 дня коронован.

"Русская старина". 1878 г. № 8.

Род Шестовых

I колено

Михаил Прушанин (или Прашинич), выехал из Пруссии в Новгород в начале XIII века и скончался там.

II колено

Терентий Михайлович, боярин у Великого князя Александра Невского, отличился в знаменитой Невской битве 1240 года.

III колено

Михаил Терентьевич.

IV колено

Семен Михайлович.

V колено

Иван Семенович Мороз. От него пошли Морозовы.

Василий Семенович Туша. От него пошли Шестовы.

VI колено

Филимон Васильевич.

Печать М.Ф. Романова.

VII колено

Семен Филимонович.

VIII колено

Иван Семенович Шуст.

IX колено

Иван Иванович Шаст.

Михаил Иванович Шест.

X колено

Василий Михайлович Шестов, владел поместьями в Костромском уезде.

XI колено

Иван Васильевич Шестов. По разрядным книгам показывается полковым головою в походе 1559 года у боярина Михаила Яковлевича Морозова.

XII колено

Ксения Ивановна (в монашестве Марфа) Шестова-Романова. Жена Федора (Филарета) Никитича, мать Михаила Федоровича, первого царя из рода Романовых.

"Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова". С.-Петербург. 1901 г.

1686 г. — Построена церковь Иоанна Богослова в г. Костроме.

1689 г. — На имя воеводы Григория Андреевича Племянникова г. Костроме прислана жалованная грамота на владение сенными покосами под названием "хвосты".

1692 г. — Построена Христорождественская церковь в Костроме.

1694 г. — Воевода, стольник Андрей Алексеевич Мешков-Плещеев.

1708 г. — Стольник и воевода Иван Бурнаков.

1708 г. — Кострома — провинциальный город Архангелогородской губернии.

1719 г. — Кострома сделана провинциальным городом Московской губернии.

1721 г. — Построено здание богадельни в г. Костроме по северной стене Нового города.

1721-1723 гг. — Воевода Стрежнев. Во время его правления была проведена первая народная ревизия в 1722 г. по костромской провинции.

1722 г. — Открыта в Костроме первая цифирная школа, куда, кроме дворянских детей, принимали и посадских.

1723-1726 гг. — Воевода Костромы полковник Любим Андреевич Грибоедов. При нем располагались в г. Костроме полки: Троицкий пехотный и Уфимский гарнизонный.

1724 г. — Спасо-Запрудненский монастырь приписан к Богоявленскому монастырю г. Костромы.

1726 г. — Костромские каменщики и кирпичники были отправлены на работы в Москву для постройки цейгауза.

1727-1731 гг. — Иван Дмитриевич Кольчугин, подполковник — воевода г. Костромы. При нем в 1724 г. началась в костромском кружечном сборе продажа табаку и карт в пользу казны на расходы воеводской канцелярии.

1731-1733 гг. — Воеводы г. Костромы — бригадир Алексей Григорьевич Киселев и товарищ его капитан Белоцерковцев. При них в 1732 году были ревизированы луга и места для конских заводов лейб-гвардии прапорщиком Кутузовым.

1736-1738 гг. — Воевода Илларион Григорьевич Воронцов. По заданию военной коллегии заготовлял лошадей в 1737-1738 гг.

1744 г. — При костромском воеводе Иване Александровиче Нащокине образована комиссия для поимки воров и разбойников.

1744 г. — Кострома — центр епархии.

1744 г. — Образована костромская семинария, для нее были определены кельи Ипатьевского монастыря.

1750 г. — Основана духовная семинария в г. Костроме.

1751 г. — Прислан в Кострому для квартирования Пермский пехотный полк.

1751 г. — Построена Златоустовская церковь в г. Костроме.

1754 г. — Построена Спасо-Запрудненская церковь в г. Костроме.

1755 г. — Открыт городовой магистрат.

1756 г. — По плану и межевой книге указано, что земли в Кирпичной слободе г. Костромы, 5 десятин 2121 саженей, заняты дворами и огородами.

1757 г. — Построена Всехсвятская церковь в г. Костроме.

1758 г. — Переведена в Спасо-Запрудненский монастырь духовная семинария.

1759 г. — Начато строительство Алексеевской церкви в г. Костроме.

1761 г. — Переселены в Кострому татарские семьи из г. Тутаева (бывший Романов-Борисоглебск).

1762 г. — Построена Предтеченская церковь на ул. Мшанской (ныне ул. Островского).

1764-1767 гг. — Время правления в Костроме воеводы Ивана Жеребцова.

1766 г. — На средства костромского купца С.С. Белова построена Спасская церковь в гостином дворе г. Костромы.

1767 г. 14 мая. — Кострому посетила императрица Екатерина II.

1767 г., 24 октября. — Утвержден герб г. Костромы.

1767 г. — Бригадир Степан Гаврилович Малыгин — воевода г. Костромы.

1771 г., 3 августа. — Свирепствовала сильная буря в г. Костроме.

1773 г. — В Костроме произошел сильный пожар.

1773 г., май. — Крестовоздвиженский женский монастырь, пострадавший от пожара, переведен в Ризположенский монастырь, которому присвоено имя вышеупомянутого в память о сгоревшем.

1773 г. — После пожара была вымощена Екатерининославская площадь в г. Костроме.

1775 г., 10 июля. — В Костроме состоялись торжества по случаю заключения мира между Россией и Турцией.

1775 г., декабрь. — Избран первым городским головой купец Дмитрий Солодовников.

1775 г. — Подготовлен проект перепланировки г. Костромы.

1775 г. — Построена церковь Космы и Дамиана на ул. Мшанской (ныне ул. Островского) в г. Костроме.

О нравах костромичей XVII века

Нравственные основы жизни русских людей XVII века закреплены были известным памятником древней Руси "Домостроем". Идеалом устройства дома и общественной жизни в то время считали монастырский устав. Молитвой начинался день, в воскресенье и в праздники — "молебен, вечером — вечерня, повечерница, полунощница — с молчанием, и со вниманием, и с молитвою, и с поклонами". После молитвы "...ни пити, ни ести, ни молвы творити. А ложася спать, по три поклона в землю положити... всегда четки в руках держати и молитву Иисусову творити и на торг ходя, и стоя, и сидя, и на всяком месте" (1). Это предписывалось не только инокам, но любому православному человеку. Набожности русских, их способности, выстояв 8-часовую службу в церкви, заниматься текущими житейскими делами удивлялись иностранцы. Молились русские везде: в храме, дома, на улицах у икон, освящавших ворота подворий, на перекрестках у распятий.

В то же время многие документы и хроники свидетельствуют о тяжком духовном кризисе русского общества в XVII веке. Бесчинства и всевозможные неустройства происходили не только в миру, но и в храмах Божиих.

В 1646 г. по церквам был разослан патриарший наказ духовенству "О соблюдении поста и церковного благочиния". В нем встречаются слова о великом бесчинстве, происходящем в храмах.

"...во время святого пения ходят по церквам шпыни и с бесстрашием /.../ в церкви иногда бранятся, иногда дерутся", "...во время Божественного пения /.../ ходили иноки с образами, и всяких чинов люди милостыни просили, и от их крику и писку православным христианам Божественного пения и чтения не слышно было", "... и бывала у них меж себя драка до крови и лая смрадная" (2).

Не случайно поэтому по инициативе Алексея Михайловича возникает кружок ревнителей древнего благочестия, который возглавил духовник Государя священник Стефан Вонифатьев. Деятельность кружка была направлена на упорядочение церковного богослужения и на борьбу с пережитками язычества и неблагочестия в народе. В главные храмы городские (соборы) были назначены протопопы, в обязанности которых входило следить за нравственным состоянием духовенства и прихожан.

В наш костромской собор был назначен протопоп Даниил, друг юрьевецкого протопопа Аввакума. Духовным и светским властям разрешалось употреблять самые суровые меры. В любое время суток протопоп со своими помощниками мог прийти в дом не только священника, но любого христианина с проверкой. За пьянство, драки и прочие непотребства наказывали плетьми, сажали на цепь.

Костромичи встретили ревнителей старины, заботившихся о нравственной чистоте пасомых, неоднозначно. Протопопа Аввакума, избив, изгнали из Юрьевца. Даниил Костромской подвергся смертельной опасности.

28 мая 1652 г. крестьяне из Селищ и Минского и окрестных его деревень, принадлежавшие Глебу Ивановичу Морозову, во главе с попом Селищ Иваном подняли мятеж. Они выпустили из заключения трех крестьян, посаженных "под замок" за бесчинства. Даниил на двое суток скрылся в Воздвиженском монастыре неподалеку от Костромы. Толпа искала Даниила в городе и около собора... Люди, разделявшие с протопопом его строгие взгляды на пьянство, игры, песни, были избиты до полусмерти, некоторые скончались от ран.

О состоянии религиозной жизни в Костроме Даниил писал тогда в Москву: "Духовные отцы извещали нам, что дети их духовные в пение (во время службы) приходят с ножами и у церковных дверей стоят и, стоя у церковных дверей, кричат в церковь отцам духовным и хотят отцов своих духовных ножами резати /.../ и в тот мятеж (28 мая) некоторые побиты до смерти, а которые биты насмерть; у соборной церкви скоморохи песни пели... Костромской воевода Юрий Оксаков и приказные люди мятежников не унимали, и сами всякое бесчинство делали". (3)

Из этого отрывка видно, что во многом неприятие Даниила и его деятельности

объяснялось рецидивами язычества. Скоморошество, ритуальные песни и пляски, языческие костры на Масленицу, похороны Костромы — все это причудливым образом переплелось тогда с христианскими обычаями.

25 мая того же года Даниила насмерть бил крестьянин из вотчины Г.И. Морозова Куземка Васильев с товарищами и скуфью сбили. Во время следствия очевидцы отозвались полным неведением. Священники костромские также были настроены против Даниила.

Ярко иллюстрирует нравы костромичей показание соборного попа Павла: "На Фоминой неделе, во вторник, шел я после вечерни к себе во дворишко. И как буду у Никольского мосту, что от Волги, и от нижнего кабака, идет пьяница без порток в кафтанишке, а перед ним несут плошку вина. И он, пьяница, взошел на Никольский мост и близ меня прошед, подол свой поднял и срамной свой уд наружу выставил". (4)

Буйствовали и не подчинялись протопопу костромские священники. В мае 1657 г. патриарх Никон после доноса костромского священника о бесчинстве и своеволии городских батюшек, писал костромскому воеводе: "Которые попы в г. Костроме и в уезде, и в костромских пригородах костромскому протопопу учнут быть сильны (не будут подчиняться), венечных знамян по указу платить не станут, и ты б на тех попов велел давать пристава, сколько человек пригоже". (5)

Все вышеназванные факты свидетельствуют о весьма поверхностной христианизации костромичей. При формальной принадлежности к христианству, многие оставались язычниками по сути. Отсюда приверженность и к внешней стороне религиозности — обряду, к форме.

Не случайно Кострома стала в то время родиной старообрядческого движения. Под Костромой возникла секта капитоновцев, здесь же родилась секта хлыстов. Свидетельства отпадениия в XVII веке костромичей от православия многочисленны. Так в 1666 г. костромич Феодул был отправлен за раскол в Ипатьевский монастырь на исправление. Вина Феодула заключалась в том, что он "...в церковь Божию не ходил от времени морового поветрия 1654-55 гг. и отца своего духовного не имеет, и про церковь святую говорит: "церкви-де Божией нет, и Божественные Святыя Тайны Животворящия (Св. причастие) учит многих простых людей не принимать за Святые Тайны, но за простой хлеб и вино, и о себе глаголет, что он-де имеет в себе живуща Духа Святаго и от него-де он глаголет и учит /.../ и ныне попов зовет бесчестно". (6)

Под Кинешмой и на Плесе совращала православных секта подрешетников, основал ее ученик Капитона Колесникова Подрешетников. Подрешетники не признавали церковные таинства и священство. Причащались они изюмом.

Отпадение от церкви, брожение в умах сопровождалось массовыми "психическими эпидемиями". (Иначе

это явление назвать трудно). В 1666 г. тысячи людей ожидали второго Страшного Пришествия Господа Иисуса Христа и конца света. С весны крестьяне не засеяли поля, ушли из городов и сел в поля и леса, выдолбили всем своим домочадцам деревянные колоды-гробы и в саванах легли в них, ожидая трубы Архангела и Страшного Суда Божия.

Дома опустели, голодная скотина, ревя, разбрелась из деревень. Татары и мордва, конца света не ожидавшие, поспешили прибрать бесхозное имущество и скот к рукам.

К такому отчаянному поступку многих русских людей подтолкнули реформы патриарха Никона, воспринятые ими как повреждение православия, наступление царства Антихриста.

Волна самоубийств прокатилась по стране, самосожжения, пощение до смерти — тысячи русских людей вдруг утратили желание жить.

Все это сопровождалось природными катаклизмами. В 1654 г. в России разразилась эпидемия чумы, во время которой погибло две трети костромичей. П.И. Мельников-Печорский писал: "Мы не можем вполне представить всех ужасов, которыми сопровождалось моровое поветрие 1654 г. Города опустели, посадские люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врозь. Хоронить было некому, трупы гнили в домах, иные деревни вымерли поголовно. Поля остались незасеянными, кустарники поросли. Оттого голод пошел и на все непомерная дороговизна.

Народ молился, женщины таинственно по ночам опахивали селения, мужчины по обету строили "обыденные" церкви, обретались чудотворные иконы... Стояли необычайные морозы, были страшные бури, градом выбивало поля, а на небесах то и дело видны были знамения: столпы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звезда с метлой". Именно тогда сложили песню:

Деревян гроб сосновый
Ради мене строен.
В нем буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубят,
Из гробов возбудят,
Я, хотя и грешен,
Пойду к Богу на суд.
К Судье две дороги,
Широкие, долги,
Одна-то дорога —
Во Царство Небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромешну.

Интересно, что в XVII веке иссякает и святость святых, их на Руси менее всего явилось в период Московского царства.

Что же происходило в XVII веке? В муках и болезнях уходила Древняя Русь и рождалась Российская империя.

Людмила БУРДИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Иван Забелин. Домашний быт русского народа. Т. 2. М. 1901 г.
2. Сочинения А.П. Щапова. Т. 1. СПБ. 1906 г.
3. Костромская старина. Вып. 5. Кострома. 1901 г.
4. Костромская старина. Вып. 5. Кострома. 1901 г.
5. Там же.
6. А.П. Щапов. Т. 1. СПБ. 1901 г.

"...ВЫСОКИМ СВОИМ ПРИСУТСТВИЕМ УДОСТОИТЬ БЛАГОВОЛИЛА"

Из "Истории о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненной тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумороковым"

Первая история Костромы до сих пор еще не опубликована полностью. Автором ее был Николай Степанович Сумароков (иногда встречается написание Суморооков), работавший над этим исследованием несколько десятилетий, начиная с середины 1770-х гг. Родившись в семье костромских помещиков Степана Матвеевича и Анисьи Петровны Сумароковых в 1727 г., он 16 лет отдал военной службе, а выйдя в отставку, служил по дворянским выборам и умер в 1812 году.

Доктору исторических наук А.А. Севастьяновой удалось подробно проследить все этапы долгой работы историка над этим трудом, выявить и исследовать сохранившиеся списки его. (1) В "Губернском доме" уже публиковались фрагменты одного из вариантов "Истории" (ГД. 1997, № 2). Нынешняя публикация подготовлена по списку, хранящемуся в Москве, в Российском государственном архиве древних актов, на основе светокопии, выполненной по заказу Костромского музея-заповедника. Оригинал, по обоснованному предположению А.А. Севастьяновой, можно датировать концом 1780-х гг., но текст был составлен ранее.

Приведенный ниже фрагмент рукописи рассказывает о посещении Костромы императрицей Екатериной II в 1767 году, очевидцем которого был Н.С. Сумароков. Он приводится без сокращений, за исключением речи А.И. Бибикова. Орфография приведена в соответствие с современными нормами.

Лариса СИЗИНЦЕВА

1. А.А. Севастьянова. Русская провинциальная историография XVIII века. М. 1998. С. 115-127.

В 1767-м году знаменитое для города Костромы и всего уезда происшествие. Сей город осчастливлен прибытием премудрейшия нашей монархини, которая высоким своим присутствием удостоить благоволила, снисходя на просьбу дворян, где единодушно от дворянства и купечества принимать и от искренних сердец угостить удостоились.

Когда дворянство костромское, узнав о намерении Ея Императорского Величества шествия по реке Волге, вознамерилось принять, угостить, и тотчас по повелению у господина предводителя лейб гвардии капитана порутчика Ивана Тимофеевича Одинцова собрались в городе, от собрания в Костроме дворянства обще с купечеством в город Ярославль отправлены были депутаты и 10 числа мая пред Ея Императорское Величество были представлены со всеподданнейшим к Ея Императорскому Величеству прошением, чтобы лежащий на берегу Волжском город Кострому своим присутствием осчастливить благоволила, причем один из посланных, надворный советник господин Золотухин, пристойную говорил речь.

14 числа мая знаменитый для нашего города день. По утишении ветра, которой с утра был сильной, пополудни в третьем часу навстретение великое множество отправилось судов, украшенных флагами, где более дву сот шлюпок и лодок, украшенных разноцветными флагами, выславших на встретение Ея Величеству под предводительством дворянского предводителя лейб-гвардии капитана господина Одинцова и депутата генерал-порутчика господина Бибикова и градския головы по приближении галер поздравили Ея Величество с благополучным прибытием из несколька троекратных со всех лодок восклицаний Ура, на лицах всех ехавших начертано было сердечное восхищение. Лодки, окружая галеру "Тверь", представляли виду живое изображение пчелиного роя, окружающего матку свою. Находящийся во оных народ, увидя в окне галеры матерь и государыню, своим тихим произношением молитв уподоблялся журчанию тех же пчел.

Господин предводитель и депутат для принесения всеподданнейшего от города и провинции Ея Величеству поздравления вошли на галеру. Между тем из поставленных в городе у соборной церкви, а в Ипацком монастыре на валу орудий производилась пушечная паль-

ба, а по церквам происходил колокольной звон.

Пред галерами Ея Императорского Величества шло городское судно, распещренное флагами, на котором валторнисты согласием своих инструментов радость города возвещали. Галеры, вошед в устье впадающей реки Костромы в Волгу, между города и Ипацким монастырем остановились на якорях против пристани объявленного монастыря, а на пристани ожидали прибытия Ея Величества преосвященный Дамаскин Костромския и Галицкия со множеством духовенства в служебном облачении и святыми иконами, також и съехавшееся почти из всей Костромской провинции обоего пола дворянство и бесчисленное множество народа, по обоим берегам реки стоявшего, непрестанно восклицая Ура. Но как Ея Императорское величество тот день за благо рассудить соизволила не выходить на берег, то вечерний стол был на галере, при котором находились чужестранные министры и приглашены были предводитель и депутат костромские.

Сии господа, будучи от дворянства уполномочены, всеподданнейше просили Ея Величества, чтоб по всемилостивейшему снисхождению удостоила на завтрее своим присутствием приготовящихся к угощению Ея верноподданных дворян, которые (дерзаимы? — нрзб.) будучи угостить с таким великолепием, каковое приличествует столь премудрой монархине, представят ей преисполненные верности сердца, и когда Ея Императорское Величество соблаговолением сие их прошение принять изволила, то звали они и чужестранных министров, и всю Ея Величества свиту.

15 числа пополуночи в 10 часов соизволила Ея Императорское Величество пойти в шлюпке на берег к пристани Ипацкого монастыря. Преосвященный Дамаскин со архимандриты, игумены и священники в служебном облачении, держа животворящий крест, в провожании всего дворянства и купечества ожидали уже на пристани прибытия Ея Величества, а всенародное восклицание со обоих берегов, заглушая звук пушек и колоколов, неумолимо продолжалось.

Герб Костромы. 1767 г.

По выступлении Ея Величества на пристань говорил преосвященный краткую поздравительную с благополучным прибытием речь и по окончании оной предшествовал Ея Величеству, кропя путь освященною водою, до соборной монастыря того церкви Живоначальныя Троицы, а певчие, идущие пред духовенством, пели нарочно для высочайшего прибытия Ея Величества сочиненные канты. Между тем стоящий с строю Азовской полк отдал честь со обыкновенным уклонением знамен, музыкою и барабанным боем.

По прибытии в церковь началась Божественная литургия, отправляемая преосвященным костромским. Примечанию паче всегда достойно то, что будто и все на свете истребляющее время, предвидя подвиги толь великой монархини, попечительно старалось сберечь для принятия Ея то самое царское место, на котором в прекращение терзающих Россию злополучий и восстановления ея славы и блаженства избран и возведен на престол благочестивый царь Михайло Феодорович. Тогда на сем счастливом, хитрою резьбою украшенном месте видела Кострома приемлющего державу к обновлению сил изнемогшия России кроткого государя. И теперь еще к большей радости на том же, древностию и бытием тем отечеству любезном священном месте видим его правнучку, милосердную свою императрицу, носящую державу и утверждающую премудрыми законами, трудными путешествиями и неутомленным попечением на бесконечные веки благоденствие России.

По окончании Божией службы соизволила Ея Величество при пении кантов идти в предуготовленные от дворян для угощения покои, и тамо всемилостивеше были допущены к руке:

1. Города Костромы воевода и присутствующие с ним.

2. Дворянство Костромское под предводительством их предводителя, лейб-гвардии господина капитана Одинцова, и выбранные от них в комиссию о сочинении проекта нового уложения депутатов. Генерал-порутчик и кавалер Александр Ильич Бибиков говорил краткую приветственную речь (...)

3. Судиславское дворянство.

4. Благородные жены и дочери дворянские.

5. Преосвященный Дамаскин с знатнейшими духовными особами.

Причем от семинаристов говорены поздравительные в стихах и в прозе как на российс-

ком, так и на греческом и латинском языках речи. И посем изволила Ея Величество пойти к предуготовленному от дворянства на сороке кувертов столу, которого великолепный десерт в аллегорических изображениях представлял добродетели и бессмертные дела Ея Величества и искренность и верноподданническую любовь уездного костромского дворянства.

При столе носили и ставили пред Ея Величества кушанье костромские дворяне, а за стулом служили две девицы, знатнейшие и благовоспитанные дворянские дочери. Высочайшее Ея Императорского Величества здравие зачали пить при пушечной пальбе предводитель и депутат, став против Ея Величества со всем дворянством на колени, принося тем и самые горячие сердца свои в залог непрестанного ко Всевышнему о продолжении Ея лет моления. Всемилостивейшая государыня, повелев им встать, изволив в знак отменного своего благоволения зачать кушать их здоровье с пушечною из 31 орудия пальбою. В продолжение стола играла придворная музыка, и таковой был при сем торжестве похвальной порядок, какового от почтенного сея провинции депутата ожидать долженствовало. (1)

Портрет императрицы Екатерины II в Доме Костромского дворянства.

Пополудни в 4-м часу того ж 15 числа соизволила Ея Императорское Величество в шлюпках пойти из Ипацкого монастыря в город, лежащий по другую сторону реки Костромы. Во время плытия рекою продолжалась пушечная пальба как с монастырских стен, так и города, и колокольной у всех церквей звон мешался непрестанно с веселыми восклицаниями народа.

На берегу города приуготовлены были кареты, в которые сев, с пристани изволила шествовать прямо к соборной церкви Феодоровские Богородицы. Перед каретою Ея Величества ехали по два в ряд костромские дворяне верхами под предводительством их предводителя сквозь сооруженные нарочно для прибытия Ея Величества аллегоричными картинами украшенные торжественные ворота, коим особливое описание при сем приложено будет, и на оных играли музыканты на трубах и били в литавры. У крыльца собора встретил Ея Величество преосвященный в служебном облачении, поднося чудотворную икону пресвятыя Богородицы Феодоровския.

Ея Императорское Величество, вошед за предыдущим архиереем, кропящим путь Ея священною водою, в церковь, изволила по прочтении многолетия приложиться ко святым иконам, а как возвращалась из церкви к своей карете, то поставленные в два ряда на ступенях девицы, одетые в белых пастушьих платьях с гирляндами из цветов, а из находящихся в руках их корзинах сыпали к стопам Ея Величества цветы, и одна из них, поднося в знак непорочного усердия и любви народныя к своей самодержице из цветов же сплетенный ве-

нок, говорила краткую приветственную Ея Величеству речь.

Всемилостивейшая государыня, пожаловав всех сих благородных пастушек к руке, изволила тем же порядком к каретам пойти в дом воеводской, где допущены были к руке:

1. Костромской магистрат и купечество.
2. Жены их.
3. Нерехотское купечество.
4. Проводившее Ея Величество ярославское купечество.
5. Кампанейщики.
6. Фабриканты города Костромы.

По сем Ея Императорское Величество, возвратясь в Ипацкий монастырь, всемилостивейше имела снисхождение допустить к руке несколько татар и их жен.

Того вечера по окончании вечернего стола, иностранные министры, зная, что Ея Императорское Величество назавтрее очень рано соизволит пуститься в путь к Нижнему, то, чтоб поутру не беспокоить, с чувствительным сожалением будучи, принуждены были возвратиться к Москве, приносили всенижайшее за оказанную им столь превеликую милость благодарение, а Ея Величество, пожаловав их к руке, изволила пойти пополудни в 11 часов на галеру, провожаемая как духовными, так и гражданскими особами и многочисленным народом.

На нагорной стороне против галеры зажжены были иллюминации, представляющие вензелевое Ея Величества под императорскою короною имя, и весь город и монастырь во всю ночь иллюминованы были.

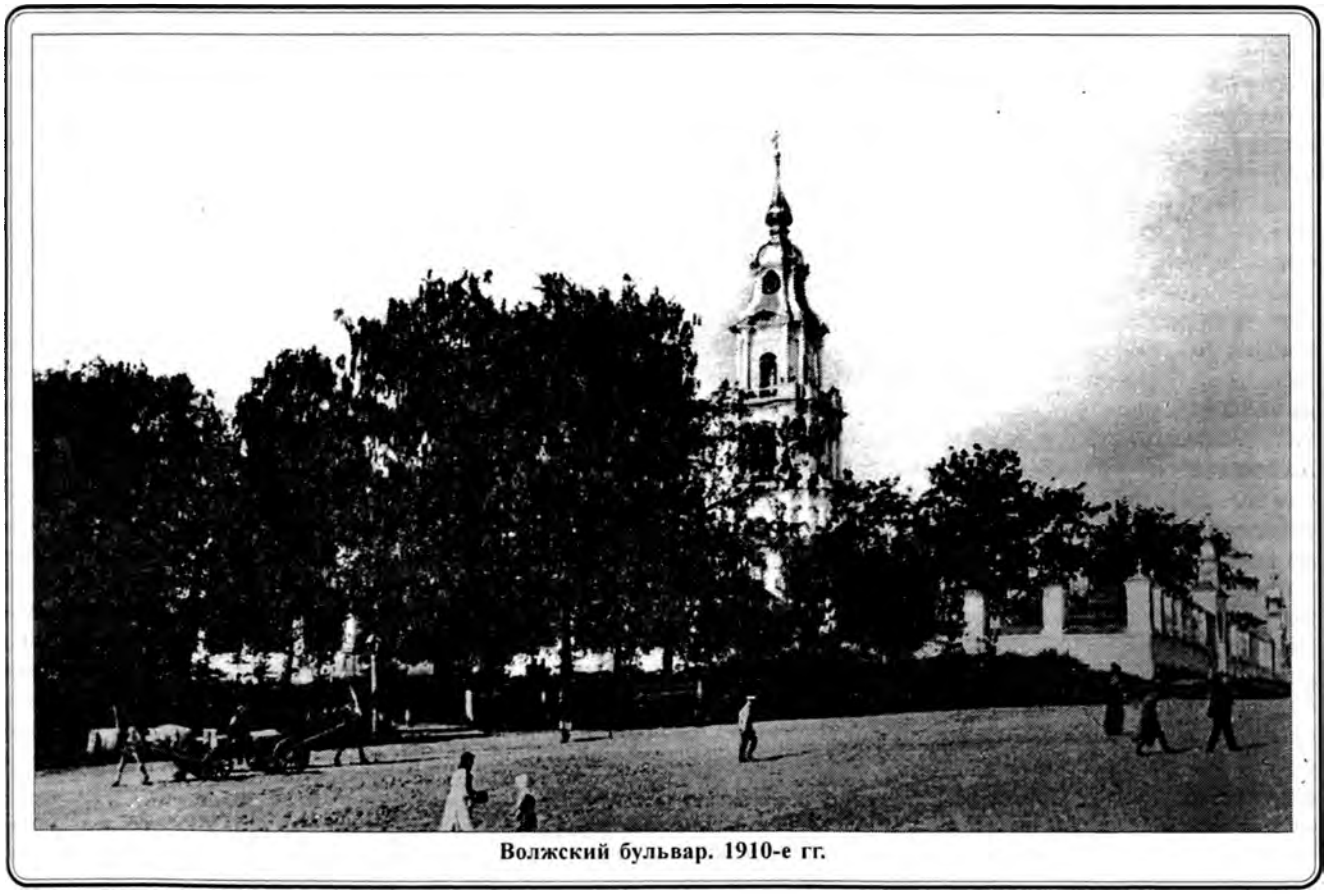
16 числа поутру в 8-я часу дан был сигнал к походу и с якорей сниматься начали. Между тем Ея Величество изволила всемилостивейше отпустить командующего галерною эскадрою графа Ивана Григорьевича Чернышева к Москве, препоручив команду капитану первого ранга господину Пущину.

Когда галеры при пушечной из города и из Ипацкого монастыря пальбе гресть начали, то наполняющий берега народ непрестанное испускал восклицание, прося Бога о продолжении здравия и благополучного Ея Величеству пути, а премножество шлюпок и лодок, наполненных костромскими жителями, провожали более пяти верст.

РГАДА. Ф. 196. Мазур. собр. Оп. 1. № 1639. Л.л. 79 об. — 84 об. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Во время стола Ея Императорское Величество по небытности у города герба пожаловать соизволила герб городу Костроме (примечание Н.С. Сумарокова — Л.С.)

Волжский бульвар. 1910-е гг.

ПОПЕЧЕНИЕМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

В 1778 году открыто Костромское наместничество под управлением генерал-губернатора, заведовавшего двумя наместничествами. Первым генерал-губернатором в Ярославле и Костроме был действительный тайный советник А.П. Мельгунов, которому столько обязан много Ярославль своим устройством, а Кострома — только открытием наместничества, потому что через год причислена была в управление Нижегородского генерал-губернатора, генерал-поручика и сенатора А.А. Ступишина. Спустя немного времени, Костромское наместничество причислено ко Владимирскому, где генерал-губернатором был генерал-аншеф, сенатор, граф Р.М. Воронцов, с 1784 года генерал-аншеф И.В. Салтыков, а с 1787 по 1797 г. И.А. Заборский. Хотя гг. губернаторы имели постоянное пребывание не в Костроме, а в тех городах, которые считались первыми в их титуляции, но нередко приезжали и в Кострому; и как переезды от одного города в другой, так и самое пребывание в них при их высоком значении и богатом состоянии вполне соответствовали своим великолепием и пышностию блестящему и роскошному веку Екатерины II. Нередко давая дворянству и чиновничеству официальные обеды и ужины с обычною тому времени пышностию, при музыке, пушечной пальбе, освещении и фейерверках, эти знаменитые личности и в обыкновенные дни держали дом свой открытым для посетителей, восхищая их своим образованием и столичными придворными манерами. Все это не могло не оказать на посетителей ощутительного влияния как в нравственном, так и в хозяйственном отношении. Дворяне, по преимуществу владевшие нескудными средствами для жизни, учились, так сказать, жить у генерал-губернаторов, а обычная человеку страсть подражать высшим в чем можно ближе и легче не оставалась праздною зрительницею и в купечестве, которое в свое время также тянулось за дворянами, не всегда даже соображаясь с средствами. Как бы то ни было, но цель предусмотрительной Екатерины — давая городам начальников из образованных знатных и богатых вельмож, отучить дворянство от деревенской жизни, не отличавшейся тактом, достойным дворянского звания, и с тем вместе доставить городам способы к лучшему устройству — достигалась верно. Дворяне, особенно те, которые занимали общественные должности по выборам и от короны (большинство последних было из местных дворян), начали устраивать для себя в Костроме дома преимущественно на конце города, с целью разводить при домах сады, и тех пор пустыри восточного края Костромы застроены дворянскими домами с хорошими садами. Многие из горожан также перестроили или вновь устроили поместительные дома — или для приволья собственной жизни, или в надежде иметь выгодных постояльцев, потому что дворяне, навидавшись пышной, изысканной жизни в городе при выборах, при которых каждый раз непременно жил в городе генерал-губернатор и задавал блестящие обеды и вечера, спешили, "убравшись с полей", в каждую зиму на житье в город.

Попечение генерал-губернаторов о народном образовании и просвещении проявилось в открытии в Костроме с 1786 года дворянского училища, для которого от казны ассигновано 1484 руб. в год на содержание 6 учителей, одного смотрителя с помощником и 10 учеников из бедных дворян, а с 1793 — типографии; но долго ли и с каким успехом существовали эти заведения — решить трудно по недостатку документов. Открытие училища принадлежит времени управления Костромою-Салтыкова, а типографии — Заборского.

В 1781 году Высочайше конфирмован на Кострому генеральный план, по которому и начали сооружаться казенные и частные здания (преимущественно каменные), а равно и гостиный двор в том отличном порядке, который дал Костроме справедливое право называться одним из самых красивых губернских городов. Стоит взглянуть на Кострому с Волги, особенно с ее верховья, едучи от Ярославля, чтоб вполне убедиться, что Кострома — красавица.

В 1797 году Костромское наместничество преобразовано в губернию. Надобно было назначить один из городов наместничества губернским. Кострома была в опасности потерять первенство: она по своему географическому положению не представляла удобств для губернского города, как стоящего на краю губернии. К счастью, между совещателями, говорившими не в пользу Костромы, произошло разногласие: одни назначали губернским городом Кинешму, другие — Юрьевец, третьи — Макарьев на Унже как более всех центральный город в губернии; но перевес остался на стороне защитников Костромы, которые в преимущество Костроме перед другими городами ставили явление в ней и пребывание чудотворной Федоровской иконы Богоматери. Таким образом, Кострома и титулом губернского города обязана своей святыне.

В 1744 году учреждена Костромская епархия, и Кострома стала престольным городом для епископа Костромского и Галичского. С этого времени Кострома приняла как бы новую жизнь. В то время как счастливые обстоятельства торговли и промышленности в Костроме давали жителям ее средства улучшить внешнюю ее сторону, внутренняя нравственная ее сторона ощутительно нуждалась в улучшении и преобразовании. В Костроме не было ни одного училища, где бы можно было обучиться даже грамоте.

П. Островский. Исторические записки о Костроме и ее святыне. К. 1864 г.

КАК УЛУЧШАЛАСЬ КОСТРОМА

[...] С другой стороны, пребывание генерал-губернатора сильно содействовало к улучшению города Костромы. Богатые помещики, занимая должности, как по выборам дворянства, так и от короны, построили в Костроме для себя домы со всеми удобствами привольной жизни. Некоторые из граждан перестроили свои домы с целью пользоваться выгодами от постоя.

Таким образом Костромские пустыри заселились огромными по тогдашнему времени домами в лучшем вкусе. Около трети городской земли покрылось зданиями дворян и чиновников с пространными садами и всеми выгодами общежития. Другие из дворян приобрели себе домы для развлечения своей жизни. Обработав летом поля, лучшая знать дворян из своих усадеб переселялась на зиму в наместнический город, где ожидали их иностранцы с европейскими потехами.

[...] К улучшению Костромы много содействовала и постройка казенных зданий. В последнее десятилетие XVIII века на возвышенном и красивом месте, близ церкви Всех святых, явился огромный губернаторский дом, подобный дворцу, выстроенный для жительства генерал-губернатора.

Около сего времени построены казенные деревянные домы: смирительный, воспитательный и лазарет. Присутственные места, губернские и уездные, до 1809 года помещались в Костромском Богоявленском монастыре. Лекарь Петр Говий с дозволения начальства от 30 июня 1781 г. в собственном доме открыл аптеку. К сему можем присовокупить построение городового теплого собора, ныне кафедрального, отстроенного вполне по плану, высочайше утвержденному...

М. Диев.

Костромские губернские ведомости. 1857. № 23, от 15 июня.

"...С КОЛЕНОПРЕКЛОНЕНИЕМ И СО ЗВОНОМ"

1788 года июля 27, четверток, в Костромской городовой магистрат в присутствие в 8-м часу пополуночи прибыли: бургомистры Алексей Колоткин, Илья Волков; ратманы Иван Попов, Дмитрий Живущев, Михайло Солодовников.

И во время того присутствия слушали:

Указ из Костромского наместнического правления с прописанием в оном Его Преосвященства епископа Костромского и Галичского сообщение о отправлении в здешнем губернском городе за одержанную над флотом шведским победу сего июля 30 дня благодарственного Господу Богу молебствия с коленопреклонением и со звоном.

Приказали: о получении оного указа в Костромское наместническое правление отрапортовать.

ГАКО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 24. Подлинник.

Губернаторский дом. Фото 1910-х гг.

ПИОНЕР КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

"Общий Российский гербовник" (1) сообщает, что дворянский род Васьковых восходит к XVI веку и потому внесен в 6-ю часть родословной книги Костромской губернии. Многие его представители проявили себя как на штатской службе, так и на военном поприще. Пращур краеведа, Иван Михайлович Васьков, упоминается в дьяках еще в 1550 году. Четверо Васьковых получили смертельные ранения при осаде Смоленска в 1634 году. Прадед писателя Иван Григорьевич Васьков служил по Ярославлю и Верее и в 1672 году от царя Алексея Михайловича был пожалован в Верейском уезде (под Москвой) вотчиною, перешедшей к его сыну Федору Ивановичу Васькову, который, служа в Гренадерской роте Преображенского полка, содействовал восшествию на престол императрицы Елизаветы Петровны, за что был отмечен переводом в лейб-кампанию и пожалован деревнею в Пошехонском уезде Ярославской губернии. При нем Васьковы получили свой фамильный герб, дарованный императрицей и описанный под № 70 шестой части "Общего российского гербовника".

Герб Васьковых представляет собою щит, разделенный перпендикулярно на две половины. В левой половине герб лейб-кампанейцев: в черном поле три пятиугольных серебряных звезды, а между ними золотое стропило с тремя на нем горящими гранатами. Правая половина герба разделена на три поля двумя диагональными линиями. Верхнее поле зеленое, среднее — золотое, нижнее — красное и в них серебряная шпага. На гербе дворянский шлем — на нем лейб-кампанская шапка с четырьмя страусовыми перьями (двумя красными и двумя белыми) и с каждого бока орлиное перо с тремя серебряными звездами. Фон справа черный, слева красный, подложенный золотом.

Внук заработавшего герб Федора Ивановича Васькова, Иван Кузьмич Васьков, одаривший костромичей первым авторским печатным краеведческим изданием, родился 29 января 1746 года в семье надворного советника Кузьмы Федоровича и его жены Анны Ивановны Васьковых. Место рождения его неизвестно, но весьма вероятно, что его родиной стала усадьба Васьковых в сельце Лукино Верейского уезда Московской губернии, унаследованная позднее Иваном Кузьмичом от покойных родителей.

В русле семейной традиции мальчик после основательной домашней подготовки вступил в армию. Его военная карьера тесно связана с графом и генерал-фельдмаршалом Иваном Петровичем Салтыковым, при котором он состоял адъютантом. И.П. Салтыков (1730-1805) участвовал в семилетней войне и первой русско-турецкой войне, в 1790 году командовал войсками, действовавшими в Финляндии против шведов. И блистательно закончил кампанию. В 1795 году вышел в отставку, но почти сразу же был назначен киевским губернатором и главнокомандующим украинской армией, а с 1797 года по 1804 значился военным губернатором Москвы.

Биография Ивана Кузьмича Васькова во многом накладывается на биографию его шефа, по крайней мере до конца 1780-х годов.

В 1784 году Салтыков был назначен генерал-губернатором Владимирским и Костромским и пребывал им вплоть до 1787 года, когда его сменил на этом посту Иван Александрович Заборовский. В составе сопровождавшей его свиты был и Иван Кузьмич Васьков, имевший тогда чин подполковника.

Генерал-губернатор жил не в Костроме, а во Владимире, приезжая в город лишь в экстренных случаях, например, на дворянские выборы, и останавливался в специальном доме на Никольской улице. Однако через своих подчиненных следил за событиями в городе и интересовался историей края, подведомственного ему. Сбор этих сведений он вполне мог поручить своему адъютанту. Не из них ли впоследствии выросла книга "Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым"?

Объем книги невелик, всего 64 малоформатных страницы. Упоминая ее в своем труде "Костромские Козловские" (2), В.Н. Бочков писал: "...книга Васькова... была пробным камнем костромского краеведения — материал в ней обобщен еще на примитивном уровне". С этим трудно спорить, тем более памятуя о том, что труд его вырос из служебной записки и автор вряд ли задавался целью создать пространную научную монографию с глубокими умозаключениями, он лишь, ориентируясь на среднего читателя, собрал и хронологически систематизировал исторические факты из документальных рукописных, частично заимствованных и изустных источников и, опубликовав, сделал их достоянием как своих современников, так и последующих поколений. И в этом несомненная заслуга краеведа.

Описанные и впервые опубликованные им в краеведческом труде эпизоды из исторического прошлого Костромы, такие, как: основание города князем Юрием

Долгоруким, явление иконы Федоровской Богоматери, битва при Святом озере, призвание Михаила Федоровича на царствование, подвиг Ивана Сусанина, времена смуты, приезд в Кострому императрицы Екатерины II и многие другие — в той же последовательности, по той же хронологической схеме кочевали впоследствии из издания в издание и до сих пор присутствуют во многих публикациях подобного профиля. Это ли не доказательство значимости труда И.К. Васькова...

В 1786 году в Костроме появился новый наместник — генерал-поручик Иван Варфоломеевич Ламб, переведенный из Сибири, где, будучи генерал-губернатором в Иркутске, надолго оставил по себе добрую память. Поговаривали, что Ламб был масоном. Будучи наместником в Иркутске, И.В. Ламб по службе встречался с Иваном Осиповичем Селифонтовым (дедом Николая Николаевича Селифонтова), занимавшего тогда должность председателя Пермской уголовной палаты. Их переписка хранится в личном фонде Н.Н. Селифонтова в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Семья состояла из Ивана Варфоломеевича, его супруги генеральши Марии Ивановны Ламб, урожденной Лачиновой, и их детей: Петра Ивановича — сержанта лейб-гвардии Преображенского полка и двух дочерей — Анны и Марии, девушек на выданье.

В противовес мягкому по характеру Ламбу, "душечке" (по выражению Н.П. Макарова), его жена была настоящей фурией, ела поедом мужа и детей, била посуду, бранилась, ломала мебель, "плевала в какую бы ни было часть превосходительного тела, не исключая и физиономии". Все это не помешало Ивану Кузьмичу Васькову влюбиться в девицу Анну Ивановну Ламб и взять "фурию" к себе в тещи.

Портрет Ивана Варфоломеевича Ламба. 1801 г.

Иван Кузьмич тогда же ушел с военной службы и перешел в костромскую казенную палату экономии директором и был в подчинении у своего тестя, с которым не только служил, но и дружил. Разница в годах у них была всего лишь шесть лет. Между супругами Васьковыми разница в возрасте была более существенна: в год свадьбы Анне Ивановне исполнилось 20, а Васькову 39 лет. И хотя жена была почти вдвое моложе мужа, брак оказался удачным — достаточно сказать, что за двадцать пять лет совместной жизни они произвели на свет десятерых детей: семерых сыновей и трех дочерей.

В Костроме семья жила в собственном доме на Кинешемской (ныне Советской) улице, а летом или в сельце Леоново Костромского уезда, принадлежащем Ивану Кузьмичу, или в Петрилове Костромского же уезда, купленном И.В. Ламбом в 1789 году у статской советницы княгини Настасья Ивановны Путятиной. Этой усадьбе довелось стать позднее последним приютом писателя. В 1805 году в селе иждивением генеральши Марии Ивановны Ламб была построена каменная с такой же колокольнею церковь Божией Матери.

Около десяти лет Иван Варфоломеевич находился на посту костромского наместника. После воцарения Павла Ламб был вызван в Петербург, произведен в генерал-аншефы и назначен вице-президентом Государственной военной коллегии. Его замужние дочери остались в Костроме: Мария, бывшая замужем за Александром Петровичем Голохвастовым, и Анна, жена Ивана Кузьмича Васькова, ставшего с 1800 года костромским вице-губернатором.

В его доме бывал Алексей Петрович Ермолов, сосланный в Костромскую губернию Павлом I. Об этом писал он в своих "Записках...":

"Тогда военною коллегиею управлял генерал Ламб, бывший в царствование Екатерины генерал-майором и костромским губернатором. По выезде его из Костромы остались там две дочери, в семействе которых принимаем я был благосклонно. Приезжая для свидания с отцом, они тронули его описанием участи молодого изгнанника, и достойный старик желал случая оказать мне благотворение". (3)

Единственный сын И.В. Ламба сержант лейб-гвардии Преображенского полка Петр Иванович Ламб умер в 1796 году, но старик-отец, не желая вырождения рода, просил Павла I о передаче своей фамилии старшему сыну Ивана Кузьмича Васькова Ивану Ивановичу и получил позволение. С тех пор старший сын краеведа стал именоваться Иваном Ивановичем Васьковым-Ламбом.

Вскоре после этого, 29 декабря 1801 года, Иван Варфоломеевич скончался в Петербурге и был погребен на кладбище Александро-Невской лавры. Все хлопоты по захоронению взял на себя приехавший из Костромы И.К. Васьков, ставший с тех пор главным защитником осиротев-

ших женщин. К сожалению, его тесть уже не мог быть свидетелем его служебных успехов, которым всячески содействовал. 19 мая 1802 года император Александр I наградил И.К. Васькова орденом, о чем сообщал именной рескрипт:

"Господин действительный статский советник Костромской вице-губернатор Васьков. Желая отличить усердие ваше к службе, содействием к возвышению казенных доходов вами доказанное, пожаловал я вас кавалером ордена Святой Анны второго класса, коего знаки для возложения на вас при сем к вам и доставляются. Пребываю в прочем к вам благосклонный Александр". (4)

В следующем 1803 году на груди И.К. Васькова появилась и другая награда — орден Владимира IV степени.

Более четверти века надо было прожить Васькову в Костроме, чтобы решиться формально оформить себя как костромского дворянина. Может, на этот шаг его подтолкнули подраставшие дети или получение женою недвижимости — села Петрилова с деревнями, оставшихся ей после покойных родителей. Как бы то ни было, но "по представленным в костромское дворянство депутатское собрание от действительного статского советника Ивана Кузьмича Васькова доказательствам и по определению дворянского собрания 13 июля 1806 года внесен он с предками и потомством в 6-ю часть родословной книги по Костромской губернии..." (5)

В следующем году Ивану Кузьмичу пришлось некоторое время побыть костромским губернатором, поскольку, как гласил рапорт губернского прокурора Павла Ефремова генеральному прокурору: "...господин тайный советник костромской гражданский губернатор и разных орденов кавалер Николай Иванович Кочетов, сего апреля с 23-го быв болен в тяжкой болезни по власти божией 28 числа в 11-м часу пополуночи помер, по сему случаю во отправление губернаторской должности вступил здешний господин вице-губернатор и кавалер Иван Козмич Васьков... апреля 30 дня 1807 года". (6)

Губернаторскую эстафету принял Николай Федорович Пасынков, а Васьков снова вернул свою ипостась. В должности вице-губернатора Иван Кузьмич пребывал до самой смерти, пришедшей на 18 февраля 1813 года, ему шел 68-й год. Тело его было переведено в Петрилово для предания земле на кладбище в ограде церкви Божией Матери. На могильном камне была высечена стихотворная эпитафия, как бы составляющая диалог писателя с родными:

Церковь села Петрилова, рядом с которой похоронены Иван Кузьмич Васьков и его супруга.

О други.
Достоин не я сожаленья.
Я в пристани тихой,
Вы жертвы волненья.
Страстей вихрь опасный
Мой челн не умчит,
Вам бурное море напастей
грозит...
Не лесть, но истина сии
писала строки,
Но дружба нежная,
лиюща слез потоки,
Потомства не страшась суда,
оне рекут.
Кто добр был и умен,
тот почивает тут... (7)

Вместо эпилога приоткроем завесу над дальнейшей судьбой осиротевшего семейства.

Анна Ивановна Васькова, вдова Ивана Кузьмича, со временем утешилась и вышла замуж вторично за нерехтского помещика Павла Михайловича Кобылина, человека культурного и обеспеченного, служившего некоторое время Нерехтским уездным предводителем дворянства. Он стал хорошим отчимом детям Васькова и преданным мужем Анне Ивановне.

Из семи сыновей Ивана Кузьмича лишь двое дали многочисленное и жизнестойкое потомство.

Наиболее интересна ветвь Федора Ивановича Васькова (1790-1855), занимавшего в разное время должности Галичского уездного предводителя, председателя палаты Уголовного суда Костромской губернии, а также начальника Костромского ополчения 1855 года. Похоронен в Ипатьевском монастыре вместе с супругою Прасковьей Андреевной, урожденной Готовцевой. Имел восемь детей: шесть сыновей и двух дочерей.

Его первенец, Андрей Федорович Васьков (1820-1870), инженер-поручик, нерехтский помещик, пошел по краеведческим стопам деда и написал книгу "Нерехтский уезд в 1857 году", а также ряд статей, опубликованных в местной прессе.

Остатки памятника И.К. Васькову на кладбище села Петрилова.

Другой сын, Константин Федорович, известен как меценат... Он завещал свой капитал (за исключением небольшой суммы для родственников) костромскому дворянству. Это была значительная сумма, составляющая только ценными бумагами 100500 рублей плюс стоимость имения и двух домов в Костроме, а также трех каменных лавок.

Благодарные костромские дворяне поместили портрет Константина Федоровича Васькова кисти художника Леонтовского, а также портрет его сестры Юлии Федоровны, в замужестве Захаровой (также меценатки), в портретной галерее дома дворянского собрания. Оригиналы не сохранились, но до нас дошло фото.

Иван Кузьмич Васьков мог бы гордиться своими детьми, внуками, правнуками... Поистине ему удалась как творческая, так и личная жизнь.

Елена САПРЫГИНА

1. Общий российский гербовник. Ч. VI. № 70.
2. В.Н. Бочков. Костромские Козловские. "Губернский дом". № 4. 1993.
3. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М. 1991. С. 28.
4. ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2083. Л. 1.
5. ГАКО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 199. Л. 6.
6. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 738. Д. 1.
7. Русский провинциальный некрополь. М. 1914. Т. 1. С. 140.

Остатки памятника И.К. Васькова и его супруги обнаружил на кладбище при церкви села Петрилова студент исторического факультета Костромского университета Михаил Лебедев. Он же сделал фотофиксацию памятников, передав снимки и реферат в Литературный музей.

"НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ"

Гербовый щит, увенчанный графскою короною, под которой шлем, окруженный наметом трех цветов: червленый, лазоревый и черный. Щит держат звери: справа — лев, слева — барс. Подложка золотая. Так выглядит в основе своей герб графов Румянцевых, высочайше утвержденный 19 января 1799 года. Примечателен девиз на ленте герба, который заключает изречение: "Non solum armis" (Не только оружием).

Да, это изречение как нельзя лучше подтверждает, что род дворян Румянцевых прославил себя не только воинской доблестью, но умом и служением искусству и науке.

Начинался род Румянцевых еще при Иване Грозном в Смоленске, далее пошли ветви московская и бежецкая, а также ярославская. Один из них, как пишется в "Истории родов русского дворянства" (том 2), "Борис Федорович (1667 г.) жив еще был и на службе в 1733 г. по списку герольдии. За ним состояло 7 дворов в Бежецком и Кинешемском уездах. У Федора Петровича, вообще испомещенного в Костромской стороне, был еще сын Иван, едва ли не старше Бориса и Елисея (предки ярославского помещика Петра — В.Н.), невидный по службе. У этого Ивана Федоровича Румянцева, помещика-однодворца, родился в 1680 году сын, названный Александром, прославивший всю фамилию".

Герб графов Румянцевых.

Однодворцы, хотя и имели дворянское звание, землю, иногда крестьян, сами мало чем отличались от крестьян и по имущественному положению, и по количеству земли. Старинная загадка иронически характеризовала крестьян и дворян однодворцев, которые мало чем друг от друга отличались: "Сам пашет, сам орёт, сам и денежки берет". Вот в такой семье воспитывался Александр Румянцев.

Природа одарила его силой и статью, русской красотой и смекалкой, огромным ростом. Прозябание на костромском дворе мало бы что дало этому юноше, но в 1704 году записан был он солдатом в Преображенский полк, обратив на себя внимание императора Петра I за стать, красоту и рост. Он был определен стоять на часах при квартире Государя, понравился ему и был взят в денщики. Одновременно с получением этой должности получил Александр звание сержанта гвардии.

Быть денщиком у самого государя Петра было не зазорно, многие великие государственные мужи, а том числе и Александр Меншиков, начинали с этого, возвысившись затем до знатных вельмож. Звание денщика давало право входить в кабинет Государя без доклада, а даже немногие вельможи могли воспользоваться этим правом. Так что звезда сына костромского помещика-однодворца быстро всходила над российским небосводом в правление Петра Алексеевича. В 1711 году, когда дипломат Шафиров заключал мир в Константинополе, курьером к Шафирову был послан сержант гвардии Александр Румянцев, который быстро обернулся туда и обратно, привез долгожданный мирный договор с Турцией, дающий России передышку в войне на юге. За аккуратность и быстроту выполнения курьерских обязанностей Румянцев награжден был чином поручика. В 1715 году поручик Румянцев за усердие по службе стал капитаном гвардии и еще больше был приближен к царю, выполняя его тайные задания.

Его учитель и соратник по таким делам, дипломат, тоже вышедший из низов, Петр Андреевич Толстой, так отзывался об Александре Ивановиче: "Он был человеком сложения веселого, жизнь оказывал приятную к людям и паче касающееся до компании, но более был счастлив, нежели к высоким делам способен, — только имел смельство доброго солдата". Толстой не считал Румянцева умным, но всегда прислушивался к его мнению, ссылаясь на слова Катона, что дураки умным нужнее, нежели умные дуракам. Думается, что Толстой ошибался, преуменьшая ум своего младшего коллеги, и это доказало их совместное дело в 1717-18 годах.

"Капитан гвардии Александр Румянцев, исполинского роста, с добродушным и красивым лицом не то римского легионера, не то русского Иванушки-дурачка", как описывали его современники, хорошо подходил к той деликатной операции, которая была поручена ему Государем.

26 сентября 1716 года царевич Алексей Петрович с крепо-

стной девкой Ефросиньей выехал из Петербурга в Кенигсберг для встречи с отцом, но по дороге скрылся. Последняя попытка отца и сына договориться по-хорошему срывалась, и Петр приказал немедленно найти сына. Резидент Авраам Веселовский сумел проследить путь Алексея только до Вены, а там след его был утерян. Капитан гвардии Румянцев с тремя офицерами был послан для поиска и поимки царевича. 17 марта 1717 года он добрался до Вены и установил, что в замке Эренберг недавно появился молодой русский под фамилией Коханский. Выяснение вопроса по дипломатическим австрийским каналам результата не дало, тогда Румянцев тайно пробрался в крепость и издали лично видел царевича и узнал его. Царевич, узнав, что он обнаружен, бежал в Неаполь, но Румянцев до самого Неаполя не упускал его из виду и 6 мая сообщил об этом царю Петру.

После этого распоряжения Петра в Вену для переговоров о выдаче царевича были отправлены дипломат Петр Андреевич Толстой и капитан гвардии Александр Румянцев. Они имели полномочия не только вести переговоры, но в случае нужды имели право применить оружие для освобождения царевича. После длительных переговоров Толстого с неаполитанским королем и свиданий с царевичем, при котором присутствовали Толстой и Румянцев, царевич Алексей был выдан России и 11 сентября выехал из Неаполя. 4 октября царевича повезли в Россию, причем он был полностью изолирован от общения с окружающими благодаря стараниям Толстого и Румянцева. 31 января 1718 года царевич Алексей был доставлен в Москву.

Александр Иванович Румянцев получил звание бригадира. К этому времени у России обострились отношения со Швецией и Англией, и 17 июля 1719 года Петр отправил Александра Румянцева в Стокгольм, наделив правами чрезвычайного посланника и генерал-адъютанта, с мирными предложениями и правом заключения перемирия. Но шведы упорно сопротивлялись мирным переговорам, и только одновременные усилия войск и флота (галерный десант и разгром шведов на море при Гренгаме) заставил шведов сесть за стол переговоров, для этого в августе 1720 года в Стокгольм был вновь отправлен Румянцев и привез грамоту шведского короля с предложением мирных переговоров.

Царь Петр ценил способных и преданных людей и всегда старался не только повышать их по службе, но и помогал устроить личную жизнь. Так случилось и с Румянцевым, который к 1720 году был все тот же красавец с профилем римского легионера, только тонкие, вздернутые кверху, так же, как у Петра, кошачьи усики придавали ему еще более воинственный вид. Он пользовался успехом у женщин, путешествуя по заграницам, и Петр решил его выгодно женить, что и сделал. Жена Александра Ивановича, дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева Марья Андреевна, пользовалась расположением Государя, происходила из древнего дворянского рода и по совпадению была связана с Костромской губернией, где дед ее Артамон Матвеев и сын имели усадьбу и земли в городе Лух.

Разница между женихом и невестой составляла около двадцати лет, но это не помешало им прожить дружно почти тридцать лет. Стараниями бригадира Румянцева 30 августа 1721 года со шведами был заключен Ништадский мир, по которому Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии, Выборг навечно отходили к России, Петр же возвращал шведам Финляндию. Дипломатические и военные победы Петра на Балтике увенчались успехом, в этом был вклад и Румянцева. Закончились военные действия на севере и западе России, но осложнились дела с Персией и Портой. Александр Румянцев вместе с императором Петром, русскими дипломатами сумели добиться мира с Персией, и в Петербурге в сентябре 1723 года был подписан мир. Но территориальные приобретения на Каспии не радовали Петра потому, что была недовольна Турция, а также Порта готова была начать войну. Имея полномочия чрезвычайного посланника, после подписания договора между Россией и Портой, что стоило немалых усилий, для размещения ратификаций в Константинополь прибыл бригадир Румянцев. На него также было возложено разграничение (размежевание) вместе с комиссарами Порты русских и турецких владений на Кавказе. Петр присвоил Александру Румянцеву звание генерал-майора и назначил послом в Константинополь. Новый посол стал претворять на практике договор о разграничении Кавказа и Персии между Россией и Турцией.

1725 год, омраченный смертью Петра I, был для Румянцева трудным и горьким, но случилась и радость: у него родился сын, которого в честь свата, покойного императора, назвали Петром. А в 1726 году генерал-майор Румянцев был пожалован орденом Александра Невского, затем в 1727 году получил звание генерал-поручика и был послан на Кавказ размежевывать наши владения с турецкими. Тесть же его, граф Андрей Артамонович Матвеев, в 1726 году по Высочай-

шему повелению был командирован в Кострому "с полной мочью" для ревизии воеводской канцелярии.

Наступали времена временщиков и дворцовых переворотов. Екатерина I — императрица российская — умерла, князь Меншиков сослан. А Румянцев продолжал ограждать Каспий от турок и пытался заключить мир с афганским ханом. Он еще не знал, что ждет его в будущем.

В 1731 году императрица Анна Иоанновна вызвала генерала Румянцева в Москву, обласкала его, сделав сенатором и подполковником гвардии, и предложила должность главноуправляющего государственными доходами. К этому времени в окружении императрицы вовсю хозяйничали немцы, это привело к столкновению Румянцева с братом временщика Бирона. Румянцев отказался от должности и высказал императрице все, что думает о дворцовых порядках, в том числе и о расхищении казны. Рассерженная Анна Иоанновна "за нерасположение к немцам и протест против роскоши при дворе" приказала арестовать генерал-поручика за измену, лишила Андреевской ленты и отдала под суд, который приговорил Александра Ивановича к смертной казни. Затем казнь заменили ссылкой в глухую казанскую деревню. Опала Румянцева вызвала ропот и раздражение против засилья немцев.

В 1735 году Анна сменила гнев на милость, освободила Александра Румянцева из ссылки, вернула звания и Александровскую ленту и назначила астраханским, а затем казанским губернатором.

К этому времени осложнились отношения с Турцией, на Волге волновались башкиры, и Румянцев после усмирения башкир был послан в южную армию для укрепления украинской линии, назначен управляющим губернией в Киеве и начальником всей армии, пока отсутствовал фельдмаршал Миних. В 1739 году он разбил турецкий корпус под Городищем, за что получил золотую шпагу и должность правителя Малороссии.

В 1740 году Анна Иоанновна направила генерала Румянцева в Константинополь для подписания мира с Турцией. "Сию величайшую милость ничем иным заслужить не могу, кроме излития остатней капли крови моей", — писал Румянцев Анне из Киева. Эти благодарственные слова генерала объяснялись не только важностью задачи, но и тем, что после побед в Малороссии он "успел" ввязаться в т.н. "Дело Волынского", но без последствий. 27 августа 1741 года мир с турками был подписан. Анна скончалась в ноябре. А 25 ноября на престол вступила императрица Елизавета Петровна.

Мы помним, с чего начинал Александр Румянцев, сын бедного костромского помещика-однодворца, свою головокружительную карьеру. Он был самоучкой и всегда чувствовал это, поэтому сына Петра решил обучать в Европе. Но своенравие, упрямство и, возможно, заложенные в генах рода Румянцевых военные способности привели к тому, что с учебой в Европе ничего не получилось.

В 1740 году русский посланник в Швеции Бракль проездом из Берлина писал отцу о сыне Петре:

"Он отнюдь ничему обучаться не хочет, а приставленные к нему мастера и учителя жалуются о его лености и забиячестве, и уже с ним никто никакого дела иметь не хощет. К тому же у него к гражданскому чину и обучении оному весьма склонности нет, но хочет солдатом быть, которым, по его превращенному мнению, ничего знать или учить, кроме того, что к солдатскому делу принадлежит, ненадобно". Так что уже с пятнадцати лет Петр Александрович Румянцев твердо заявил, что будет солдатом, как отец. И он стал им, и дослужился до генерал-фельдмаршала, за победы получил немало наград, обучил военному делу Кутузова и Суворова и других прославленных полководцев и вошел в историю как фельдмаршал граф Румянцев-Задунайский.

Но вернемся к судьбе и жизни старшего Румянцева, отца. С приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны он успешно закончил переговоры с Турцией, турки признали императорский титул русского царя. 30 ноября 1742 года генерал-аншефу Александру Румянцеву императрицей была пожалована Андреевская лента и орден св. Андрея Первозванного. В 1743 году Румянцев разбирался в армейских беспорядках, а в конце года отправился в Финляндию, на Абовский конгресс. Один из участников его писал впоследствии: "Из российских генералов один Румянцев, человек добрый, храбрый, умный, министр и любимый генерал-адъютант государя-императора Петра Великого, Абовский конгресс учинил". Возможно, есть здесь элемент преувеличения, но мир, заключенный в Або в 1744 году 13 июля, был для России очень выгоден, и в этот торжественный день генерал Александр Румянцев был "с родом возведен в графское достоинство".

Еще пять лет наш земляк верно служил России, воспитывал сына Петра. Сенатор, генерал и граф Александр Иванович Румянцев умер на семидесятом году жизни 4 марта 1749 года. Похоронили его в Москве в родовом склепе Матвеевых в Армянском переулке на территории Златоустинского монастыря, разрушенного в 30 годы. Теперь там Большой и Малый Комсомольские переулки.

Борис НЕГОРЮХИН

"СОХРАНЯТЬ ГОРОД ОТ СЕОР И ТЯЖЬ..."

В 1785 году "Жалованной грамотой на права и выгоды городам Российской империи" были созданы новые органы городского Костромского самоуправления. Население города, имеющее избирательные права и разделенное на шесть разрядов, выбирало градского главу и общую городскую думу. Из ее состава для постоянной работы избиралось по одному представителю от каждого из шести разрядов. Избранные составляли шестигласную думу — это был рабочий орган общей городской думы, собиравшейся раз в неделю. Дума ведала городскими хозяйственными делами.

Для публикации взят протокол одного дня работы общей городской думы.

В этот день городской голова и гласные, заручившись нужными статьями различных законодательных актов, отклонили указание наместнического правления о выделении обывательского дома для костромского уездного суда, что легло бы лишним бременем на городскую казну.

Другой, не менее важный вопрос: о выборах нового состава думы. Выборные должности не сулили в те времена никаких материальных выгод. Времени же отнимали достаточно. Вероятно, поэтому городские обыватели не спешили предлагать свои кандидатуры в городскую думу.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ КОСТРОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕЙ ДУМЫ

1794 г. января 27. *В присутствие Костромской общей думы прибыли: городской голова Дмитрей Дурыгин, гласные от гильдий Борис Стригалев, Яков Ошастин, Василий Сколозубов, от цехов Сергей Окатов, Гаврило Обокумов, Андрей Вихляшин, Николай Кулемин, Алексей Трегубов, от посадских Федор Сколозубов, Николай Поспеев.*

И во время того присутствия имели рассуждение, что в полученном из Костромского наместнического правления в сию думу сего генваря 23 дня указе написано:

что костромской уездный судья Муратов к докладу допущен будучи, присутствию наместнического правления представил: дом, в котором помещено присутствие костромского уездного суда так мал и комнаты тесны, что не только с делами порядочно расположиться не можно, но даже приказные служители по тесноте пишут стоя. Комната же, в которой присутствующие заседают и в которой помещен секретарской стол, тоже так тесна, что не только по случающимся делам не можно впускать просителей или подсудимых вводить для допросов и очных ставок, но за помещением столов едва для заседания присуствующим места остаются. Сверх всего весь суд, а паче архив оного подвержены немалой опасности от пожара, ибо дом, имея малое дворовое место, окружен тремя соседними домами, при коих у каждого имеющиеся бани весьма близко прилагают (...).

В рассуждение чего и просил, чтоб для присутствия уездного суда приказать отвести другой дом (...).

По справке в присутствии: уездный суд состоял в Богоявленском монастыре в комнатах, монастырю принадлежащих, а от 12 октября 1792 года представил оной суд наместническому правлению, что комнаты, им занимаемые, пришли в крайнюю опаснейшую ветхость, просил повеления о переводе его, на первой случай, в описной у регистратора Уракова дом, состоящий здесь в городе, в бывшем Вознесенском переулке, из платы в год по пяти рублей (...).

И тем наместнического правления указом велено (...) в шестигласную думу послать указ с тем, что описанными необходимостями принуждено наместническое правление потребовать ея пособия отводом приличного и способного для помещения уездного суда обывательского дома. Неукоснительным исполнением сего предписания удостоверено будет наместническое правление еще паче о той ревности и усердии шес-

тигласной думы, с какими обыкновенно оные препорученные ей дела исправляет.

А в законах напечатано:

Высочайших о губерниях учреждений в статьях 18-й — в каждом уезде или округе (...) учреждается уездный или окружной суд.

118-й — казенная палата (...), которой поручаются в смотрение домостроительные дела той губернии, как то: ведомости о числе народа, ревизионные списки, сведения о приходе и расходе, ревизии, соляные дела, винные откупы и подряды, казенные и публичные строения и их содержание.

197-й — должность уездного суда есть следующая: уездный суд имеет отправлять в уезде правосудие как по уголовной, так и по гражданским делам.

276-й — городничему поручается смотрение и попечение в городе над казенными строениями, о починке же и содержании докладывается заблаговременно казенной палате (...)

Устава благочиния 47-й — Управа благочиния с иногородних, иностранных и иноверных — в городе живущих, равно как и с природных, взыскивает исполнения узаконений по гражданству.

Городового положения: кто поселится в городе, тот имеет учинить расписку вместо присяги, что право гражданское принимает и обязуется по мещанству нести тягости. (...)

И буде от города кто-либо требовать будет в противность узаконению, или что городу трудно или тягостно, то городовой магистрат имеет жалобу приносить губернскому магистрату, равномерно доносить и Сенату, которому не налагать податей или служб или тягостей без подписания руки Императорского Величества.

Дворяне, кои имеют собственные свои домы, или сады, или землю, или места в городе или предместии, хотя сами в них живут, или в наем отдают, от мещанских тягостей не освобождаются (...). Ради же дворянского достоинства благородные освобождаются от личных податей и служб (...)

Городская управа. Вторая половина XIX в.

Городская дума. Фото 1910 г.

Законные гражданские расходы суть:

1) Содержание магистратов и прочих людей, коим по городовой службе жалованье определено;

2) Содержание городских школ и прочих заведений, приказу общественного призрения предписанных;

3) Строение городское и починки оного.

Городской думе предлежат попечения:

1) Доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию;

2) Сохранять город от ссор и тяжеб с окрестными городами или селениями;

3) Сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие;

4) Возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя, однакож, относящееся к части полицейской исполнять местам и людям, для того установленным;

5) Посредством наблюдения доброй веры и всякими позволенными способами поощрять привод в город и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может;

6) Наблюдать за прочностию публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, амбаров, магазейнов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно;

7) Стараться о приращении городских доходов на пользу города и для распространения заведений по приказу общественного призрения;

8) Разрешать сомнения и недоумения по ремеслам (...);

9) Городская дума должна хранить как городовое, так и ремесленное положение и наблюдать, чтоб оные точно и без нарушения всеми и каждым исполняемы были. (...)

Приказали: Как вышеписанным наместнического правления указом требуется от сей думы пособия для помещения присутствия Костромского уездного суда (...), но как здешняго города обыватели, в торгах и рукоделиях состоящие, по неимению казенного строения довольно задолжены содержанием на собственном отчете городового магистрата, управы благочиния, по-

Костромская земская управа. В центре — Лев Львович Пушкин. Конец XIX в.

чтового правления, по частям города съезжих, городничего и всей состоящей в сем городе воинской команды, коим содержанием и признают себе обыватели немалым отягощением (...)

Из наместнического правления указу явствует, что уездной суд переведен в деревянной дом из каменных, состоящих в Богоявленском монастыре покоев за одною только оных ветхостию, а не за теснотою покоев, то в рассуждении отвода для уездного суда обывательской квартиры или оной обществом у кого найма и наиболее думе не сделать бы де городовым обывателям, тем единственно, кои относятся казне податьми, а обществу службою, излишней тягости, не соответственной Высочайшего городового положения 7-й и 152-й статьям. В чем городовая дума, соблюдая о таковых излишних тягостей и от непозволенных росходов общество и не отступая означенного узаконения, приняла меры о сем в Костромское наместническое правление представить доношением и просить, не соблаговолено ль будет (...) состоящие в Богоявленском монастыре каменные покои, в коих и прежде тот же уездный суд имел присутствие, починкою исправить (...)

А до того времени в отводе квартиры препоручить Костромской управе благочиния, которая, имея в виду разного звания дворянские и разночинские домы, коих обыватели более и обязанностию уездного суда одолжаются. Чем и свободить общество градское от чувствуемого и излишняго такими отводами квартир отягощения.

Того ж числа имели рассуждение, что учиненные в сей думе прошлаго 1793 декабря 7-го и сего 1794-го годов февраля 8-го чисел о выборе на сие наступившее трехлетие к составлению здешней городской думы гласных резолюций.

1-я городовому старосте и ремесленному главе, а 2-я сей думы ныне находящимся гласным объявлены. Точию вновь выбранные к городскому главе и поныне еще не явились, а как прошедшее с 1791-го по нынешней 1794-й год трехлетие уже минуло.

Высочайшего ж городового положения в статьях со 156-

й по 166-ю предписано к составлению городской общей и шестигласной думы избрать через всякие три года от настоящих городовых обывателей каждой части города одного, от гильдий от каждой по одному ж, от иногородних и иностранных гостей от каждого народа, от имянных граждан по семи названиям от каждого особо, от посадских каждой части города одного гласных.

И те избранные, каждый гласный явиться должен у городского главы. И для того приказали:

Обеих частей здешняго губернского города Костромы настоящим городовым обывателям, всем трем гильдиям, и так же обеих частей города посадским чрез градских сотских учинить повестки, чтоб они, собравшись, каждое название особо между собою на советы на место находящихся в прошедшее трехлетие, и ныне еще заседающих, а равно и от настоящих городовых обывателей гласных избрали на настоящее нынешнее трехлетие с 794-го по 797-й год от всех вышеписанных названий к составлению городской общей думы других гласных законным порядком, баллотированием при таковом же собрании всех цехов, в нынешнем городе состоящих, и о выборе от каждого в городскую думу гласных Костромскому ремесленному главе объявить с подпискою.

И кого они в предписанные должности выберут по баллам, тем предписанных от избирателей уполномочиях явиться (...) к городскому главе Дмитрию Дурыгину по надлежащему. Относительно же до выбора от иногородних и иностранных гостей, от имянитых граждан таковых же гласных, но как они сих гласных по малоимению узаконенных семейств не составляют, следовательно, и остаться они должны без выборов.

Дмитрий Дурыгин
Борис Стригалев
Яков Ошастин
Гаврило Обакомов
Андрей Вихлюшин
Николай Клемин
Федор Сколозубов

ГАКО. Ф. 497. Оп. 2. Д. 16. Л. 16-22 об.

Публикацию подготовила
Лариса КОВАЛЕВА

Документ

"... подать в сию думу в самоскорейшем времени"

Из Костромской городской общей думы
сотскому костромскому мещанину
Андрею Лапотникову

приказ.

По сходству полученного от господина генерал-майора и Костромского наместничества правителя Ивана Варфоломеевича к здешнему градскому главе Василию Стригалеву письма и приложенной с ордера, данного господину городничему секунд-майору Бестужеву, копии, касательно и с распоряжением (отчего Боже сохрани) при пожарном случае, в сей городской думе между прочего определено: всем жителям, какого бы они звания ни были, а особливо состоящие в немалочисленном семействе в домах хозяева объявят, что при таком несчастном случае каждый хозяин столько из людей своих на пожар выслал, сколько может, поелику утушением оного спасается и собственный его дом, и чтоб высылаемые не с пустыми руками, но с каким-нибудь приличным пожарным инструментом и чтоб сии высылаемые держалися по десяткам и по сотням, к которым приписаны их дома. Пожарные работники и не прежде оставляют дело, как тогда, когда можно оставить оное без опасности; почему с объявлением жительствующим в сем городе дворянам и прочим чиновным людям к здешнему городничему и всей общей думе с приложением именного списка сообщено, о сем тебе, сотскому Лапотникову, костромским купцам. В приложенной при сем ведомости для надлежащего исполнения объявить с подпискою и подать в сию думу в самоскорейшем времени.

Марта 13 дня 1788-го года.
От гильдий гласный
Василий Красильников.

ГАКО. Ф. 497. Оп. 2. Д. 5. Л. 14. Подлинник.

1776 г. Костромской летописец 1817 г.

1776 г. — Образован земский суд.

1775-1778 гг. — Перестраивается Успенский собор. Его расписывают иконописцы — ярославские братья Иконниковы и Федор Пототуев.

1778 г., 4 декабря. — Кострома — центр наместничества.

1778 г. — Возникла палата гражданского суда в г. Костроме.

1779 г. — Создана палата уголовного суда в Костроме.

1779 г. — Создан совестный суд в г. Костроме. Разбирал дела о преступлениях, совершенных малолетними или взрослыми в состоянии безумия, разрешал спорные вопросы между родителями и детьми об имуществе.

1779 г. — Образован приказ общественного призрения. Ведал народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками.

1779 г. — Открыт сиротский суд в г. Костроме. Занимался попечительством о сиротах и вдовах городских обывателей, личных дворян и разночинцев.

1781 г., 6 марта. — Утвержден план г. Костромы, по которому начали строиться казенные и частные здания, в частности, гостиный двор.

1781 г., 30 июня. — В Костроме лекарем Петром Говием в собственном доме открыта первая аптека.

1781 г. — Построено здание городской думы.

1786 г. 22 сентября. — Открыто в Костроме главное народное училище для обучения дворянских детей.

1787 г. — Открыта ремесленная управа в г. Костроме.

1787 г. — Построена Петропавловская церковь на ул. Мшанской (ныне ул. Островского).

1788 г. — Карлом Гакеном на ул. Богословской (ныне ул. Горная) открыта аптека.

1788 г. — Кострома разделена на две части — Александровскую и Константиновскую.

1789 г. — Учреждена главная костромская ярмарка, которая получила название "Девятая", потому что проводилась на девятой неделе после Великого поста.

1790 г. — Построена в г. Костроме церковь Покровская.

1790 г. — Начато строительство губернаторского дома в Костроме на ул. Всехсвятской (ныне ул. Дзержинского).

1791 г. — По ходатайству протоиерея собора Иоанна Метелкина открыта библиотека в Успенском соборе.

1791 г. — Устроен сенной ряд на Павловской площади.

1792 г. — Н.С. и Н.Н. Сумароковыми открыта первая частная типография.

1793 г. — Открыт дом сумасшедших, впоследствии областная психиатрическая больница.

1795-1796 гг. — Г. Жураковским основана типография.

1795-1796 гг. — Построены здания духовной консистории и архиерейского дома.

1796 г., 12 декабря. — Кострома — центр губернского города.

1796 г. — Начато строительство богадельни в г. Костроме.

1797 г. — По указу императора Павла I городу пожалован новый герб.

1797-1798 гг. — Время правления первого костромского губернатора действительного статского советника Бориса Петровича Островского.

1797 г. — Основана больница общественного приказа в Костроме (ныне I городская больница).

1797 г. — Построено деревянное здание гауптвахты в г. Костроме.

1798 г. — Построена Стефановская церковь на набережной реки Волги.

1798 г. — В связи с учреждением полиции Кострома разделена на три полицейские части, а через год — на две.

1799 г. 22 сентября. — Произошла страшная буря в городе, которая продолжалась около 3-х часов.

1804 г., 15 сентября. — Главное народное училище реорганизовано в 1 гимназию.

1808 г. — Построено здание городской полиции в Костроме.

1809 г. — Построено здание присутственных мест в Костроме. В этом здании размещались архивы, земский суд, гражданская и уголовные палаты, уездный и совестные суды, казначейство, типография, губ. правление, приказ общественного призрения.

1809-1824 гг. — Были завалены рвы при Воскресенской церкви между хлебным гостиным двором, городскою каланчою и зданиями полиции.

1812 г., 29 июля. — Принято решение об образовании Костромского ополчения. Начальником ополчения был назначен генерал-лейтенант П.Г. Бардаков.

1813 г. — Открыты каменные кузницы и плавучий мост на реке Костроме.

1814 г. — Пожар истребил здание Костромской семинарии.

1814 г. — Открыто Александровское приходское училище в г. Костроме.

1817 г., 19 августа. — Кострому посетил великий князь Михаил Павлович.

КОСТРОМА

Из путешествий П.П. Свиньина

Приложенный при сем вид Костромы снят от Татарской слободы. Хотя он не дает полного понятия о величественном положении города, расположенного полукружием по откосу высокого берега, изрытого глубокими оврагами, но, выказывая великолепный собор с его вызолоченными главами, глядящими в зеркало вод широкой Волги, знакомит и с живописным достопамятным утесом, теперь служащим ему достаточным подножием, а в древности нередко представлявшим в ограде своей убежище для Великих Князей Московских при пагубных набегах на Россию хищных татар. Таким образом в 1382 году Великий князь Димитрий Иоаннович Донской укрывался в стенах Костромского кремля при нашествии Тохтамыша, а Великий Князь Василий Димитриевич в 1408 году — от грозного Эдигея. Но не одна неприступность местоположения давала Московским Князьям уверенность в личной их безопасности в сем городе: испытанная издревле преданность костромичей к Великим князьям была еще сильнейшею тому причиною. Костромичи, несмотря, что не реже других уделов переходили от одного Князя к другому то по наследству, то по правам войны, считали своими законными властителями одних Князей Московских. (...)

Если Кострома должна уступить Ярославлю, а может

Кострома. Рисовал с натуры П. Свиньин.

быть, и некоторым другим приволжским городам в общем смысле правильности и красоты строения то, конечно, ни один из них не имеет столь обширной великолепной площади, какова Сусанинская. Вступая на нее с пристани по едва заметной отлогости, открываешь в переднем плане несколько огромных зданий, в том числе прекрасный дом г-на Борщова, служивший для приема Высочайших Посетителей. Здания сии образуют дугу, с одной стороны ограничивающуюся боковым фасом огромного дома присутственных мест, с другой — красивым портиком каланчи. Между ними в виде лучей пробиваются пять широких прямых поперечных улиц. (...)

Изобилие садов, выказывающихся между домами, пестреющими на ровностях, открывает много отдельных картин, достойных кисти искусного художника. Но если кто хочет видеть один из прелестнейших ландшафтов, видеть величественную Волгу во всей красоте и деятельности, то пусть переедет на противоположный берег, в Селище, и оттуда полюбуется на город в тихий летний вечер, когда закатывающееся солнце подернет золотом красные, белые, зеленые верхи зданий и садов и в глубине прозрачных вод выстроится другой волшебный город, совершенное подобие первого, но еще миловиднее, еще живее от движения перебегающих струй. К довершению наслаждения слух нежится вместе с зрением, тысячи звуков долетают с барок, разукрашенных и подвигающихся плавно, как гордые лебеди, по течению быстрой реки. На одной раздается стройная круговая песня, с другой доносится заунывное пение рулевого или трели рожка кручинного доброго молодца, тоскующего об оставленной им далеко подруге, а по зеркалу бездонной Волги, кажется, движется другой подобный флот...

Несмотря на упадок некоторых богатейших купеческих домов, двигавших еще незадолго миллионами, бывших украшением своего полезного сословия, выгодное положение города для производства мелочной промышленности придает еще много жизни и способов городу, особенно с открытием судоходства, когда купечество, богатое и бедное, спешит отправляться в низовые города за хлебом, купленным заблаговременно, и один перед другим торопится скорее доставить его в Рыбинск, Москву или С.-Петербург. Костромское купечество производит также немалую торговлю холстом, салом, льняным маслом и кожами. Холст закупается по селам и деревенским базарам и на ярмарках, бывающих в самой Костроме в десятую пятницу, которые преимущественно славятся торгом лошадей. Кожевенные заводы и доселе поддерживают древнюю славу свою достоинством изделий. Рыболовство занимает также немало рук и капиталов.

В Костроме считается не более 12000 обоего пола жителей, домов 2377, в том числе 243 каменных, церквей, кроме двух монастырей, 35.

Кострома уже во 2-й половине XIII века производила сильную торговлю с Новгородом и до позднейших времен считалась одним из самых ремесленных, промышленных городов в государстве, ныне остаются 4 полотняные фабрики и 7 кожевенных, 6 свечных (в том числе 2 восковых), 2 табачных и 1 колокольный завод. (...)

Любопытство призывает путешественника к важнейшей достопамятности города, к первому украшению Костромы — к обозрению собора. Мы уже сказали, что на семь мест в древние времена существовала неприступная крепость; остатки рва и вала, уцелевшие с восточной стороны, дают понятие, сколь глубок был первый и высок второй. С севера и до запада не осталось малейших следов от них: на месте их разведен прекрасный, тенистый бульвар для общественного гулянья. На самой оконечности крепостной площадки, висящей, так сказать, над Волгою, возвышается величественное здание Успенского Собора. (...)

Ипатьевский монастырь. Акварель П. Свиньина.

Картины России и быт разноплеменных ее народов. С.-Петербург. 1839 г.

ГОД ИЗОБИЛИЯ В КОСТРОМЕ

Из рукописной летописи Успенского кафедрального собора. 1833 г.

В начале сего года присланы по почте из Москвы золотыя 84 пробы сосуды с прибором. <...>

Итого во всех сих вещах весу 10 фунтов 64 зол., да поддонная чаша серебра 31 зол. За каждой золотник заплачено по 13,8, да за работу от каждого золотника по 5,7, всего плачено с футляром и почтовыми расходами девятнадцать тысяч пятьсот рублей.

Сделал сии священные вещи Московской 1-ой гильдии купец Павел Федорович Садиков с сыном своим Игнатием Павловичем по домашнему контракту по сделанному ими прейскуранту, утвержденному мной, протоиереем Арсентием, с благословения Епископа Павла Костромского и Галичского и Кавалера.

* * *

На 24 мая ночью была сильная буря в городе и во многих городах Костромской губернии, где, слышно, сделала немалые разорения.

* * *

30 мая при колокольном всего города звоне отправился Преосвящ. Епископ Павел для посещения епархиальных городов: Макарьева, Ветлуги, Варнавина, Кологрива и на обратном пути Галича. <...>

Возвращение его было вечером, 5-го числа.

* * *

На 11 ноября была повсеместно буря, повредившая кровли на некоторых церквах, и домах, и лавках. В сие же время было значительное наводнение в Петербурге и Кронштадте.

17-го ноября Волга встала.

* * *

Сей 1833-й год по многим обстоятельствам есть замечания достойнейший. Весна была хорошая, в мае перепадывали дожди, от чего травы и хлебы засеяли хорошие. <...>

Рожь поспела, что редко случается, к 15-му июля. И хотя она была не в большом количестве в Костромской губернии, но довольно умолотна, и можно было из нужды продовольствовать жителей Костромской губернии. Но, по причине великого неурожая в нижних губерниях, пуд продавался в 2 р. 50 к. Сена же в Костроме было великое изобилие, и пуд продавался с 15 до 18 к. и менее. За оным приезжали в Кинешму и даже в Кострому донские казаки, которые нагружали в Костроме сена на барки.

Июль был дождлив и август до 20-го числа, с сего числа по ноябрь месяц погода была прекрасная.

С 1-го ноября по 15-е число погода была переменчива, после чего наступили морозы, и Волга встала. Но снегу было мало. На 26-е совершенная сделалась дорога.

В августе сего года ягоды: земляники, малины, брусники — и грибов всякого рода великое было изобилие.

* * *

И в сем году, хотя слабее, но имела свое действие холера в июле и августе месяцах. Жертвами ея были: священник Покровский — Василий Сигорский, священник Преображенский — Алексей Семенов, брат его — рисовального класса в гимназии учитель Николай Ипполитов; девица 20-ти летняя, дочь купца Колодезникова, и другие некоторые.

В сем же году скончался Покровский протоиерей, что в Полянской слободе, Василий Сергеевич Игнатьев, муж просвещенный и доктор, служитель церкви во всех отношениях. Сей скончался от долговременной болезни.

Также Воскресенский, что на площадке, священник Федор Иоаннович Скворцов от чахотки кончил жизнь свою.

* * *

В Воронежской, Херсонской, Полтавской, Астраханской, Саратовской, Пензенской и в половине Тамбовской и в других некоторых губерниях неурожай был в хлебе и сене, и потому дороговизна была чрезвычайная.

В конце сего года рожь продавалась в Костроме, чего никогда не бывало, с 2 р. 80 к. до 3 р. и более.

Успенский собор. Начало века.

"СЛЕДУЕТ ВЫГНАТЬ ВОН ИЗ ГОРОДА..."

Отношение шефа Староингерманландского полка генерал-майора Петра Алексеевича Чемоданова костромскому губернатору Борису Петровичу Островскому.

Милостивый государь мой Борис Петрович.

Вверенного мне полка полковой лекарь Ерке, сего течения 3-го числа представя в полк рапортом, просит о искоренении в здешнем городе непотребных женщин, а именно: Рубанчихи, ее служанки Акулины, Головонихи и Прасковьи, которые по объявлению находящихся в полковом лазарете заразили нижних чинов венерическою болезнию, и для того Вашего превосходительства прошу по силе законов, на таков случай изданных, помянутых женщин, Рубанчиху с служанкою Акулиной, Головониху и Прасковью, за чинимые их скверности чрез кого следует выгнать вон из города да и приказать здешней управе, чтобы и за прочими таковыми имели наблюдение, дабы предупредить зло оттого происходящее. В прочем пребуду с истинным моим к Вам почтением.

Вашего превосходительства,
милостивый государь мой,
покорный слуга Чемоданов.
Марта 6-го дня 1798 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 279. Л. 1. Подлинник.

"ПРОДЕРЖАЛ МЕНЯ ДВОЕ СУТКИ ПОД СТРАЖЕЮ В ДУМЕ..."

Ваше превосходительства,
милостивый государь
и отец Борис Петрович! (1)

Небезызвестно Вашему превосходительству, по данному мне пропуску из Иркутского губернского правления с тем, чтоб мне с пропуском явиться в Костромское губернское правление. Почему я, приложа помянутой пропуск при прошении в Костромское губернское правление подал Вашему превосходительству и явился. В поданном моем прошении просил Костромское губернское правление о приписании в здешнее мещанство, почему и послан указ из Костромского губернскаго правления, при коем приобщен пропуск и копия с поданного моего прошения в Костромской городовой магистрат, но сей магистрат послал в Костромскую градскую думу сообщение, при коем и меня отправил под присмотр в противность состоявшагося прошлаго 797-го года апреля 23-го дня имяннаго Его Императорскаго Величества высочайшаго указа, в коем о всем случившемся объявлено всемилостивейшее прошение, а градской глава Солодовников уважая (2) помянутое сообщение и потому продержал меня двои сутки под стражею в думе, едва чрез просьбу мою на поручительство приказал освободить впредь до потребования. Помянутой же глава Солодовников требовал с меня какого-то поручительства, без чего и не приписывают меня в здешнее мещанство. А как городовой магистрат причиняет мне обиды и угнетения, того ради всепокорнейше прошу Вашего превосходительства, блюстителя монарших указов, исполнителя законных порядков, ревностнаго попечителя и милостиваго благотворителя, от таковых обид защитить и принять меня, беднаго, в свое милостивое покровительство и неоставление.

Вашего превосходительства,
милостивейшего государя и отца,
всенижайший слуга и беднейший проситель
Артемий Волков.
1798-го года марта 15-го дня.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 526. Л. 1-2. Подлинник.

Документ называется: О приписке бывшего купца В. Волкова в костромское мещанство.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Действительный статский советник Борис Петрович Островский — костромской губернатор в 1797-1798 гг.
2. Так в документе.

"И СНЕС С СОБОЮ КАЗЕННЫХ ВЕЩЕЙ..."

Его превосходительству
господину действительному статскому советнику
костромскому гражданскому губернатору
и кавалеру Николаю Ивановичу.
Правящего должность костромского городничего
капитана Удина

рапорт.

Находящийся при тюремном остроге в карауле г-н прапорщик Привалов рапортом мне донес, что из числа бывших при оном остроге в карауле нижних чинов военнослужителей рядовой Александр Федоров сего августа 12 числа без ведома его отлучился и снес с собою казенных вещей кафтан, камзол, штаны, портупею и тесак, который по многим сыскам не найден, и для того о сыску оного бежавшего рядового Федорова первой и второй частям сего города от меня предписано приказами, а в Костромской нижний земский суд сообщено. О чем Вашему превосходительству сим покорнейше и рапортую с донесением таковым, что и Костромскому губернскому правлению. О учинении о сыску того беглого публике таковым же рапортом от меня представлено.

В должности городничего капитан Иван Удин.
Августа 13 дня 1799-го года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 952. Л. 1. Подлинник.

"ВСЛЕДСТВИЕ ЧЕГО И СИЯ ПРОДОЛЖАЕМАЯ БОЛЕЗНЬ..."

Ордер

Костромскому г-ну городничему Кузьмину.

По случаю распространившейся в здешнем городе болезни, которою, как известно мне, весьма многие жители одержимы и ныне, предписываю вам чрез частных приставов и квартальных надзирателей осведомляться каждый день о состоянии всех в городе обитателей, и если из них оказываются люди, одержимые тяжкими и опасными болезнями, то рекомендую Вам об оном тотчас уведомлять здешнюю врачебную управу, которой о принятии в таковых случаях надлежащих мер и оказывании больным всевозможного пособия сделал я особое предписание.

Губернатор Н.И. Кочетов.
Ноября 20 дня 1799-го года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 877. Л. 1. Черновик.

* * *

Его превосходительству господину действительному статскому советнику костромскому гражданскому губернатору и кавалеру Николаю Ивановичу Костромской врачебной управы

рапорт.

Предложением, Ваше превосходительство, пущенным от 20-го сего ноября под № 4054-м, сей управе предписать изволили, чтобы по извещениям здешнего господина городничего в рассуждении распространившейся в здешнем городе болезни принимать в таковых случаях без упущения времени надлежащие меры к пресечению оной и оказывать жителям города всевозможные пособия, а между тем, узнав о болезнях точнейшим образом, какого они именно роду, отчего приключаются, от переменных погод в воздухе или от других каких-либо причин, доставить Вашему превосходительству обстоятельное сведение. И во исполнение оного повеления врачебная управа сим честь имеет уведомить, что продолжаемая болезнь есть род простудной горячки, которая приключилась от продолжительной теплодождливой туманной погоды, отчего воздух наполнялся вредными частями, после которой сделался холод и продолжался двои сутки, а как от оного воздух не мог еще очиститься, вдруг сделалась великая оттепель, вследствие чего и сия продолжаемая болезнь, конечно, отродилась от частиц, находящихся в воздухе, и хотя она продолжается, но опасных никаковых последствий не имеет. О чем Вашему превосходительству врачебная управа честь имеет донесть.

Инспектор Адам Паллей.
Ноября 22 дня 1799 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 877. Л. 4. Подлинник.

Подготовила Галина ДАВЫДОВА

Сусанинская площадь. 1910-е гг.

„ТАКОВОГО ЗАВЕДЕНИЯ ЗДЕСЬ НИКОГДА ЕЩЕ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО...“

Пансион Анны Матье

Более двух столетий оставался Петербург столицей Российской империи. Всякое событие, происходившее на территории огромного государства и отмеченное бдительным оком чиновников по причине его общественной значимости, согласовывалось с министерствами и ведомствами, а значит, оставляло документальные следы в архивах этих учреждений.

Сегодня фонды большинства министерств Петербурга хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), который расположен в здании, некогда построенном для Сената и Синода — двух органов управления, созданных еще Петром I.

Среди многочисленных документов Министерства внутренних дел эти шесть листочков, написанных четким писарским почерком, вряд ли привлекли бы внимание историка, занятого общероссийскими проблемами. Для костромичей, особенно после пожара архива 1982 г., эти документы драгоценны, поскольку позволяют судить о времени и обстоятельствах основания первого в губернии училища для девиц.

Упоминаний о пансионе Анны Матье, открытом в Костроме 31 декабря 1809 г., не удаловь найти не только в современной литературе, но и в публикациях дореволюционной поры. Трудно судить, сколь долго просуществовало это учебное заведение, где оно располагалось, кто именно учился там и повлияло ли это на дальнейшую жизнь учениц.

Юридическим основанием учреждения пансиона был Устав учебных заведений, подведомственных университетам, изданный 5 ноября 1804 г. Этот документ изъяснял, между прочим, порядок открытия и правила существования частных учебных заведений (§§ 141-158). Там сообщалось: "Желающий завести у себя пансион должен явиться прежде всего к директору (училищ — Л.С.) и просить у него на то позволения, приложа к прошению своему имеющиеся у него свидетельства и обстоятельный план..." (1)

Директором училищ Костромской губернии в ту пору был отставной флота капитан Г.И. Шурман, к нему и обратилась учредительница пансиона. Однако возникла проблема, связанная с запрещением воспитывать детей обоего пола вместе: несмотря на существование в Костроме губернской гимназии, многие родители просили допустить к слушанию лекций в пансионе мальчиков. Возможно, это было связано с введением в гимназический курс древних языков, что осложняло обучение и не казалось столь необходимым для "благородных юношей".

Именно это обстоятельство и заставило инициатора создания пансиона, костромского губернатора Пасынкова, обратиться в министерство внутренних дел. Краткое изложение дела ("экстракт"), составленное чиновниками, было отправлено на имя министра народного просвещения графа П.В. Завадского, который и указал на отступление от устава: директор училищ должен был получить разрешение непосредственно в университете Московского учебного округа, которому подчинялась Костромская губерния.

Неизвестно, было ли разрешено совместное слушание лекций юношам и девушкам Костромы, но переписка двух министерств, продолжавшаяся около трех месяцев, привела к скорому открытию пансиона. Из семи документов, относящихся к этому вопросу, здесь публикуются первый и последний из них, начало и результат. Оба документа подлинные, их орфография приведена в соответствие с современными нормами.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Цит. по: Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М. 1987. С. 44.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н.Ф.ПАСЫНКОВА — МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А.Б.КУРАКИНУ. 1809. 5 ОКТЯБРЯ. № 4252.

Господину Министру Внутренних Дел.

В губернском городе Костроме и в здешней губернии доселе не было учреждено никакого училища или пансиона для образования благородных девиц, а потому большею частию из дворян, коих находится в губернии, мне вверенной, значащее количество, принуждены были с немалым затруднением и с употреблением ощутительных издержек отдавать детей своих женского

пола в другие отдаленнейшие места и столицы.

Споспешествуя общественной пользе, я полагал благородным лицам по предмету установления в Костроме пансиона, на что некоторые и объявили свое согласие. О сем предположении узнав, приехавшая из Москвы сюда французской нации уроженка Анна Матье намерена завести в Костроме для 20 благородных девиц пансион на правилах, в законе начертанных, где будут они научаемы трем языкам, как-то: русскому, французскому и немецкому. В русском языке учиться будут закону Божию, грамматике по правилам, арифметике, чистописанию, географии, математической и политической российской истории, переводу с русского на французский язык, общей истории, географии, мифологии, на фортепиане, рисовать и танцовать, и отнеслась о том к губернскому училищ директору.

Таковое обстоятельство долгом поставляя довести до сведения Вашего Сиятельства, имею честь при том объяснить, что по случаю помянутого заводимого здесь пансиона многие из дворян и чиновников просят, дабы малолетним их мужеска пола детям позволено было по сношению с содержательницею пансиона входить в оный не в другое какое-либо время, а единственно токмо в те часы, которые определены быть могут на преподавание наук для выслушивания лекций и приобретения к познанию предметов. Я не осмеливаюсь сам собою разрешить просителей в предъявляемом ими желании, покорнейше представляю об оном на благорассмотрение Вашего Сиятельства.

Дети С.И. Бирюкова, губернского предводителя дворянства, с няней. 1840-е гг.

Гражданский губернатор
Николай Пасынков.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 11 (1809). Д. 579. Л. л. 230-230 об.

II.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н.Ф. ПАСЫНКОВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А.Б. КУРАКИНУ.

1810. 11 января. № 178.
Господину Министру
Внутренних Дел.

В губернском городе Костроме с дозволения начальства по учебной части открыт минувшего декабря 31-го числа пансион для благородных девиц, из коих 13 уже в оный поступили. Такового заведения здесь никогда еще не существовало.

В пансионе сем преподаются следующие предметы: Закон Божий, история и география российские, первая часть арифметики, чистописание, правописание, грамматика и начальные основания словесности на российском языке, читать, писать и переводить на французском языке, читать и писать по-немецки, а потом грамматика и переводы, рисовать, танцовать и играть на фортепианах.

Содержит помянутый пансион иностранка французской нации Матье. Я о сем вновь учрежденном заведении имею честь почтительнейше доводить до сведения Вашего Сиятельства.

Гражданский губернатор
Николай Пасынков.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 11 (1809). Д. 579. Л. 236.

АВТОР ТАЛАНТЛИВОЙ ПЕРЕДЕЛКИ

160 лет дому Дворянского собрания

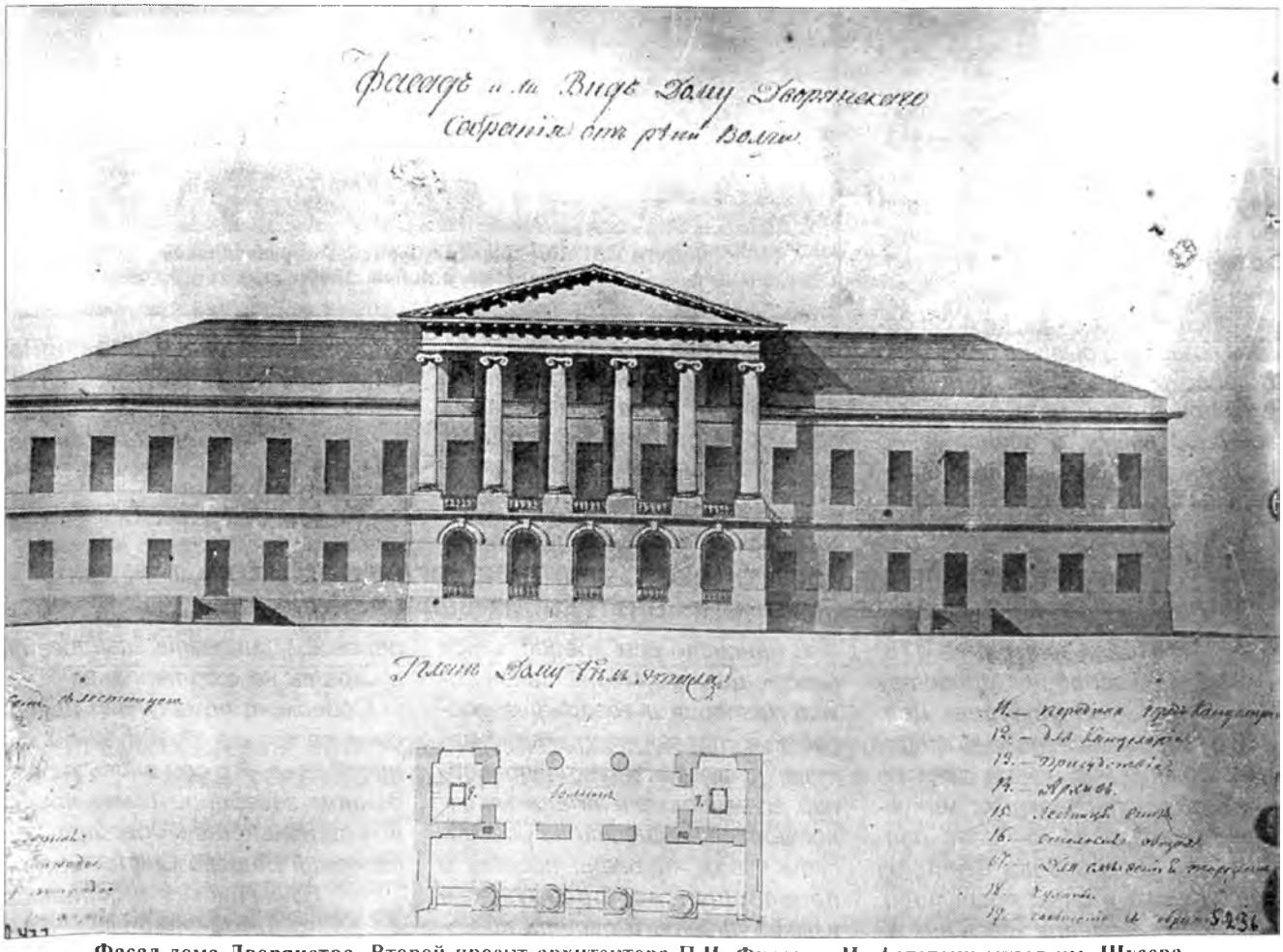
Все путеводители по Костроме отмечают "неизъяснимой прелести убранства зал Дворянского собрания". (1) Строитель его не был известен, не упоминался даже в панегирических описаниях открытия этого действительно прекрасного здания. Кто же все-таки был автором талантливой "переделки" купеческого дома в великолепный парадный зал губернского дворянства, ставший одним из лучших в России?

В ходе подготовки реставрации обветшавшего здания архитектор К.Г. Тороп в государственном архиве Костромской области внимательно изучила документы, касающиеся возведения этой постройки, и они помогли установить автора. Им оказался губернский архитектор Максим Максимович Праве. (2)

История дома Дворянского собрания в Костроме имеет два периода. Первый — когда он занимал деревянный особняк близ Волги в квартале у церкви Вознесения около старого театра. К 1824 г. здание пришло в совершенную ветхость. Было принято решение о строительстве нового дома на одном из лучших мест в городе, на Верхней террасе набережной по Всехсвятской улице.

Архитектор П.И. Фурсов составлял два проекта (3) Дворянского дома. Начался сбор денег "обложением каждой владельческой души". Но вместо возведения нового дома купили старый особняк у купцов Дурыгиных, владевших в Костроме несколькими каменными домами и полотняной фабрикой.

Постройка дурыгинского дома, по всей вероятности, была осу-

Фасад дома Дворянства. Второй проект архитектора П.И. Фурсова. Из фототеки музея им. Щусева.

ществлена вскоре после составления и утверждения генерального плана на г. Кострому, то есть между 1785-1890 гг. В списках обывателей г. Костромы за 1790 год за Дурыгиными записаны два дома, "первый состоящей в Стрелине улице идучи от города на левой стороне, построенный ими на купленной у разных людей земле с принадлежащими ко оному службами и с каменною палатою с дворовой и огородной землею и яблонным садом".

К моменту покупки "дом имел вид запущенного нежилого здания".

Опись домовладения за 1828 г. так характеризует покупку: "Дом трехэтажный, каменный, крыт железом с деревянным флигелем, надворным строением, дворовою и огородною землею... По лицу Павловской улицы — 66 сажен, Еленинской — 74, по сторонам 49 и 78 сажен. По Еленинской улице ягодный сад к площади и липовая роща".

Для решения организационных вопросов по перестройке дома была учреждена специальная комиссия. Ее журнал за 3 февраля 1837 года отмечает, что план перестройки "вчерне уже утвержден", и поручается архитектору Фурсову... представить белый план и смету".

Второй период начался тогда, когда Фурсовым ничего не делано... "Поручить прибывшему губернскому архитектору Праве" — таково решение строительной комиссии 17 марта 1837 г. Задача перед Максимом Максимовичем возникла непростая: предстояло превратить запущенный нежилой дом в здание общественного назначения.

Уже через два месяца Комиссия рассмотрела представленный зодчим проект, и "...губернатор внутренне расположение комнат нашел удовлетворительным". 28 июня на очередном заседании комиссии "губернский архитектор Праве избирается строителем, так как он лучше всякого

21 мая 1913 года
ВЪ ЗАЛѢ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ
имѣетъ быть
КОНЦЕРТЪ
Костромского Отдѣленія Император. Русскаго Музыкальнаго Общества
— ПРИ УЧАСТІИ: —
Соединеннаго хора отдѣленія и Костромского общества любителей хорового пѣнія, подъ управленіемъ С. Д. Барсукова, Н. Ю. Германъ-Зубовой (скрипка), М. З. Дмитріевой (сопрано), А. О. Ивановой (контральто), артистовъ Императорскихъ театровъ С. Д. Барсукова и В. Р. Петрова.
Аккомпанируютъ Р. К. Моргенфельдъ и Л. А. Паршина.
Начало въ 8½ часовъ вечера.
Г. г. члены имѣютъ входъ безплатный.
Цѣны мѣстамъ: 1 и рядъ 3 р. 10 к., 2—2 р. 60 к., 3 и 4—2 р. 10 к., 5, 6 и 7—1 р. 60 к., 8 и 9—1 р. 25 к., 10 и 11—1 р. 10 к. остальные по 75 к. Входныхъ билетовъ въ продажѣ не будетъ, для учащихся (по 27 к.) число мѣстъ ограничено.
Билеты можно получать въ музыкальномъ магазинѣ Н. А. Вавилова (Гостинный Дворъ) и въ помѣщеніи Музыкальныхъ Классовъ (Русина ул., д. Мыльникова).
Дирекція.

другого может привесть в исполнение план, им составленный...", чтобы он принял на себя каждодневно почасту осматривать построенное, давать "нужные" наставления рабочим и подрядчикам, которые "во всяких случаях должны требовать его указаний и распоряжений". Подрядчиком строительных работ по переустройству дома стал крестьянин из села Федорово Костромского уезда И.И. Сметанин.

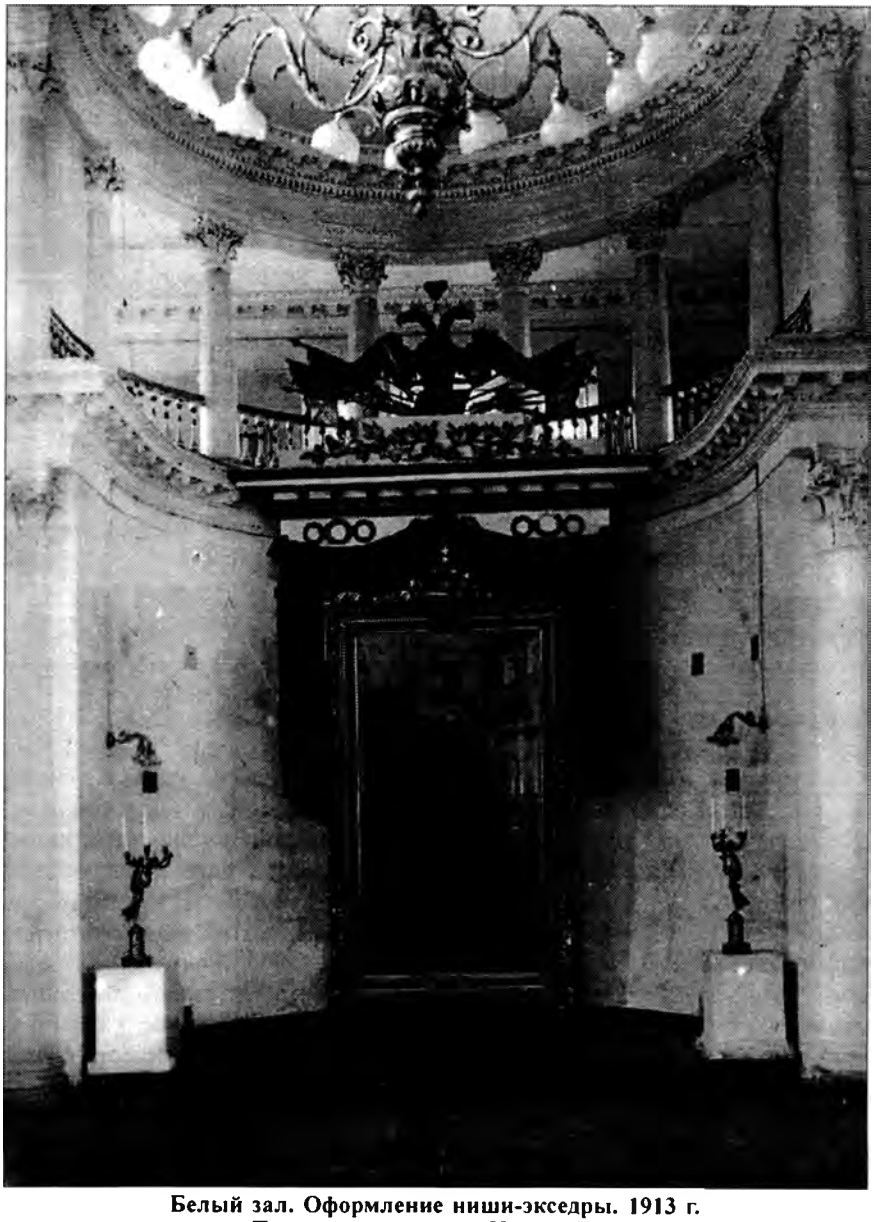
Здание расположено по красной линии улицы и по главному фасаду сохранило габариты дурыгинского особняка XVIII в. Почти кубический объем его выглядит легким и изящным. Белые стены с мягкой светотенью лопаток, тяг и рельефов делают облик дома исключительно цельным. Нижний цокольный этаж, несущий основную нагрузку, зрительно усилен глубоким горизонтальным рустом с прорисовкой замковых камней над окнами.

Два верхних этажа объединяют стройные лопатки простенка. Их гладь и устремленность вверх подчеркивает соседство с пластически насыщенной вертикалью оконных проемов, розеток и вставок над ними. При этом рельефы вместе с окнами участвуют и в горизонтальном ритме, что при-

дает равновесие частям, составляющим парадную композицию здания. Центральная часть по фасаду выделена легкой раскреповкой и шестью канелированными коринфскими пилястрами.

Окна второго этажа в этой части имеют сандрики с фронтонным завершением. Межэтажные членения на фасаде определяет по нижнему этажу пластичный карниз с железной кровлей, а над розетками второго этажа протянут рельефный поясок, только намечающий возможную линию перекрытия, тогда как главный зал второго этажа двусветный. Фасады завершает развитой, многопрофильный карниз с тонкой графикой тяг, модульонов, сухариков.

Общественное назначение здания потребовало иного, чем для жилого дома, решения входа. Строгая симметрия фасада диктовала устройство трех дверных проемов, взамен одного, возможно, существовавшего ранее. Тот же принцип симметрии для интерьера вестибюля требовал выполнения окон по сторонам дверей. Поэтому одна из трех парадных дверей является ложной, закрывающей существовавший ранее оконный проем вестибюля. Над входом сделан металлический козырек. Его ковал костромской кузнечного дела мастер Александр Васильевич Карпачев.

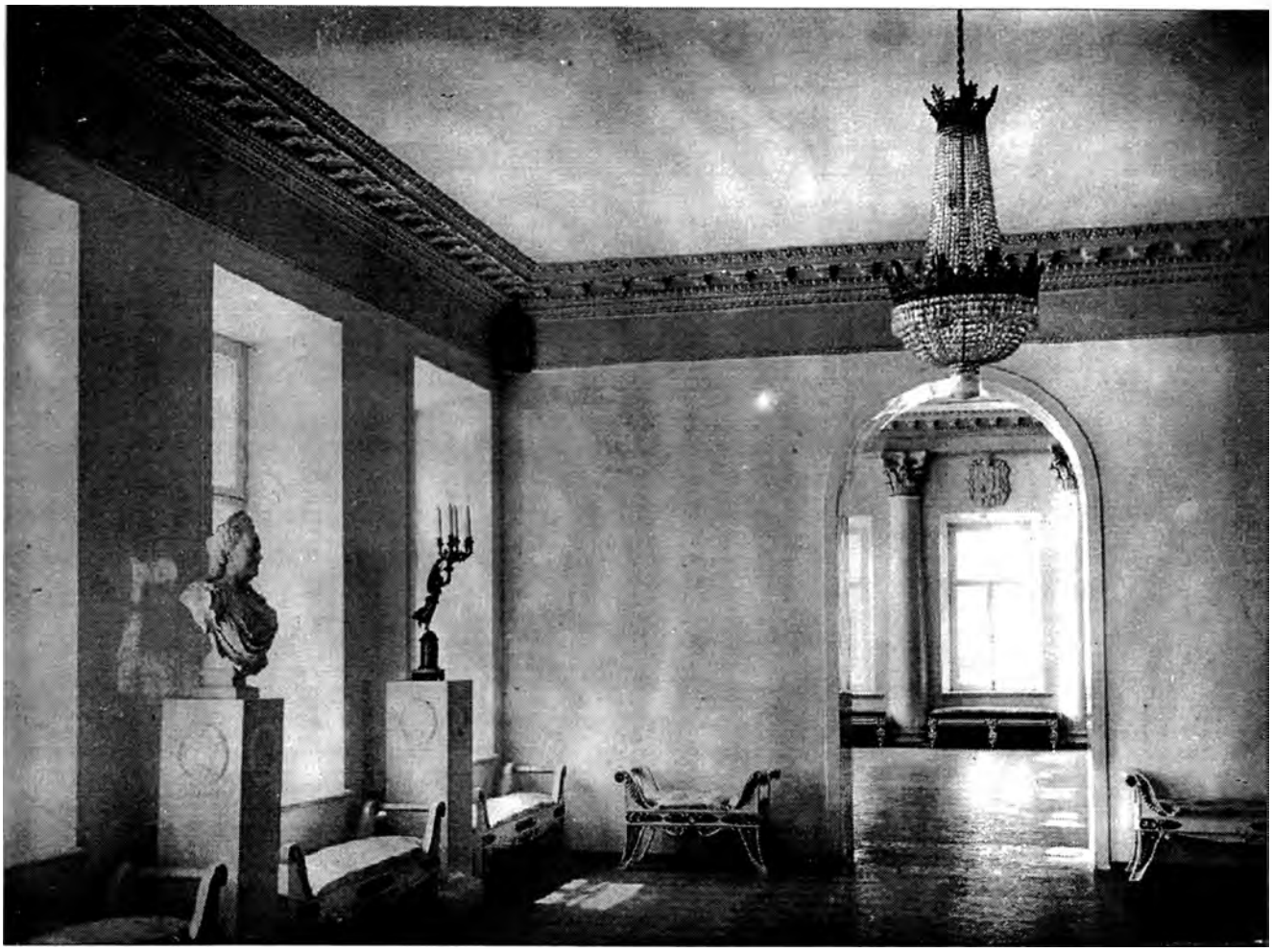
Белый зал. Оформление ниши-экседры. 1913 г. Портрет императора Николая II.

Перестройка была осуществлена в короткий срок и закончена к концу 1838 г., несмотря на большой объем выполнявшихся работ. Первоначальные сводчатые перекрытия над помещениями первого этажа сохранились в правой части здания. В центральной, где проектировалась парадная лестница, и в левой, где пристраивался зал, своды разбирались. Кроме "парадных сеней", в нижнем этаже размещался небольшой "депутатский зал", в левом крыле здания — ряд служебных помещений: направо — комната смотрителя, налево — кухни и комната архивариуса собрания.

Второй этаж был полностью занят парадными помещениями, за исключением небольшой туалетной для дам. Большой зал, аванзал, большая и малая гостиные соединялись открытыми арочными проемами, образуя анфиладу.

Основным положением проекта являлось устройство большого зала собраний, который разместился в пристройке к левому крылу здания. При рассмотрении проекта предложили увеличить ее для соразмерности на три сажени. Большой зал — двусветный. Он отделан искусственным мрамором цвета слоновой кости и поэтому получил название "Белый зал". Украшают его по периметру два яруса коринфских полуколонн, между ними карниз с большим выносом, позволявший в торжественных случаях устанавливать на нем свечи в дополнение к двум люстрам и канделябрам.

В глухую продольную стену вставлены четыре зеркальные рамы, повторяющие форму окон противоположной стены, что зрительно увеличивает про-

Аванзал. Интерьер. 1913 г.

странство зала. Над высокими окнами первого яруса колоннады в интерколумниях размещались лепные гербы уездных городов губернии. (4)

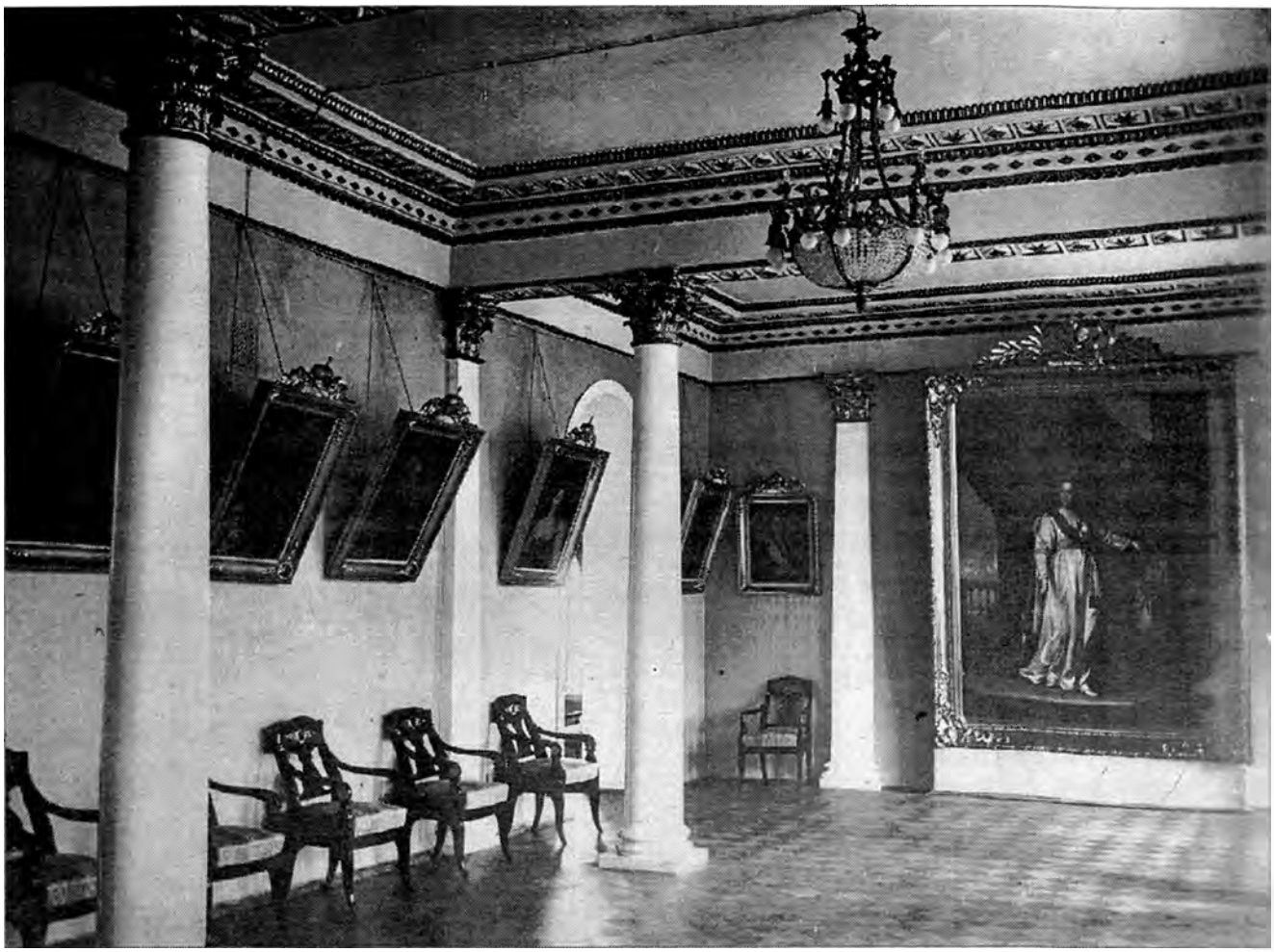
В западном торце зала была устроена ниша-экседра, в которой находился портрет императора. Над ней за открытой колоннадой верхнего яруса — музыкантские хоры. Эта часть зала выполняла роль сцены, а архитектурное решение служило постоянной декорацией. Во время концертов или музыкальных вечеров тут стоял рояль. Вторые хоры размещены за аркадой верхнего яруса внутренней продольной стены.

Соблюдая классицистические нормы, М. Праве сумел избежать монотонности помещения. Асимметрия и разнообразие пластических решений создали "неизъяснимую прелесть" "лучшего зала в России".

В журнале комиссии 15 декабря 1838 г. записано, что "бывший архитектор костромской казенной палаты Петр Евграфов Соколов... просит выдать ему подряженную сумму за вылепленные им четыре мифологические фигуры... для постановления их на хорах в нишах". В постановлении о выдаче 208 рублей указано, что "фигуры отлиты и поставлены на местах". Что это были за скульптуры, как они выглядели и когда утрачены, сказать невозможно, но ясно, что присутствие их, бесспорно, обогащало пластическими акцентами протяженную аркаду хоров.

Свет царствовал в Белом зале, казался струящимся со всех сторон. На окна не вешали никаких портьер, занавесов, окна продольной стены должны были вместе с переплетами отражаться в зеркалах противоположной глухой стены, создавая иллюзию симметрично расположенных окон. Потоки света отражались в сиянии паркетного пола, дробились легкими бликами на вертикалях полуколонн — настоящий праздник света. Расставленные под окнами белые с золочеными вставками резьбы банкетки не загромождали интерьер, а становились необходимым элементом декоративного заполнения нижнего пояса зала, при этом играли роль некого масштабного модуля, позволяющего ощутить соразмерность зала человеку.

Аванзал зрительно разделен на две неравные части архи-

Екатерининский зал. 1913 г.

травной балкой с двумя коринфскими капителями и пристенными пилястрами.

Кстати, отметим, что ствол колонн везде гладкий, база низкая и зрительно очень легкая, при этом колонны максимально сдвинуты к концам балок, совершенно не отклекают внимания, больше того, вы их просто забываете, и помещение воспринимается как просторное, исключительно светлое.

Большая гостиная (Малый зал) именовалась в свое время Екатерининским залом, так как тут находился большой портрет Екатерины II. Нарядные розетки кессонированного фриза, отдельные элементы карниза, изобилующего орнаментикой, капители колонн и пилястр — позолоченные, за что гостиная получила еще название "Золотого зала". Стены были обиты малиновым штофом, в 1912 г. оклеены обоями. Из этой гостиной можно пройти в две небольшие уютные комнаты для отдыха.

Декоративный акцент интерьеров смещен в верхний пояс. При исключительном аскетизме стен, оконных ниш, дверных проемов нарядный лепной декор, даже с позолотой отдельных элементов, положен на мощные балки, капители колонн, фризы по периметру потолка и по сторонам этих балок. Такой замечательный ход использовал М.М. Праве, чтобы обыграть возникшую необходимость усиления конструкций перекрытий введением дополнительных балок. Напомню, что шло приспособление старого жилого дома в общественное, и потому необходим был известный запас прочности. М. Праве, пройдя солидную школу архитектора производственных помещений в Туле и Петрозаводске, был отличным инженером-конструктором, что подтвердило время. Здание выдерживало огромные нагрузки в бытность Дворцом пионеров (с 1951 г.)

На третьем этаже — восемь комнат. В шести из них первоначально размещались канцелярии губернского и уездного (костромского) предводителя дворянства. Позднее здесь оборудовали буфет с подсобным помещением, столовую и бильярдную. Отделка комнат третьего этажа, куда вели две крутые деревянные лестницы, была скромная, без лепнины.

Для отопления всего здания имелось 46 печей.

"Контракты и счеты мастеровых, работавших при отделке Дворянского дома", называют главных исполнителей — крестьян Костромской и Ярославской губерний, в среде которых еще с XVII в. были широко распространены строительные профессии. При скудости на урожай здешних подзолов почти все мужское население ряда уездов уходило в обе столицы на заработки на строительный сезон: заказы в своем губернском городе были редки.

Отделку стен Белого зала, пилястр, колонн, оконных и дверных откосов в аванзале и большой гостиной ("Золотом зале") искусственным мрамором принял на себя крестьянин дер. Ченцы Ярославского уезда Панкратий Андреев. Большой объем работ по лепке — изготовление коринфских капителей колонн, пилястр, модульонов, розеток, карнизов — взялся сделать крестьянин дер. Овечкино Даниловского уезда Сергей Федоров Шутов.(5)

По рисункам Максима Максимовича Праве дворовый человек известной в городе дворянской семьи Шиповых резчик Степан Дмитриев* выполнил модели деталей лестницы. Отливка их производилась на чугунолитейном заводе в Ярославле под наблюдением самого мастера. На месте лестница монтировалась на деревянных косоурах-тетивах. (6)

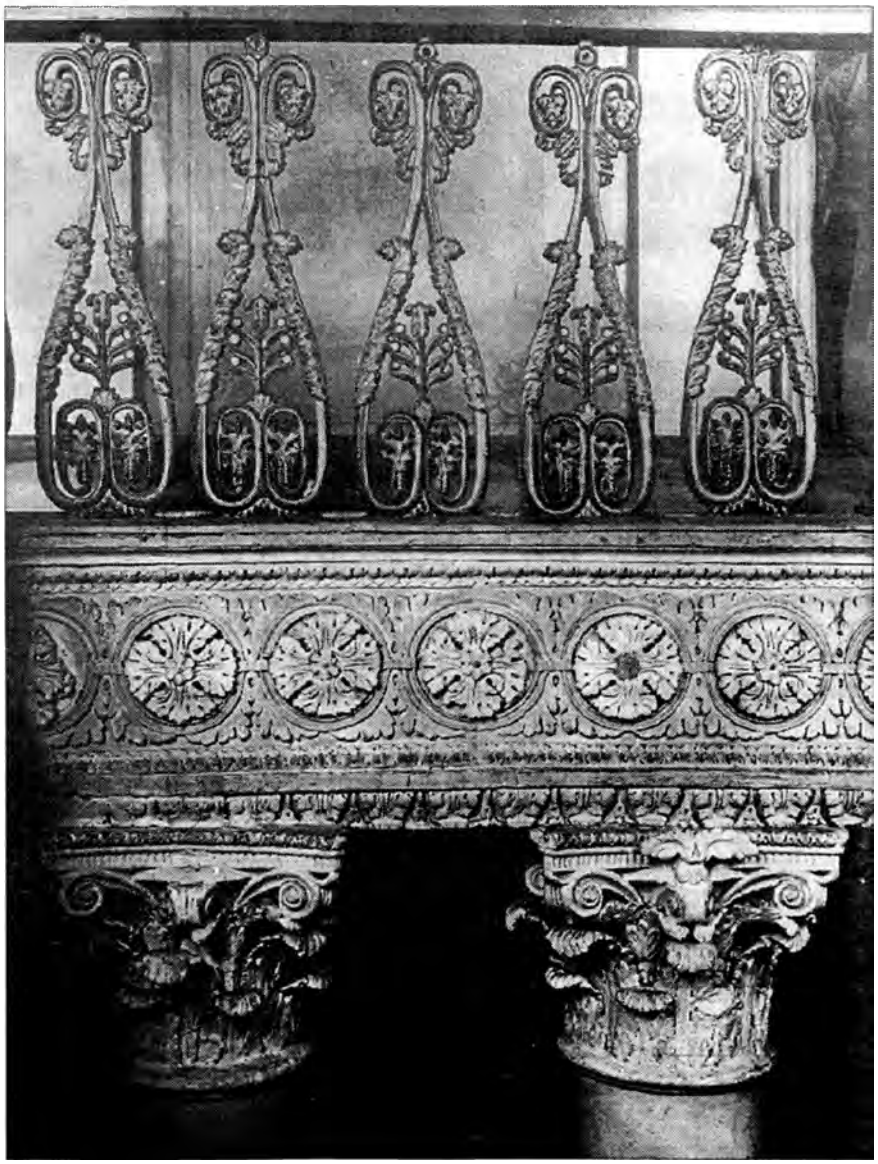
К сожалению, автору не суждено было увидеть законченным свое творение. Он скончался 4 декабря 1837 г. Комиссия выплатила причитавшиеся за надзор 400 рублей его жене Марии Андреевне. Красивое и удобное здание не только было восторженно оценено местной костромской общественностью, но и стало вскоре известно в других губернских городах России.

В 1842 г. казанский губернатор обратился к костромскому коллеге с просьбой выслать ему план и фасад дома Дворянского собрания, так как известно, "что в Костроме существует таковое здание, весьма удобно". По небрежности в Казани чертеж был утерян, пропал он и в Костроме, что, безусловно, также способствовало забвению имени зодчего.

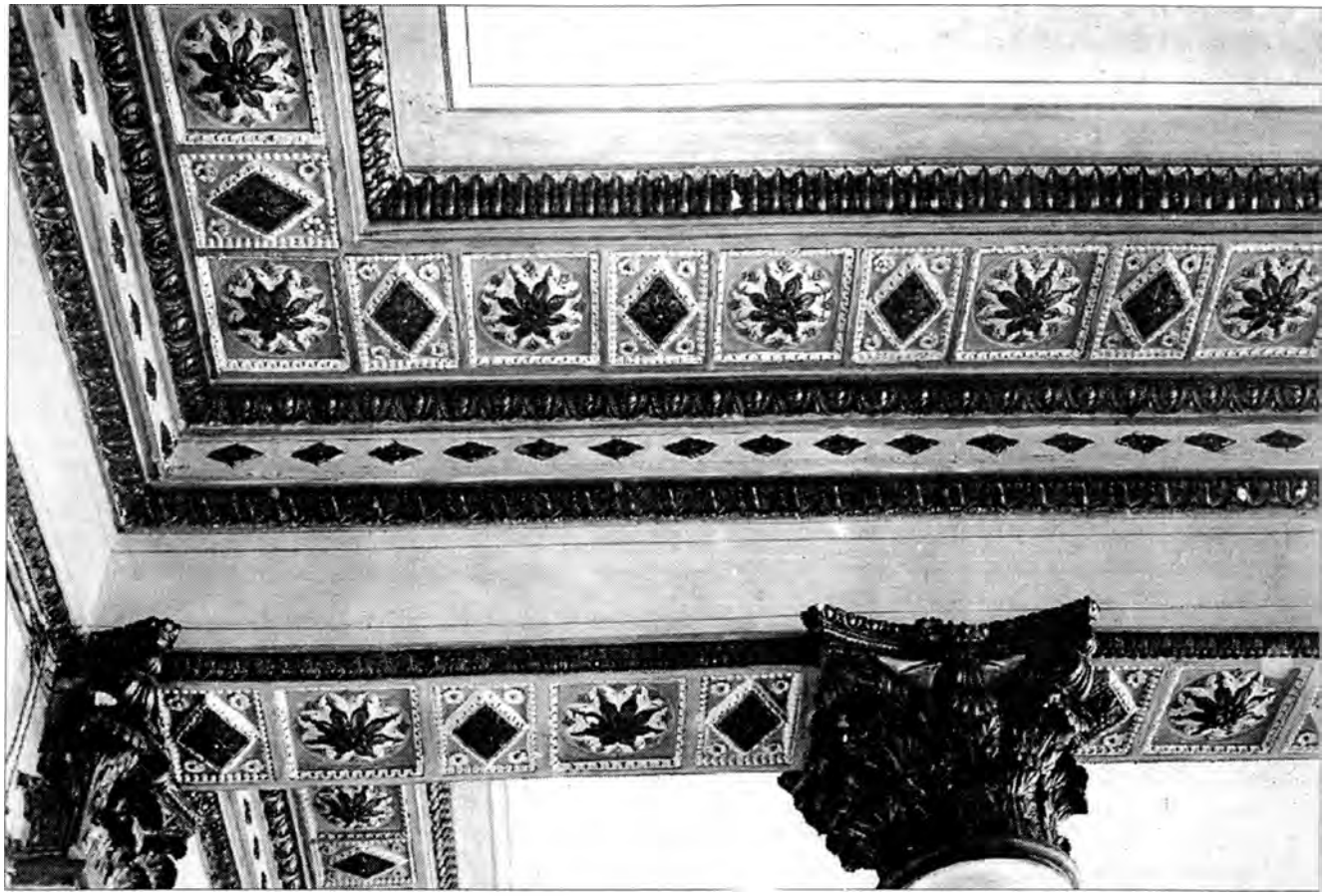
Случай помог К.Г. Тороп обнаружить в архиве Никольской церкви села Саметь чертеж иконостаса, выполненный М. Праве и подписанный владыкой Костромским Владимиром к исполнению в 1838 г. Каменный храм был возведен в 1768 г., следовательно, первоначальный иконостас заменяли новым. Строительство велось уже после смерти автора проекта. Исполнители внесли некоторые коррективы, но в целом сохранили замысел архитектора.

Иконостас, как и интерьеры дома Дворянского собрания, изобилует резьбой. Очень близки по форме капители колонн и розетки. Тонкая прорисовка всех деталей характерна для творческого почерка зодчего. Исповедуя классицистические принципы, он, очевидно, подчиняясь диктату заказчика, включил в композицию иконостаса витые колонки с гирляндами цветов, что придало ему нарядный, но несколько архаизированный вид.

При краткосрочности пребывания в должности костромского гу-

Фрагмент парадной лестницы. 1913 г.

Фрагмент отделки Золотого зала.

бернского архитектора М. Праве немного успел сделать, но даже одного дома Дворянского собрания достаточно, чтобы его имя осталось в памяти костромичей.

Талант и мастерство М. Праве полностью отдал провинциальным городам, посему имя его оказалось не на виду историков архитектуры. Биографические сведения о нем удалось найти в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (7). Родился Мангус Праве в 1795 г. в Новгороде в семье лютеран. В 1815 г. окончил Петербургскую Академию художеств. Начало его творческой биографии связано с Тульским оружейным заводом. Здесь он строил новые корпуса, сараи, а в 1820 г. был назначен младшим архитектором Тульской губернии.

В 1823 г. был переведен в Олонецкую губернию, а через два года стал Новгородским губернским архитектором. До 1834 г. проектировал и строил в родном городе и уездных центрах губернии. В отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина сохранился выполненный им в 1831 г. альбом обмерных чертежей зданий Кирилло-Белозерского монастыря и нескольких зданий Новгорода и Белозерска.

В 1834 г. по семейным обстоятельствам переехал в Орел на должность губернского архитектора, но тяжело заболел и через четыре месяца был уволен в отставку. Подлечившись, на последние средства отправился в Петербург за новым назначением.

Родственники жены сообщили ему о вакансии губернского архитектора в Костроме, и в декабре 1836 г. он со всем семейством переехал на родину жены и сразу же включился в дела по перестройке дома Дворянского собрания, ставшего его лебединой песней.

Светлана КАТКОВА,

Калерия ТОРОП

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лукомские В.К. и Г.К. Кострома. СПб. 1913. С. 286.
2. ГАКО. Ф. 121, 122, 133, 176, 497.
3. Лукомские. Указ соч. С. 312. Первый проект дома дворянства архитектора П.И. Фурсова.
4. Гербы воссозданы при реставрационных работах 1986 г.
5. Степан Федоров — известный лепщик, участвовал в отделке лепниной здания пожарной каланчи по проекту Фурсова.
6. При ремонтных работах к юбилею Дома Романовых в 1911-1913 гг. заменены на металлические; с верхней площадки пробита третья дверь в аванзал.
7. Для сбора биографических сведений о М.М. Праве в ЦГИА в Ленинград от КСНРПМ был командирован В.Н. Бочков. По результатам архивного поиска им написаны статьи для местной прессы, сведения вошли в путеводитель.

Бочков В.Н., Тороп К.Г. Кострома. Путеводитель. Ярославль. 1970.

О ДВОРЯНСКОМ ДОМЕ

О ветхости дворянского дома.
22 июня 1813 г.

Рапорт губернатору о том, что крыша сгнила. Бурей раскрыто и сорвано слуховое окно. Печи и полы не годятся и т.д. Была смета, составленная Метлиным. Просят отпустить из дворцового казенного приказа общественного призрения 2700 рублей.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 4962.

От 6 сентября 1823 г.
Письмо губернатора
Министру внутренних дел.

Написано на основании отношения губернатору от предводителя дворянства.

(...) Купленный в 1808 году у коллежской советницы Чагиной дом для дворянства уже давно в ветхом состоянии. В 1829 году было отпущено казенной палатой 25000 рублей, к починке не было приступлено, между тем дом (...) пришел от времени в такое разрушение, что даже и починить его невозможно, а должно построить новый, не деревянный, а для прочности каменный"...

Предлагается собрать в два года деньги с имений по 35 копеек с души крепостных". (Л. 22).

2 октября 1830 г.

Министр требует представить проект, еще раз все обсудить с губернским и уездными представителями дворянства и наметить, до какой степени можно ограничить сумму, потребную на приобретение покупкою или постройкой дома".

В феврале 1831 г. предводитель сообщает губернатору: "В связи с тем, что каменного дома купить не приискалось, то приступить к постройке вновь дворянского дома каменного на том самом месте, где теперь стоит ветчайший дом дворянский. (...) План сей, фасад и смету взялся сделать прежний г. архитектор Фурсов с тем, чтобы ему заплачено было тысяча рублей государственными ассигнациями. В числе коей просит вперед 300, а последние по окончании сочинения ему порученного". (Л. 28-29)

16 июня 1832 г.

Губернатору от предводителя сообщается: "Общее присутствие предводителей и депутатов дворянства 13 сего месяца, рассмотрев план, фасад и смету, составленную бывшим губ. архитектором Фурсовым, на постройку вновь каменного дома для дворянского собрания, нашло со своей стороны во всех отношениях оные удовлетворительными желанию". Просят представить Министру.

В письме Министру написано, что Фурсову поручено было составить проект к 21 декабря (Министерство неоднократно запрашивало сведения о сумме на постройку). (Л. 56-57)

ГАКО. Ф. 133. Оп. 4. Д. 9078.

От 1832 г. ноября 24 дня.

Из Отчета об обсуждении проекта и сметы. Подписано губернатором и 28 предводителями и депутатами. Проект и смета рассматривались губ. архитектором Уткиным. Выслушаны замечания Уткина по плану, деньгам и смете.

По смете Уткин сказал, что цены поставлены не по справочнику, поэтому, если по смете Фурсова недостает на постройку против имеющихся денег 23680 рублей, то по Уткину дом будет стоить 285387 рублей и недостает уже 159068 руб. Решили пересоставить проект, чтобы дом стоил не более 100000 руб. (Л. 82)

10 ноября 1833 г.

Губернатору сообщается, что новый проект Фурсовым заканчивается: "чертежи и сметы на оное строение уже приводятся к окончанию".

24 июля 1834 г. сообщается губернатору, "что проект закончен Фурсовым по одобренным черновым планам и фасадам. Стоимость вышла 118000 рублей без надворных строений. Разница небольшая" Просят предоставить в Министерство.

Письмом от 14 марта 1835 года предводитель представил губернатору чертежи. Письмо губернатору от Министерства от 15 апреля 1835 г. содержит замечания по первому проекту, так как "11 сентября минувшего года предоставлены чертежи".

"Комиссия проектов и смет, которая, рассмотрев проект постройки костромского дворянского дома, хотя нашла опыт отменно хорошо составленным, но замечает, что для большей правильности наружного вида можно не строить купола и решетку сделать несколько легче, с меньшими украшениями, как сие назначено на составленном комиссиею чертеже, также для лучшего вида внутри зала собрания должно будет возвысить хоры на один аршин, уменьшив ширину оных с каждой стороны на поларшина.

Относительно портика комиссия находит опасным возводить над колоннами свод, и потому вместо оного должно выстроить обыкновенный плафон".

ГАКО. Ф. 133. Оп. 4. Д. 97. Л. 82, 110, 113, 130-131, 133.

Подготовлено к печати Светланой КАТКОВОЙ.

1821 г. — Построено здание для размещения архивов присутственных мест.

1823 г., 28 октября. — Создана пожарная команда.

1823 г. — Выстроены обелиски Московской заставы в г. Костроме — парадный воинский въезд в город.

1823 г. — Вымощена Сусанинская площадь в г. Костроме.

1824 г. — Учреждена служба погоды в г. Костроме.

1824 г. — Открыто Константиновское приходское училище в Костроме.

1826 г. — Построено здание гауптвахты.

1827 г. — Построена пожарная каланча.

1830-1831 гг. — Кострома пострадала от эпидемии холеры.

1834 г., 7 октября. — Кострому посещает император Николай I.

1835 г. — Главная городская площадь (Екатеринославская) переименована в Сусанинскую.

1837 г., 13 мая. — Кострому посетил государь-наследник Александр Николаевич.

1838 г., 8 января. — Вышел первый номер газеты "Костромские губернские ведомости".

1839 г. — Открыт дом дворянского собрания на Павловской улице (ныне проспект Мира) в Костроме.

1845 г. — Поставлена колонна памятника Ивану Сусанину.

1847 г., 10 июня. — Основан приют Мариинский для девочек на Никольской улице.

1847 г., сентябрь. — Сильный пожар опустошил город.

1847 г., 1 ноября. — Открыт пансион госпожой Григоровой для воспитания девиц дворянского, духовного и купеческого званий.

1847 г. — Доставлены из Петербурга все бронзовые фигуры для памятника Ивану Сусанину.

1848 г. — Эпидемия холеры в Костроме.

1849 г., 15 июня. — Открыта комиссия для оценки недвижимых имуществ в г. Костроме.

1850 г., август. — Кострому посетили великие князья Николай и Михаил Николаевичи.

1851 г., сентябрь. — Учрежден попечительный комитет о бедных в Костроме.

1852 г. — Открыт механический завод Шипова в Костроме.

1854 г., 16 мая. — Костромичи провожали 20 юношей в действующую армию (Крымская война).

1854 г. — В Костроме открыт попечительный о бедных комитет.

1857 г., январь. — Открыто первое фотографическое и дагерротипное заведение художника Э. Мюкке.

1857 г., 26 августа. — Преобразован частный женский пансион госпожи Шкотт в губернское училище для девиц. В августе 1860 г. переезжает в здание, купленное А.Н. Григоровым.

1857 г. — Спущены пассажирские пароходы "Алексей" и "Владимир", построенные на верфи механического завода Шиповых в Костроме.

1859 г. — Открыта сберегательная касса при приказе общественного призрения.

1859 г. — Открыта частная типография П.И. Андроникова.

1860 г., май. — Открыта казенная типография в Костроме.

1861 г. — Открыты два каменных корпуса рядов внутри гостиного двора.

1863 г., 4 октября. — Открыто новое здание театра.

1863 г. — Учреждено Костромское городское полицейское управление.

1863 г. — Купцами Акатовыми устроена богадельня на ул. Заводской (ныне ул. Горького) в Костроме.

1864 г. — Открыт Костромской городской общественный банк.

1865 г., 27 февраля. — Открыт общественный клуб в Костроме.

1865 г. — Открыта богадельня и дом инвалидов имени Углечанинова в г. Костроме.

1866 г., 14 августа. — Прибыли в Кострому наследник цесаревич Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович.

1866 г. — Открыта богадельня купцом А.А. Акатовым.

1867 г., ноябрь. — Открыто "дамское отделение тюремного комитета" в Костроме.

1867 г., декабрь. — Произведена перепись населения в Костроме. Мужчин — 14863 чел., женщин — 13594 чел., грамотных мужчин — 7307 чел., грамотных женщин — 4090 человек.

1869 г. — Открыта Лазаревская (кладбищенская) богадельня.

1870 г., 1 ноября. — Освящен водопровод в г. Костроме.

1870 г. — Дом генерала М.С. Борщова, проданный купцу А.А. Первушину, куплен городом для окружного суда.

1871 г., февраль. — Учреждена Костромская мещанская управа.

1871 г., июнь-сентябрь. — Эпидемия холеры в городе.

1871 г., 28 сентября. — Открыт коммерческий банк в г. Костроме.

1872 г. — Открыта Крестовоздвиженская (кладбищенская) богадельня.

1873 г., 20 августа. — Открыто реальное училище (ныне школа № 29 г. Костромы).

Дело о пожаре 1847 года

<...> С 5 на 6 сентября, часа в два за полночь, вспыхнул пожар на Никольской улице, в надворных строениях купца Энгерта и кр. Литова. Огонь, угнездившийся в огромных деревянных строениях, почти нераздельно состоящих со многими соседними, при сильном ветре не более как в один час обнял девять каменных домов (3 трехэтажных и 6 двухэтажных) на Никольской и Марьинской улицах. Трудно было прекратить пожар, разливавшийся при сильном ветре на соседние здания, но трудность эта и вместе ужас жителей усугубились, когда в то же время вспыхнуло пустое здание (где прежде было красильное заведение) за городом и большой склад (250 саж.) дров на берегу р. Костромы, в расстоянии от начала пожара не менее полуторы версты, и когда в то же время начали пробегать слухи между народом, будто горит Ипатьевская слобода, горит Нижняя Дебря, совершенно противоположные своей местности. Народ, видя пожар необыкновенным и увлеченный новыми зловещими слухами, разъединился, а между тем пожар, перейдя поперек Марьинской, Павловской и Еленинской улиц, разлился по Богоявленской опустошительною огненною лавою и перешел в Пятницкую, Царевскую, Кадыевскую и Спасскую улицы. В 7 часов утра загорелись здания Богоявленского монастыря и так скоро объяты были пламенем, что монахи и народ, там собравшийся для спасения церковной движимости, не могли выйти из монастыря иначе, как через отверстие, наскоро пробитое в каменной стене. Здесь, казалось, пожар приостановился, но сильный юго-восточный ветер снова раздул пламя в догоравших зданиях, от которых полилось оно по направлению ветра и истребило здания по всей Власьевской улице, в конце которой, у церкви священномученика Власия, сохранилось от огня не более десяти домов. Таким образом, не более как в продолжение 10 часов пожар сделал жертвою пламени 118 номеров на половину лучших костромских домов и весь Богоявленский монастырь, за которым обгорела и приходская церковь св. Троицы. К несчастью, в это время не было в городе и начальника губернии, деятельного костромского губернатора, за три дня перед тем выехавшего в губернию для ревизии.

Хотя этот пожар и по необыкновенным появлениям своим в разных местах, и по распространявшимся в то же время фальшивым слухам о других пожарах

Пожар на заводе Царевского. 1910 гг.

Пожар в Татарской слободе. 1910-е гг.

в противоположных действительному пожару местах должен был поселить в жителях города и правительстве мысль и даже приводит к вероподобному заключению о поджогах, но жители Костромы слишком далеки от подозрений в существовании такого злодейства как народ, известный гостеприимством, слишком уверенный в своей невинности перед ближними, не знали, не предполагали даже злодеев себе и не верили в поджоги, а, в смирении сознавая свою греховность перед Богом, видели в этом бедствии города единственную причину — гнев Божий.

Миновали 6 и 7 сентября. К вечеру последнего возвратился в Кострому губернатор, извещенный о бедствии, постигшем губернский город. 8 сентября попечительный начальник губернии, спешивший открыть подписку на пожертвования в пользу погоревших жителей, к 11-ти часам утра получил весть, что в Троицкой улице при доме чиновника удельной конторы Полянского загорались в двух местах надворные службы со стороны саду, но хозяева скоро увидели огонь и затушили. Эта весть промчалась по Костроме как весть о поджоге, но не во всех утвердилась как истина: большинство, не видавши дела, как оно было, уверяло себя и других, что это могло произойти от прежнего (почти через двои сутки еще дымившегося в разных местах) пожара, раздутого ветром. Преимущественно перед другими твердил это всем и каждому губернатор. Но умы жителей Костромы волновались: многие начинали подозревать, что в Костроме есть злодеи-зажигатели, хотя и не постигали причин и побуждений к злодейству. Между тем подметные письма с угрозами пожаров не прекращались; губернатор всячески старался успокоить город, но не далее как 9-го сентября, в 7 часов по полудни, вспыхнул пустой (по случаю выезда хозяева в деревню) флигель и с ним рядом дом гг. Зворыкиных. Народ, воодушевленный присутствием и деятельным участием губернатора, вырвал, так сказать, из огня другой флигель Зворыкиных, стоящий рядом с сгоревшим домом, и пожар прекратился. В это время некоторые незначительные лица из приезжих, ока-

"Большой ход" Добровольного пожарного общества. 1910-е гг.

завшихся без паспортов, заподозрены в поджигательстве и взяты под стражу. На следующий день, 10 сентября, подметные письма, грозившие новыми пожарами, появились еще в большем количестве, некоторые из них и меловая надпись на заборе близ Ильинской церкви заключали в себе злую весть о пожаре именно в этот день на Русиной улице с означением времени — 8-го числа по полудни — и еще без четверти в 7 часов действительно вспыхнул пожар на Русиной улице, в тесном дворе, при доме Потоцкой. Этот пожар, с такою точностью предсказанный, нагнал такой ужас на жителей Костромы и поселил такое верование в силу и дерзость незнаемого злодейства.

Беспримерная деятельность губернатора, без народа, при утомленной пожарной команде, не в состоянии была ни прервать пожара, ни восстановить строгий порядок в охранении движимых имуществ, отовсюду выносимых и переносимых с одного места на другое как попало. В эту ночь пожар опустошил другую лучшую часть города, почти половину Русиной (Кинешемской) улицы, на которой были все лучшие постоялые дворы и гостиницы, половину Никольской, половину Богоявленской, часть Марьинской улиц и фабрики к. Дурыгиных, всего 66 номеров.

Настало 11 сентября. Солнце осветило дымящиеся развалины города, пламя еще добирало остатки жертв пожара, жители Костромы еще не опомнились от ужасов минувшей ночи, как в 7 часов утра снова услышали тревогу с колокольни Покровской церкви, что в Крупениках: в дальнем расстоянии от вчерашнего пожара увидели новый пожар; огонь мгновенно охватил надворные строения, флигель и самый дом купца Вавилова. Этот последний удар по свежим ранам совершенно уничтожил остатки бодрости жителей Костромы. Хотя этот пожар ограничился одним домом со службами и флигелем купца Вавилова, но жители в унынии, в безотчетном страхе, как бы находясь перед лицом неизбежного рока, робко собирали свои движимости и тащились с ними на окраины города. Нельзя вообразить безотрадного положения, в каком находились жители Костромы; чтобы иметь об этом понятие, надобно было быть очевидцем невыразимого страха, непонятного бегства их из домов своих. Представляя себе город, который за несколько дней мог без укоризны стать в ряду самых красивых городов русских, но которого лучшие части стоят теперь в развалинах, а многие здания еще курятся от огня, разрушившего кровы нескольких сот жителей, что этот город, оставленный всеми жителями как бы на произвол какой-то непонятной судьбы, стоит почти совершенно пустой, потому что не осталось, как можно безошибочно полагать, ни одного дома, откуда жители не выбрали бы своих имуществ и не перенесли на окраины города, где непогоревшие смешались с погоревшими в одинаковом беспорядке, что можно было подумать об этом городе, вокруг обложенном нескладными кучами имуществ, при которых в разных положени-

Члены пожарного общества на гимнастике. 1910-е гг.

Закладка здания пожарного общества на Марьинской ул. 1910 г.

ях толпятся, сидят, лежат, ходят хозяева с целыми семействами? Состояние наше, продолжает современник, было ужасно, безотрадно. Мы ждали врага из-за угла. По урочным часам, назначаемым для пожаров злодейски метаемыми по улицам записками, да и не могли спокойно заниматься своими делами от общего расстройства, отнявшего у нас всю деятельность. Кто имел нужду в свидании со своими знакомыми или соседом, тот в великим трудом мог отыскать его, не зная, где он поместился со своим имуществом, и нисколько не подозревая, что он, может быть, кочует с ним рядом. Погоревшие и непогоревшие нуждались в жизненных припасах и более всего в хлебе, потому что и торговля расстроилась, а печеного хлеба требовалось несравненно более против обыкновенного. Один разговор при всех встречах был неистощим — о поджигателях, малейшее подозрение давало народу повод брать подозреваемого в злоумышленности и отдавать под стражу.

Город разделился на округи, принятые значительными лицами из обывателей под свое попечительство, каждый из них с патрулем (из частных людей) объезжал по ночам свой округ не один раз. Около 20 сентября (к счастью, осень была теплая и сухая) жители Костромы вобрались в свои дома, но ни стража с домов не снималась, ни имущества не разбирались до половины октября. С этого времени мало-помалу начали разбираться с имуществами, но не все: многие оставили свои муществ в связках до половины ноября и далее.

Между тем начальство г. Костромы составило следственную комиссию для раскрытия истинных причин бедствия через допросы заподозренных. И великость бедствия, причин которого нельзя было приписать простому случаю, против которого ясно свидетельствовали два мальчика и женщина, находившиеся в услужении у одного из подозреваемых, и стремление начальника губернии открыть преступников, при жарких советах и настояниях лиц, значительных по своему званию, о строгом исследовании дела, увлекло губернатора в строгости исследования за границу мер, усвоенных его званию законом.

Весть о всех этих происшествиях в Костроме скоро достигла до государя, и немедленно последовало Высочайшее повеление: лиц из польских урожденцев, взятых под стражу, немедленно освободить, а по получении достоверного сведения о противозаконных мерах, предпринятых костромским губернатором к раскрытию причин бедствия Костромы, государь император высочайше повелел: отозвать костромского гражданского губернатора в С.-Пебербург, предать его военному суду при С.-Петербургском ордонансгаузе. Затем о причинах бывших в Костроме пожаров предписано произвесть строжайшее исследование, по которому подозрения народа не оправдались. Для управления г. Костромою и губерниею высочайше назначен генерал-губернатор его величества, его светлость Александр Аркадьевич, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский. <...>

П. Островский. Исторические записки о Костроме и ее святыне. К. 1864 г.

НАРОДНЫЕ ЛЕЧЕБНИЦЫ БОГОЯВЛЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ

Народные лечебницы Костромской Богоявленской обители возникли по мысли императрицы Марии Александровны, которая в феврале 1872 года соизволила лично игумении этой обители Марии Давыдовой (скончалась 29 января 1889 г.) высказать свое предположение об учреждении при женских монастырях и под их ведением народных лечебниц на помощь сельскому населению, с тем чтобы в них в духе евангельского учения и под покровом православной церкви приготовлять лиц женского пола к правильному служению больным и раненым. В мирное время эти лица должны проходить свое служение в среде крестьян и вообще лиц, лишенных возможности получать правильную врачебную помощь, а в военное время служить больным и раненым воинам, для размещения коих могут послужить и сельские больницы. Исполнение этого желания угодно было Ее Величеству возложить "в виде перваго опыта" на Богоявленский женский монастырь под просвещенным попечением игумении Марии. С благословения Костромского архиепископа Платона, при содействии его и гражданской власти, также местных граждан уже в половине июня того же 1873 года открыта была первая лечебница в приписном к Богоявленскому монастырю Крестовоздвиженско-Анастасиином монастыре рядом с женским училищем, устроенным Марией в 1864 году для девиц духовного и других званий. Для санитарного учреждения был отведен находящийся на западной стороне монастыря каменный двухэтажный корпус, в котором и была устроена на монастырские средства больничная палата...

В том же 1873 году игуменией Марией была учреждена вторая сельская лечебница в принадлежащей Богоявленскому монастырю Назаретской пустыньке — в 17 верстах от г. Костромы. Здесь устроена больничная палата на 6 кроватей, амбулатория и небольшая аптека, снабжаемая лекарствами из монастырской аптеки. Врачебную же помощь больным оказывало под наблюдением врача лицо, знакомое с фельдшерскими обязанностями. Учрежденная при Богоявленско-Анастасиином монастыре первая лечебница состояла под покровительством Государыни Императрицы, причем по ее соизволению одна из кроватей названа ее именем. Что касается лечебницы в Назаретской пустыньке, то звание попечителя лечебницы удостоил принять на себя наследник Цесаревич Александр Александрович, Государь, причем дал разрешение одну из кроватей назвать его именем.

В городской народной лечебнице Богоявленского монастыря, которая, кроме ближайшего врачебного назначения своего, имела целью подготовление женщин к правильному служению больным, первоначально только восемь монастырских сестер и несколько мирских лиц женского пола обучались правильному уходу за больными под непосредственным руководством и наблюдением врача И.С. Иванова. Между тем и старшие воспитанницы монастырского училища, посещая нередко эту лечебницу, стали под надзором сестер милосердия испытывать свои силы в служении больным, и многим из них полюбились занятия как по больнице, так и по аптеке. Это обстоятельство навело игумению Марию на мысль соединить деятельность училища с деятельностью сельских лечебниц Богоявленского монастыря, через что вместе открывалась возможность бедным воспитанницам избрать для себя по окончании курса служение, могшее давать им достаточные средства для жизни. Приняв во внимание то, что одним устройством монастырских лечебниц для народа не вполне исчерпывалась мысль Государыни Императрицы Марии Александровны относительно возможности пользоваться монастырскими сестрами для служения больным и раненым воинам в военное время, Мария решилась привлечь к этой деятельности воспитанниц училища. Представлено было на благоусмотрение Государыни Императрицы намерение игумении: воспитанниц этого училища по окончании общего образования, в случае изъявления ими согласия, подготовлять теоретически и практически к прохождению обязанностей сестер милосердия. Ввиду того, что таким направлением училища облегчались для Общества Красного Креста средства к образованию для Костромской губернии фельдшериц на случай войны и для потребностей мирного времени, мысль игумении Марии удостоилась одобрения Августейшей основательницы народных лечебниц Богоявленского монастыря и затем немедленно приведена в исполнение. До русско-турецкой войны в 1876-77 годах она осуществлялась в виде опыта, во время же этой войны практическая польза такого учреждения выяснилась во всей очевидности. В начале 1877 года в Богоявленско-Анастасиином монастыре образован отряд сердобольных сестер, которые подготовлялись к правильному уходу за больными и ранеными при лечебнице, а с прибытием сюда из других монастырей (Костромской и Архангельской губерний) сестер, изъявивших желание посвятить себя тому же богоугодному делу, открыт был для них курс теоретических и практических знаний по программе, изданной от главного управления общества попечения о раненых и больных воинах. Отряд сестер милосердия был командирован на Кавказ в военные лазареты.

Костромские епархиальные ведомости. 1910 г. № 4.

МАТРЕНУШКА-БОСОНОЖКА

Матрена Петровна Мыльникова значилась мещанкой Костромы и была в замужестве за костромским мещанином Егором Тихоновым Мыльниковым. Детей от брака у них не было. В Костроме они имели свой домик на Сергиевской улице и бакалейную лавку, но где именно, о том не сохранилось памяти у обывателей улицы.

Относительно семейной жизни Матрены Петровны существуют различные версии. По одной из них, замужество ее было неудачно: она в брачной жизни перенесла много огорчений и страданий. Когда в 1877 году вспыхнула русско-турецкая война и муж ее был призван в действующую армию, вместе с ним отправилась на войну и жена Матрена Петровна, хотя была тогда уже в почтенных годах, лет 58. Она поступила сестрой милосердия на театр военных действий и, получая на этой должности жалованье по 25 рублей в месяц, из них сама себе ничего не оставляла, а все свои деньги раздавала бедным солдатам и раненым. На войне муж Матрены был убит.

Впечатления ли тяжелой русско-турецкой войны, смерть ли мужа или какие иные скорбные переживания повлияли на Матрену Петровну, но она по возвращении с войны решила остальную свою жизнь всецело посвятить на служение Богу и на помощь бедным, больным и обездоленным. В этих видах она не замедлила продать все свое имущество и затем раздала деньги нищим и бедным, а сама стала подвергаться всевозможным лишениям и невзгодам. Наложивши на себя трудный духовный подвиг юродствующей (хотя не всецело) Христа ради, Матренушка очень любила путешествовать по святым местам России и Палестины, ходила пешком в отдаленные монастыри; первый же паломнический путь ее, притом босиком, был в Соловецкую обитель. "Бог сподобил меня, — иногда рассказывала она о себе, — побывать четыре раза в Иерусалиме, поклониться Гробу Господню и другим святыням. Была я и в Соловках, и на Валааме, и у Троицы Сергия, и в Сарове, и десятки раз бывала и в других более близких монастырях. Везде какая в обителях благодать Божия и сколько в них утешения!.. "Ведя строгий, аскетический образ жизни, Матренушка во время своих странствий по святым местам в течение с лишком 33 годов уже не надевала никакой обуви на ноги, а всегда, в любую пору года, не обращая внимания на непогоду, даже в жестокие зимние морозы, ходила босой. Также теплой одежды не имела и, не жалуясь ни на простуду, ни на холод, носила всегда легкую летнюю одежду, притом белую, как эмблему ангельской чистоты, и в то время, как одетые в теплые шубы мерзли от холода, она в своей легкой одежде не чувствовала стужи в самые сильные морозы. В Петрограде Матренушка появилась годов за 30 до своей кончины, сначала на Петербургской стороне, а последние 16 лет с 1895 года жила в небольшой квартирке вблизи часовни и церкви в честь чудотворной иконы Скорбящей Божией Матери.

В этой часовне можно было встречать Матренушку почти всегда в белой пелерине и халате (балахоне) поверх сарафана, с посохом в руках и босой. В квартирку Матренушки многие заходили попросить ее молитв и наставлений по случаю различных обстоятельств, чаще неудач в жизни, причем почитатели и почитательницы жертвовали этой старице, по возможности, иногда и большие денежные суммы (так госпожа Л. пожертвовала 500 р., купец Р. ежемесячно посылал ей по 25 р. и др.) Все поступавшие пожертвования Матренушка, сама отдававшая молитве и богомыслию, употребляла на дела благотворения: раздавала милостыню беднякам, оказывала материальную помощь их семьям, рассылала пожертвования в монастыри и на храмы в бедные сельские приходы, одного масла для лампад при иконах она рассылала по русским монастырям и приходским церквам свыше 50 пудов в год. К праздникам же Святой Пасхи и Рождества Христова она имела обыкновение посылать беднейшим церквам священные облачения. Покупая св. Евангелия, картины с священными изображениями и св. иконы, эта старица благославляла ими своих посетителей и почитателей, ежегодно навещавших ее в количестве нескольких тысяч. Особенную популярность и великое уважение имела Матренушка среди петроградского бедного люда, среди простонародия, которое обращалось к ней за советами и утешением в трудные и горестные минуты своей жизни. По молве народной, многие алкоголики молитвами Матренушки избавились от порока пьянства. Но, кроме черного люда и бедных, было много почитателей этой старицы и из интеллигенции из среднего и высшего кругов; Матренушка имела доступ в дома лиц высокопоставленных, прибегавших к ней за духовной помощью, и особенно ввиду того, что она обладала даром чудной прозорливости.

Доселе ходит много рассказов о дивных способностях или, вернее, о даре Матренушки-босоножки проникать в тайники человеческой души, предостерегать обращавшихся к ней от грозящих опасностей и несчастий, и для многих слова Матренушки оказывались как бы пророческими.

Проводя жизнь в богомыслии, строгом воздержании, молитвах и благотворительной деятельности, Матренушка-босоножка отличалась вообще крепким здоровьем. Но с начала 1909 г. она стала ослабевать силами и готовиться к смерти. 27 марта, в день своего ангела, Матренушка, уже значительно ослабевшая, в последний раз приобщилась Св. Тайн. Предсмертным желанием старицы было: построить в честь рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича женский монастырь и быть похороненной в нем. Она указала для такой обители даже место; но это высокое желание, вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств и самой смерти Матренушки, не осуще-

ствилось. Однако почитатели покойной старицы через несколько дней после ее кончины записали об этом ее желании в особый акт, на основании чего составился кружок из почитателей Матренушки, который и приступил к ходатайству по устройству женского монастыря в честь рождения наследника цесаревича, куда покойная завещала перенести впоследствии и останки ее.

Весть о смерти Матренушки-босоножки быстро распространилась по Петрограду, и вскоре около квартиры ее собралось столько желающих поклониться праху усопшей, как из бедняков, облагодетельствованных ею, так и из состоятельных ее почитателей, жертвовавших ранее в ее распоряжение деньги на дела благотворения, что для поддержания порядка в этой разнородной толпе был назначен наряд полиции, и в квартиру стали допускать по очереди десятками. На почившей была надета одежда схимомонахини с деревянным наперсным крестом ввиду того, что Матренушка в бытность в Иерусалиме приняла схиму с именем Марии, давши обет скрывать это от всех. После того у праха почившей великой старицы почти беспрерывно совершались панихиды 30 марта, 1 апреля, в день перенесения праха ее в металлическом очень красивом и дорогом гробе в храм во имя Божия Матери всех скорбящих Радости, и 2 апреля, когда на гроб старицы был возложен крест из белых живых роз, присланный одной высокопоставленной особой. На панихидах у гроба с останками Матренушки перебывали десятки тысяч человек. 3 апреля состоялось погребение тела старицы Матрены после Бож. литургии в том же храме, куда за переполнением уже с 11-го часа утра был прекращен доступ публики, между тем великое множество старцев, странников, нищих в рубище, столичных купцов, чиновников, жен и дочерей фабричных рабочих, богато одетых дам — словом, людей из всех сословий общества, всех возрастов стремилось в храм из желания отдать последний долг боголюбивой и благодетельной старице. С великим умилением было совершено отпевание многочисленным столичным духовенством при участии местных певчих и иногда совместно со всеми присутствовавшими под управлением регента В.М. Хрипунова. Всего народа на похоронах, по отзывам столичных газет, было до 25 тысяч. Тело Матренушки погребено в ограде, позади той величественной часовни, где пребывает чудотворная икона Скорбящей Божией Матери; склеп накрыли плитой и на нее набросали землю, образовавшую могильный холм; могилку убрали ельником и на ней водрузили деревянный крест.

За этой Скорбященской каменной часовней, наискось к углу ограды, на самом берегу, приютилась над могилой старицы Матрены незатейливой архитектуры деревянная часовня с двумя окнами. При входе в нее сразу бросается в глаза невысокое надгробие, покрытое малиновой пеленой, — это и есть могила Матренушки-босоножки. В возглавии высится большой белый деревянный крест с надписью: "Здесь покоится тело рабы Божией старицы Матрены Петровны Мыльниковой (Матренушки-босоножки), скончавшейся 30 марта 1911 г. на 98 г. Мир праху твоему".

Костромские Епархиальные ведомости. 1916 г. № 24.

"Подайте Христа Ради..." Фото Н.П. Шлеина. Начало века.

"...МОГУТ БЫТЬ ЛИШЬ ХОЛОСТЫЕ ВЫСТРЕЛЫ НА БУЛЬВАРЕ..."

МВД
Костромское городское общественное управление
Городская управа
21 февраля 1907 г.
№ 919
Его Превосходительству г. Костромскому губернатору.

В городской бульвар слетается на ночь масса птиц, которые загрязняют деревья и аллейные дорожки.

Городская управа еще минувшею осенью, предполагая поручить сторожам бульвара сгонять птиц холостыми выстрелами, запросила костромского полицмейстера, не встречается ли к тому каких-либо препятствий, на что полицмейстер уведомил управу, что сгонять птиц с бульвара холостыми выстрелами он находит, со своей стороны, неудобным для общественной тишины и спокойствия.

Так как слетающиеся в городской бульвар птицы, помимо крайнего загрязнения бульвара, могут нанести существенный вред деревьям, необходимо, как в целях санитарных, [так и] охраны деревьев, принять какие-то меры к тому, чтобы воспрепятствовать птицам слетаться на ночь в городской бульвар.

Единственно радикальною мерою могут быть лишь холостые выстрелы на бульваре [во время] прилета птиц на ночлег, что всегда практиковалось с наступлением осени. [...]

Представляя об этом, городская управа просит Ваше Превосходительство разрешить во время прилета птиц производить на бульваре холостые выстрелы.

Городской голова
Ген. Ботников.
** На полях подпись: "Не разрешено".*
ГАКО. Ф. 133. Б/ш. № 2904. Подлинник.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано сие свидетельство за моим подписом с приложением казенной печати вдове лейтенанта Александре Васильевне Чихачевой в том, что мною разрешено содержимую ею в г. Костроме на Кинешемской улице в доме Ашиткова библиотеку для чтения, ответственным лицом которой в соблюдении цензурных правил состоит крестьянин Костромского уезда Шишкинской волости Николай Николаев Поляков, перевезти в дом Скалозубова на Марьинской улице. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Г. Кострома. Сентября 17 дня 1885 года.

Костромской губернатор
Калачов.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 25. Д. 1925. Подлинник

* * *

Костромскому губернатору
Костромского полицмейстера

РАПОРТ

Вследствие циркулярного предписания от 3 сего октября за № 132 имею честь донести Вашему превосходительству, что нападения хищных зверей и птиц на людей по г. Костроме за 1896 и 1897 годы не было.

Полицмейстер Ромашевский.
Октября 16 дня 1898 года.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 23 I ст. Д. 156. Подлинник.

* * *

14 мая 1913 г.
В Костромскую городскую управу.

Препровождая при сем 1 руб. 50 коп., прошу Управу выдать подателю сего стражнику Горохову установленный знак для моего велосипеда, только что приобретенного мною для надобностей службы.

Правитель канцелярии
губернатора Богданов.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12518. Л. 16.

Присутственные места. Фото 1902 г.

Документы подготовила
Галина ДАВЫДОВА

Имя Ивана Епифановича Щетинкина ускользнуло от внимания пытливых костромских краеведов. Это не удивительно, так как в архивах почти нет материалов о его жизни, тщательно сохраняемых в семьях его потомков.

Оставленные им воспоминания охватывают продолжительный период: 80-е гг. XIX в. — 50-е гг. XX века. Ученик кузничной мастерской, литейщик фабрики Кашина (Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры), слесарь паровозного депо, машинист, заведующий фабрикой, начальник паровозного депо — вот только некоторые страницы биографии Ивана Епифановича.

Богатая событиями, полная драматизма жизнь рабочего-революционера легла в основу автобиографической повести. К сожалению, она так и не нашла своего читателя. И хотя в наши дни значительно снизился интерес к революционным событиям начала века в России, в воспоминаниях И.Е. Щетинкина можно обнаружить немало зарисовок из поседневной жизни, быта, нравов костромских рабочих. Эта информация, как правило, отсутствует в источниках официального происхождения. Ценность воспоминаний определяется и тем, что в них имеются указания на события, не получившие отражения в других источниках. Это касается, например, описания патриотической манифестации в Костроме по случаю начала русско-японской войны, некоторых событий революции 1905 г.

Иван Епифанович Щетинкин. Фото 1905 г.

По происхождению автор — потомственный рабочий. Его родители были выходцами из крестьян Юрьевецкого уезда Костромской губернии. В начале 80-х гг. XIX в. они перебираются в Кострому. Епифан Щетинкин и его жена Мавра становятся рабочими фабрики Кашина. Епифан погибает в 1888 г. в результате несчастного случая на фабрике, и Мавру с детьми полиция этапом отправляет на родину за паспортом. Единственным источником существования для лишенной кормильца семьи в этот период служила милостыня. Получив в волостном правлении вид на жительство, Мавра с сыновьями возвращается в Кострому. С этого момента и начинается повествование в приведенном фрагменте воспоминаний Ивана Епифановича Щетинкина.

Алексей НОВИКОВ

Иван ЩЕТИНКИН

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Фрагменты воспоминаний

Летней порой ближние к городу рабочие уходили в деревню на уборку урожая. Это дало возможность матери упросить директора фабрики Кашина, Кудрявцева, принять ее на работу, мы же с братом собирали милостыню. Осенью брат пошел в школу, я же все побирался. Хотя и наскучило это занятие, но другого выхода не было. Грошовый заработок матери и брата не мог обеспечить достаточной жизни. На фабрику — я еще был молод. (1) Успокоить истерзанную горем и нуждой мать все же как-то было надо, я и поступил дульщиком в кузницу кустаря Охмелкова на Сенной площади за пять копеек в день и за кусок хлеба.

Кузнецы, не разгибая спины, с утра до ночи в мокрых от пота рубахах били молотами по раскаленному железу, превращая его в разные изделия. Среди кузнецов был один, специально работавший на ковке лошадей, потерявший ногу. Кузнецы частенько шутили над ним:

— Смотри, Павел, как бы кобыла тебе ногу не отдавила.

— Не отдавит, — отшучивался Павел, — она у меня деревянная, чужая. а свою, самородную, я берегу.

Хозяйка кузницы, вдова, полная дородная женщина, хитрая была баба, так и следила, чтобы у кузнецов передышки в работе не было. Зайдет, бывало, так непременно все наковальни перещупает, да так

хитро. Подойдет, разговаривает ласково, про жену или семью расспросит, а сама прижимается к наковальне, то руку положит на нее, а у коваля так возьмет да и сядет, и разговаривает, посидит, посидит, встанет, покачает головой.

— Плохо ты, парень, работаешь, будешь так работать, смотри, прогоню.

Павел пробовал оправдываться, но ничего не помогало.

— При муже ты работал хорошо, он тебя хвалил, а теперь, видно, стал лениться, — говорила она.

Волос длинный, а ум короткий, говорили кузнецы, не может сообразить, почему наковальня холодная, и в самом деле прогонит работягу.

— Ну, что ж, ей больше знать, — говорил Павел.

В один из базарных дней пришел Павел к хозяйке за ключом.

— Что так рано? — спросила она, а сама, хитро улыбаясь, подумала: "Все же боится".

— Марья Петровна, — с напускным удивлением посмотрел на нее Павел, — разве забыли, ведь сегодня среда, день базарный, да к тому же и землю подморозило, а подвод на базаре много будет, вот я и думаю, надо подков побольше заготовить.

Собравшиеся рабочие, видя Павла за работой, переглянулись. Николай, покачав головой, сказал:

— Спугался, хозяйку задобрить хочешь, все равно не угодишь, прогонит.

— Поневоле потрафишь, — с горечью ответил коваль, — без работы с голоду подыхать не охота, ведь у меня семья большая.

Вскоре явилась хозяйка в своей добротной шубе и сразу же уселась на наковальню Павла.

— Много подков наделал? — спросила она. — Сколько, каких, показывай.

Павел, не торопясь, показывал подковы. Пересчитывая их, хозяйка так увлеклась, подсчитывая в уме барыши, даже не заметила дымящейся шубы.

— Никак, паленой тряпкой пахнет, — заметил один из кузнецов.

Кузнечиха вскочила, хватаясь за зад.

— Ой, батюшки, что это?

— Ничего, — спокойно ответил Павел, — ведь я говорил вам, придется мне сегодня много поработать.

Стремглав выбежала она из кузницы.

— Ну и тихоня, научил хозяйку задом узнавать, кто работает, а кто гуляет.

Все засмеялись.

* * *

Кашин и компания, польщенные баснословными прибылями, в первой половине 90-х годов развивают строительство по расширению своего производства. Вступает в строй вновь приобретенное к имеющейся фабрике трехэтажное здание со своим паровым двигателем, в нем размещаются отделы: ватерной № 4,

Фирменный знак Костромской льняной мануфактуры ("кашинской" фабрики).

Химико-техническое училище Ф.В. Чижова. Начало века.

приготовительный, мотальный, строится фабричная лавка (лабаз). Во второй половине 90-х годов вступает в строй новая, по счету третья сборная, школа, новая лавка и баня. До сих пор рабочие мылись в "яме", так называлась баня, устроенная на пруду, куда стекала горячая вода от машины № 1, с машинным маслом и грязью. Эта баня существовала и после постройки новой. В 900-х годах строится новая фабрика с паровым двигателем № 3, называемая поперечным корпусом, №№ 5 и 6 ватерных, приготовительные и мотальные отделы. В то же время был выстроен и новый чесальный корпус.

В конце 80-х и начале 90-х годов, не выдержав конкуренции Кашина, у которого был свой литейно-механический завод, называемый мастерскими, Шипов был вынужден свой завод закрыть и открыл внутри Красных рядов склад по приемке металлических и других отходов, соединил металлолом и утиль в своих руках, за что и получил название "Шарбера", свои же здания и место не без выгоды передал под строительство химико-механического и механико-технического училищ им. Чижова.

В 900-х годах заработала бумаго-прядильная и ткацкая фабрика, бывшая Михина ("Знамя труда"), малый же корпус (ленда) остался в аренде Сидорова, но Сидоров мало обращал внимания на фабрику, лишь бы была прибыль, а все свое внимание уделял конским бегам, ни одних гонок не пропускал. Имел он своего рысака "Тигренок", не раз бравшего призы, да и в обычные дни с утра до вечера он разъезжал на своем любимце-жеребце.

Фабрикант Кашин был больной и неженатый. Жениться ему было запрещено врачами. Почти всю свою жизнь он ездил по лечебным курортам. В доме у него хозяйством заправляла экономка, фабрикой прядильной руководил директор Кудрявцев, а Полканов управлял ткацкой и белилкой. Умер Кашин за границей. Рабочих о его смерти известили протяжным заунывным гудком фабрики. Тело его в наглухо запаянном цинковом гробу было привезено в Кострому.

Чтобы создать многолюдную процессию, в день похорон на несколько часов была остановлена фабрика, а рабочие обязаны были провожать покойника до кладбища, за что и было выдано администрацией фабрики по двадцать пять копеек наградных каждому рабочему, присутствовавшему на кладбище во время похорон. (2)

После смерти Кашина одним из компаньонов "Товарищества" стал В.А. Шевалдышев, хитрый и жестокий деляга, умевший уговорить отсталых рабочих

Козьмодемьянский пруд. Начало века.

выследить передовых, чтобы передать последних в руки охранки, с которой он был тесно связан. Этот Шевалдышев реорганизовал "Товарищество" в Акционерное общество Новой Костромской льняной мануфактуры.

* * *

В марте 1896 года, придя с работы, мать сказала:

— Ну, сынок, тебе сегодня исполнилось 11 лет. Я у табельщика ватерного отдела Стрекалова просила принять тебя на работу. Он велел с тобой вместе сходить к директору фабарики. (3)

Утро выдалось морозное, с ветром, во дворе фабрики Кашина много было просящихся: кто, прячась от ветра, прижимался к стенам конторы, другие притопывали на месте, а некоторые толкали друг друга, чтобы согреться. Мы с матерью прижались к дверям. Из конторы вышел человек среднего роста в хорошем пальто. прикрывая от пронзительного ветра лицо воротником пальто. Все ожидавшие, обгоняя один другого, спешили к нему. Мать, толкнув меня, тоже быстро пошла. Я, сняв с головы шапку, с развевающимися по ветру волосами, бежал за ней. Поравнявшись с ним, мать поклонилась, я последовал ее примеру.

— Николай Федорович, — заговорила мать со слезами на глазах, — сделайте божескую милость, примите сына на работу.

— Большой? Сколько ему лет?

Подавая директору документы, мать продолжала:

— Они у меня в покойного отца, высокие.

— Где отец? — беря метрики, спросил Кудрявцев.

— Помер семь лет тому назад, получив увечье у вас на фабрике.

— Придавило, что ли?

— На круглой пиле отпилил пальцы, к этому приключился антонов огонь.

— Сам виноват, какой черт его пихал, она, машина, разинь рот, так и без головы оставит, — написал что-то на клочке бумаги, сунул матери.

— Спасибо, дай Бог вам здоровья, — говорила мать, беря записку из рук директора.

— Ну, тетка, тебе повезло, — говорили оставшиеся, — только и принял одного твоего мальчонку.

— Что, принял? — провизжал Михайло Сергеич, читая распоряжение директора. — Пойдешь съемщиком в сменной корпус к Шовиной, — сказал он мне, — а ты, — обращаясь к матери, — придешь в воскресение, поможешь жене стирать белье.

Так я впервые переступил порог фабричного корпуса мокро-прядильных ватеров, к большой радости матери. Хоть пятнадцатикопеечным дневным заработком она сумеет увеличить доходность семьи.

Потекли серые однообразные дни, изнуряющие душу и тело. Чуть свет, боясь опоздать хоть на минуту, я входил в ватерный цех. В то время там было душно, как в бане, вентиляция хотя и была, но она не давала освежающего воздуха. После трех-четырех часов работы с непривычки кружилась голова; шум ватерных машин, не дававший слышимости разговора, можно было перебить только циканьем, свистком. Вонючий воздух, расходившийся по корпусу из канав с прокисшей грязью, моторил душу.

В корпусе, где пришлось работать, подмастерьем был Миша, по прозванию, по своей тучной фигуре, "толстый". Но это не мешало ему быстро поворачиваться и награждать подзатыльниками съемщиков за малейшее опоздание в работе. Много было у меня таких случаев. Нагрузишь в фартук, висящий на шее, съем катушек с мокрой пряжей, согнешься под тяжестью, а бежать до ящика метров 20-25, пол асфальтовый, покрытый скользкой грязью, ну, и поскользнешься, и упадешь, а он тут как тут, пнет тебя ногой да словечко крепкое закатит, мол, что растянулся, как дома на печи, не слышишь, что на съем свистят. Заправляльщица, их звали погонялками, Шовина Александра, веревкой тебя вытянет, поторапливайся, скажет. Утрешь слезы кулаком, скажешь:

— За что деретесь?

— Ах, мало? — еще раз вытянет вдоль спины, а то и по роже съездит, да и штраф копеек 10 запишет.

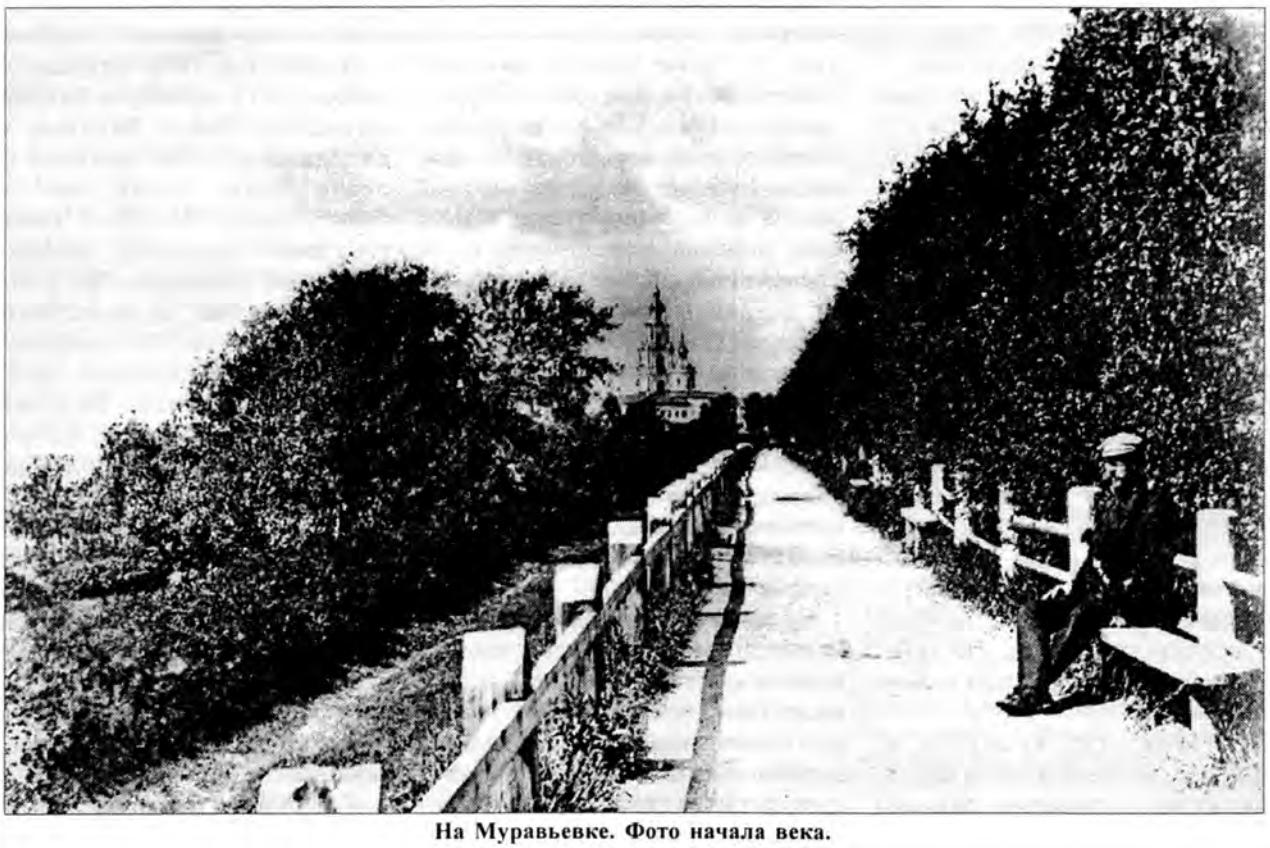
Ватерщиц Миша бить побаивался, особенно замужних, как бы в темный вечер взбучку не получить. Ходил он вдоль корпуса, увидит, которая присядет в шкаф отдохнуть, застучит ключом по ватерному ящику, свиснет и закричит:

— Что, заснула! Получай 20 копеек штрафу! — и обязательно крепкое словечко добавит.

Федька безрукий, потеряв руку на фабрике, обещал хозяину свято блюсти его интересы за то, что он оставил его на работе. Каждого зазевавшегося рабочего этот Федька обязательно тыкал кулаком в зубы, приговаривая:

— О соске вспоминаешь, что ли?

Не уступал в рукоприкладстве и мастер ватерного отдела Семен Тарасович, еще хоро-

На Муравьевке. Фото начала века.

Троицкая церковь. Начало века.

шо было, что он из-за своей непомерной толщины не мог быстро ходить и подниматься в верхние этажи; пока он двигался, рабочие успевали предупредить друг друга.

Отличался драками и грубостью мастер приготовительного отдела Василий Александрович по прозванию "чурило", это было его любимое слово при ругани. Он до слез донимал руганью лентовщиц, но побаивался кардовщиков, они однажды угостили его доской и пригрозили спустить в машину вместе с очесом. Был "чурило" невысокого роста, поджарый и быстрый в движениях, немногие поспевали за ним. По себе он подобрал и табельщика Куликова.

Изо всех этих крикунов и драчунов особенно отличался табельщик ватерного отдела Стрекалов, сам он был маленьким, а голос был настолько визглив и звонок, даже перекрывал шум машин. Считал он своей обязанностью при переписке рабочих, а ходил он два раза в день по корпусам, обругать работницу нецензурными словами независимо от возраста, а за каждый обрыв пряжи нещадно штрафовал от 30 до 50 копеек. Много подзатыльников перепадало от него и подросткам.

Работа съемщика меня не удовлетворяла, было стремление во что бы то ни стало перейти в механическую мастерскую.

Закончил я трехлетнее обучение первого класса, чтобы кончать второй класс, еще надо было учиться два года, не позволяло материальное положение, а мне уже исполнилось пятнадцать лет, и я мог работать полный день.

В 1900 году мне удалось договориться с мастером чугунно-литейного цеха. Заранее мы радовались, хоть немного полегче будет жить, все же больше буду получать. Четыре года надо было быть учеником, но это не страшило. Но с первых же дней радость наша была омрачена. По укоренившейся у мастеровщины традиции, ученик обязан был каждую субботу покупать по очереди мастеру за свой счет полбутылки водки, а кто не приносил, тому чаще других доставались побои. Обидно было отдавать дневной заработок на водку мастеру, но не хотелось получать и лишние подзатыльники.

Нередко мастер давал ученику двугривенный и строго наказывал:

— Принеси, милок, полбутылочки водки, да колбаски чет-

верть фунтика, ну, огурчик захватишь, хлебца тоже не забудь, останется сдачи, себе возьмешь, да смотри, сторожу не попадись, а то взбучку получишь.

Видит ученик, что немало придется своих денег добавить, чтобы выполнить приказ мастера. (4) Но приходится терпеть, жаловаться было некому...

* * *

Экономический кризис 1900-1903 гг. усиливал бедственное положение рабочих масс. Забастовки рабочих на фабриках и волнения в деревне беспокоили буржуазию. Костромская знать организовала общество трезвости, вовлекая в него малосознательных рабочих.

26 января 1904 года Япония напала на русскую крепость Порт-Артур и причинила русскому флоту серьезные потери, подорвав могучие суда "Палладу", "Ретвизан", "Цесаревич". Так началась русско-японская война. Где-то под Мукденом и Харбином полилась кровь русских рабочих и крестьян, одетых в серые шинели.

Организаторы общества трезвости, чтобы воодушевить рабочих и показать свою мощь перед ними, по получении телеграммы о начале войны в морозный январский вечер собрались возле городской думы.

Была их жалкая кучка, в большинстве торговцы. С трехцветными флагами, портретом Николая, с пением "Боже, Царя храни" и "Славься, славься, наш русский Царь" направились к театру Пале. Вызвав музыку в количестве трех скрипачей, заставили их сыграть "Боже, Царя храни", после чего пошли к городскому театру на Павловскую улицу. Из театра тоже была вызвана музыка, сыгравшая "Коль славен" и "Боже, Царя храни", но дальше следовать отказались. На этом и закончилась их бесславная ночная манифестация.

* * *

Над фабричными корпусами, над лабазами, над сизыми колокольнями Воздвижения, Власья, Кузьмы и Демьяна встала грузная тень. Гонимые ветрами, мчатся по облачному небу тучи, набухшие дождями. Поздняя, знобкая, переветренная осень. Отчего же в эту хмурую хлябь, в гнилую октябрьскую пасмурь так неистово ликует город? Почему такой звон колоколов?

Праздничные толпы рабочих устремили взволнованный песенный бег. С покосившимися домами улицы, немощеные переулки заполнены людским потоком. Под топот тысячи ног в такт выбивают марш.

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

А откуда-то с дальних улиц раздольными раскатами рокочут бесповоротные клятвы "Варшавянки".

На Михинский сквер катит валами густая черная людская волна. Против базарной площади под горку каменный белый дом с развевающимся на крыше флагом с изображением Георгия Победоносца. Это штаб "истинно русских людей". В этот вечер мясники, мучники, купцы, все костромские бюрократы спешат в эту чайную черносотенцев, здесь тоже городское торжество и людный митинг. Кто-то неведомый расскажет, как над городами российскими и полями сермяжными всплыл царский дар, Конституция — Манифест 17 октября.

Вместе с забастовочным комитетом собрался и комитет большевиков. Он чуял цену государеву манифесту. Звонкие побрякушки обетов царских ему не заслепили звонкого взора. Комитет большевиков стоял на посту, сторожил многоголосую детскую радость. Чуялась тревога, но радостью звенело жаркое сердце. Тонким хрустальным звоном стучала надежда. Сегодня все речи только о манифесте, только о свободе. Все эти тысячи и десятки тысяч голосов кричали одно:

— Да, и манифест — шаг вперед!

— Ура, ура! Да здравствует свобода!

А кому какое дело, кто и какую хочет свободу. В эти октябрьские дни всяк по-своему видит весну...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В описываемый момент Ивану Щетинкину было 8 лет.

2. Вот как сообщалось об этом в местной газете:

"Вчера с почтовым поездом прибыло в Кострому тело фабриканта Н.К. Кашина, умершего в Берлине. Тело встречено было рабочими и служащими фабрики (до 5000 человек), учащими и учащимися фабричных школ...

На гроб покойного от местных фабрикантов, администрации фабрики и рабочих было положено до 50 венков".

См.: Костромской листок. 1905. 13 апреля. № 41.

3. Законом от 1 апреля 1882 г. "О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах" была запрещена на указанных предприятиях работа детей, не достигших 12-летнего возраста. Закон 24 апреля 1890 г. "Об изменении постановлений о работе малолетних подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения" сохранял этот запрет. (См.: ПСЗ Российской империи. 1886. Т. II, № 931; 1893. Т. X, № 6742). На практике эти законы зачастую не выполнялись.

4. Только за полбутылки водки надо было заплатить 30 копеек, колбаса обошлась бы еще в 5-10 коп. (в зависимости от сорта), за хлеб и огурцы пришлось бы отдать еще 5-7 коп. Итого, весь заказ мастера обошелся бы ученику в 40-50 копеек.

Цены рассчитаны по материалам: Горбунов И. Положение рабочего класса в промышленности с экономической точки зрения // Вестник общества технологов, 1909, № 12; Егоров Е.А. Алкоголизм среди рабочих царской России // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX века. — Иваново. 1994, с. 77-80; ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4118.

КОСТРОМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

на IV областном Археологическом съезде

Археология — наука о древностях. Но сегодня мы связываем ее в первую очередь с раскопками, а прежде ее задачи понимались значительно шире — как изучение любых вещественных следов ушедших эпох, движимых и недвижимых. Поэтому внимание археологов привлекали старинные постройки, остатки крепостных сооружений, каменные орудия и документы, книги и предметы обихода...

В России интерес к изучению древностей возник давно, но организационно исследователи стали объединяться только в XIX столетии. Стали создаваться ученые общества, с конца 1860-х гг. созывались Археологические съезды, с 1884 г. учреждены были Ученые архивные комиссии. Все это должно было способствовать изучению, сохранению, выявлению древностей. В Костроме эти задачи возлагались на Костромскую губернскую ученую архивную комиссию, созданную в 1885 г.

В 1899 г. соседняя Ярославская архивная комиссия отмечала 10 лет своего существования. По инициативе ее председателя, профессора Демидовского лицея, правоведа Э.Н. Берендса, было принято решение о проведении областных археологических съездов, которые объединили бы исследователей губерний, некогда составлявших территорию древнего Владимиро-Суздальского княжества — Ярославской, Тверской, Владимирской, Нижегородской и Костромской. (1)

В Архивные комиссии этих губерний были разосланы обращения, в которых объяснялось, что "много... вопросов в области археологии, этнографии и истории требуют совместной разработки и постоянного общения между деятелями соседних комиссий... С другой стороны, Всероссийские Археологические съезды с их сложными и разнообразными задачами не дают почвы для объединения работ по вопросам, имеющим местное значение и возникающим в гу-

Группа участников IV Археологического съезда на крыльце Ипатьевского монастыря. 1909 г.

Богородицерождественская церковь (справа) Ипатьевского монастыря, где была устроена выставка церковных древностей. Начало века.

берниях, сходных между собою по условиям археологии и этнографии". (2)

Первый съезд состоялся в 1901 г. в Ярославле, следующие прошли в 1903 г. в Твери и в 1906 г. во Владимире. Четвертый было решено провести в 1909 г. в Костроме.

Необходимо было добывать средства, поскольку каждый съезд предполагал широкие издательские программы, проведение выставок и экскурсий. (3) Пожертвования предполагали собирать среди частных лиц, обратились и в органы общественного самоуправления, земские и городские.

Костромская городская дума обсуждала доклад подготовительной комиссии 13 декабря 1907 года. В нем говорилось: "Цель съезда — изучение Костромского края и самого города Костромы. Следующий съезд будет в Костроме не ранее, как через 20 лет". (4) Дума решила выделить средства на издательскую деятельность, 450 рублей (сумма немалая по тем временам) были распределены на 3 года — 1908, 1909, 1910.

Предполагалось издать указатели к Костромским губернским и епархиальным ведомостям, общий указатель книг и статей о Костромском крае, путеводитель по Костроме и другим городам губернии, дневник и труды съезда. Если бы эта программа была тогда выполнена полностью, то упрек в отсутствии библиографической традиции (5) оказался бы неправомерен. Но, увы... Указатель по губернским ведомостям был составлен только за первое десятилетие их существования, епархиальные не расписаны вовсе, указатель оказался всего лишь публикацией записей Н.Н. Селифонтова и не мог претендовать на сколь-нибудь удовлетворительную полноту. Правда, специальные выпуски своих продолжающихся изданий подготовили к съезду Императорская Археологическая комиссия и Петербургский Археологический институт, материалы которых были посвящены костромским древностям и наиболее интересным моментам истории края.

Уже в первых обращениях Костромской ученой архивной комиссии содержалась програм-

Выставка 1909 г. Собрание И.А. Рязановского.

ма предположенных к съезду выставок с предложением принять в них участие организациям и учреждениям, частным лицам и обществам. Был даже предложен список: "На выставку желательно бы собрать: старинные иконы, старопечатные книги, рукописи, грамоты, картины, письма, портреты и фотографии местных уроженцев и деятелей, карты, гравюры, планы, коллекции монет, медалей, жетонов, оружия, предметы домашней утвари, одежды и проч". (6)

Первое заседание съезда прошло в доме дворянского собрания на Павловской ул. 20 июня 1909 г. Были избраны председатели и секретари съезда, определены названия секций, создан распорядительный комитет.

Председателем стал профессор Н.В. Покровский, возглавлявший Петербургский Археологический институт, тесно связанный с Костромой: он родился в с. Подольском Костромского уезда, закончил здешнюю семинарию. В трудах института к съезду было опубликовано его исследование о памятниках церковной старины в Костроме.

Направления исследований были обозначены в названиях секций. Их было четыре: первобытной археологии, церковных древностей, археографии и архивоведения, исторической географии и этнографии.

Решив организационные вопросы, участники съезда перешли к торжествам. В полдень 21 июня 1909 г. состоялась закладка здания Романовского музея Костромской архивной комиссии, сегодня оно по-прежнему стоит на бывшей Павловской улице, которая теперь называется проспектом Мира, в нем располагается Музей изобразительных искусств, и по сю пору оно остается единственным зданием, специально построенным для музея на территории области.

В присутствии губернатора и городского головы владыка Тихон отслужил молебен на "особо устроенном помосте, красиво декорированном зеленью и украшенном национальными флагами", положили первые кирпичи. После торжественного завтрака в доме дворянства уже в половине восьмого пополудни молебном были открыты занятия съезда. Правда, весь этот вечер был посвящен приветствиям и добрым пожеланиям.

Костромской городской голова, Г.Н. Ботников, говорил: "Я счастлив, что на мою долю выпала

честь исполнить поручение Костромской городской думы приветствовать настоящее собрание... Каждому костромичу должно быть дорого внимание ученого учреждения к памятникам Костромского края, и теперь, с основанием дома для музея древностей и при нем особо ценного Романовского отдела, кладется начало бережного отношения к памятникам старины". (7)

Еще один костромич и выпускник местной духовной семинарии, Ф.И. Успенский, создавший и возглавивший в Константинополе Русский Археологический институт, особо подчеркнул роль краеведческих исследований в развитии науки: "Местные изучения имеют громадное значение в научном движении. Большую реку питают притоки; чем больше и обильней водой притоки, тем величественней и многоводней становится река".

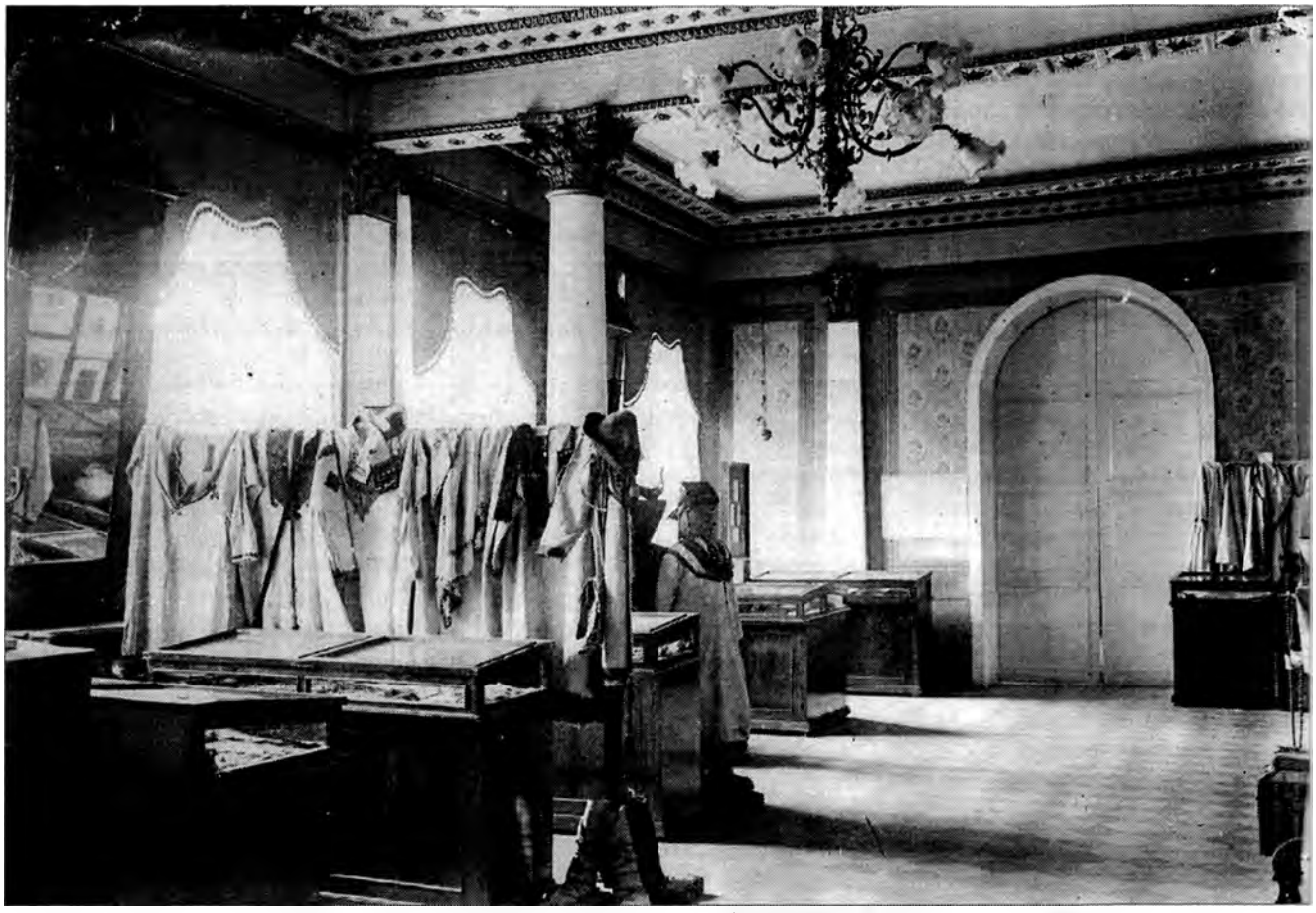
На следующий день начались будни съезда, который продолжался до 29 июня. Ежедневные отчеты публиковались в "Известиях" съезда, а потому проследить его занятия достаточно легко. Основной формой работы были привычные заседания с чтением докладов и рефератов. Многие из них были посвящены костромским древностям: Д.Н. Сизов делал сообщение о мастерской каменного века, обнаруженной в Костромском уезде, А.А. Титов — об упраздненных монастырях епархии, И.В. Баженов прочел реферат о судьбах Костромского кремля. Другие участники съезда говорили о проблемах исторических исследований в своих губерниях, но наиболее оживленные дискуссии вызывали доклады, важные для нескольких губерний сразу — например, сравнение костромской и ярославской косуль, проведенное Д.К. Зелениным, или проблема норманских древностей в верховьях Волги, поставленная А.А. Спицыным.

Но все же устроителям съезда удалось организовать и непосредственные встречи участников с костромскими древностями. Их было несколько. 25 июня желающие смогли побывать на раскопках Минского городища в 7 верстах от Костромы, куда их доставил специальный пароход.

Предварительные работы были проведены женщиной-археологом из Вичуги Ю.Г. Гендунэ и костромским педагогом Д.Н.Сизовым. Раскопки продолжались в присутствии участников съезда, но повседневная работа археологов никогда не отличалась особой зрелищностью, а в данном случае и извлекаемый из земли материал не блистал новизной: шли ке-

Выставка 1909 г. Собрание М. Комарова.

Выставка 1909 г. Коллекция Н.Н. Виноградова.

рамика, обработанный камень, кости. Не удалось найти и остатков укреплений. У кого-то это, возможно, вызвало чувство разочарования, но искушенные специалисты были готовы к такому повороту событий, а для новичков, быть может, здесь был дан урок техники раскопок, а заодно и терпения.

Гораздо более яркие впечатления оставили экскурсии по сохранившимся храмам Костромы, которые сопровождались комментариями Н.В. Покровского. Собственно, это были не просто экскурсии в нынешнем смысле этого слова: участники съезда, среди которых было много специалистов по древней архитектуре, росписям, иконе, прикладному искусству, вместе исследовали памятники, высказывали свои предположения и суждения — о времени строительства Успенского собора Костромского кремля, например, о странной окраске храмов. Между прочим, в постановлениях съезда эти обследования оставили и постановление о необходимости капитального ремонта Троицкого собора Ипатьевского монастыря, что и было выполнено при подготовке к празднованию 300-летия Дома Романовых.

Кроме осмотра монументальных памятников, участники, побывавшие в Ипатьевском и Богоявленском монастырях, смогли познакомиться с выставками, специально подготовленными к съезду.

Выставка в Смоленской церкви Богоявленского монастыря была не очень большой, она представляла древности именно этого монастыря, извлеченные для этой цели из ризницы и библиотеки. Рукописи, богослужебные предметы и книги были просто разложены на столах. Наибольшее внимание привлекли шитые жемчугом оплечья, пожертвованные в обитель Дм. Пожарским в 1613 г.

Более значительной была выставка в Богородицерождественской церкви Ипатьевского монастыря, в основу которой были положены ризничные вещи архипастырской резиденции. Однако рамки выставки были расширены за счет древностей, которые удалось по благословению владыки Тихона получить из других монастырей и храмов епархии. И устройством выставки занимались не только ризничий монастыря о. Макарий, но и о. ректор семинарии В.Г. Чекан вместе с преподавателем этого учебного заведения И.В. Баженовым.

Осмотру Ипатьевского монастыря и его выставок было по-

священо два дня. Первый из них, 22 июня, начался предварительной лекцией Н.В. Покровского о древностях, в том числе и памятниках Ипатьевского монастыря. После этого слушатели отправились в эту древнюю обитель и уже непосредственно на месте могли исследовать памятники, после чего был сделан вывод: "Собрание древностей Ипатьевского монастыря принадлежит к числу самых крупных в России". (8)

Эта экскурсия предназначалась в первую очередь специалистам, которые искали аналогии, пытались отнести иконы и фрески к той или иной школе. Через день, 24 июня, те же стенописи, здания и предметы были рассмотрены менее искушенной публикой. Правда, среди случайных посетителей оказались знатоки-старообрядцы, которые пристально разглядывали древние иконы.

Устроители съезда записывали в протоколах, что "эта иконная выставка... настолько возбуждала религиозное чувство посетителей, что некоторые из публики нестеснительно возлагали на себе крестное знамение и даже лобызали с благоговением столь достопамятные честные иконы" (9). Несмотря на умиление, звучащее в этом описании, "нестеснительно" и "даже" его автора указывают на то, что эти действия и жесты, естественные в храме, воспринимались уже как отступление от нормы поведения посетителя выставки.

В отличие от обычного показа ризничных вещей, при устройстве выставки в храме Рождества Богородицы было использовано специальное оборудование — столы, витрины, часть которого была размещена непосредственно на столпах. Для наиболее древних икон параллельно иконостасу действующей церкви были устроены тябла, но они располагались перед солеей при первом ряде колонн и были именно специальным выставочным оборудованием.

Сама структура этой выставки была подчинена не логике иконостаса, обычного церковного интерьера, а логике науки о древностях. Предметы были размещены по системному принципу, то есть вместе были собраны все потиры, все кресты, все книги и так далее. Они в свою очередь были расположены по хронологическому принципу, от более древних — к более новым. Отдельно были показаны древности других храмов и монастырей епархии.

Можно предположить, что именно успех этой выставки и побудил владыку Тихона организовать Церковно-Историческое общество и при нем — древнехранилище, которое было расположено в Романовских палатах и устроено практически на тех же принципах, что и выставка к съезду 1909 года.

Однако наряду с выставками церковных древностей в здании дворянского собрания были открыты выставки частных коллекций. Они были размещены в небольшом Екатерининском зале, причем предполагалось знакомство с частными коллекциями не только на выставке, но и "отчасти в их домах". Значит, желающие могли ознакомиться с ними во всей полноте, но для нас эта часть, не зафиксированная каталогами и фотографами, навсегда останется неизвестной.

Фотографии и каталог выставки позволяют представить разнообразные интересы костромских коллекционеров: как и на заре частного собирательства, здесь были представлены нумизматика, фалеристика, церковные древности, археологические находки. Однако теперь бытовые предметы собирают, подчиняясь "узкой специализации": И.А. Рязановский — старообрядческие, И. Лапин и Л. Ротаст — дворянские, в коллекции Козырева, кроме портретов представителей царской семьи, были показаны городской костюм и соответствующие ему предметы обихода.

Последнее заседание съезда прошло 29 июня, отзвучали слова благодарности, но за пределами протоколов остались слова недовольства, прозвучавшие частью на страницах других изданий, частью в личной переписке. Так Н.Н. Виноградов писал в Петербург своему учителю, академику А.А. Шахматову: "Съезд прошел очень скверно. И приезжих, и докладов было очень мало. Не было ни С.Ф. Платонова и его учеников, ни И.А. Шляпкина с учениками. Закончился съезд крупным недоразумением между руководителями" (10).

Но как бы то ни было, съезд послужил не только к пользе участников его, но и к пользе потомков, тем более, что в 1914 г. удалось выпустить и "Труды" его, в значительной мере дополнившие сведения об истории Костромского края и его древностей.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тельчаров А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Проблемы истории СССР. М. 1976. Вып. 5. С. 415-431.

2. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Микрофильм. Л. 107 об. — 108.

3. ГАКО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 53-58.

4. Журналы Костромской городской думы за 1907 год. Кострома. 1907. С. 289-290.

5. Костромской Вертоградъ. Кострома. 1998. № 2. С.8.

6. ГАКО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 154.

7. Известия IV Областного Историко-археологического съезда в гор. Костроме. Кострома. 1909. № 2. С. 10.

8. Там же. № 3. С. 7.

9. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 14. Микрофильм. Л. 49.

10. РАН. СПб филиал. Архив. Ф.134. Оп. 3. Д. 279. Л. 12-12 об.

Памятник Сусанину из... шоколада

14 марта 1851 года на центральной площади Костромы при многочисленном стечении народа был открыт памятник царю Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину. Автором монумента был известный русский скульптор Василий Иванович Демут-Малиновский (1779-1846). Перед жителями и гостями старинного волжского города предстал кубический гранитный постамент, чья строгая простота придавала памятнику монументальность. На кубе возвышалась колонна из розового гранита, увенчанная бронзовым бюстом юного Михаила Романова. Высота памятника — почти пятнадцать метров. В образе коленопреклоненного, молящегося Ивана Сусанина скульптор хотел выразить готовность пожертвовать жизнью для блага родины, которая олицетворялась для него в царе.

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
"Чей памятник?" —
"Сусанина".

Вскоре после его открытия было отлито множество моделей памятника, разошедшихся по всей России. Они теперь хранятся в фондах Третьяковской галереи, Русского музея, Костромского историко-архитектурного музея-заповедника и других. Модели памятника — это уже произведения декоративно-прикладного искусства со своими специфическими функциями, отличными от функций монументальной скульптуры.

Есть такие остроумные способы применить их даже в быту, что диву даешься.

Один москвич, например, уже в 1851 году приспособил модель памятника для... чернильницы. Такая нестандартная идея пришла мастеру Шмидту.

В его мастерской был отлит бронзовый чернильный прибор в виде костромского памятника Демут-Малиновского с откидывающейся крышкой-колонной. Внутри постамента вставлены бронзовые стаканчики для чернильницы и песочницы. Рельефы, фигуры Михаила Романова и Ивана Сусанина позолочены. На постаменте помещен позолоченный рельеф, изображающий сцену гибели Ивана Сусанина. Высота прибора 31 см.

Эта оригинальная модель памятника в виде чернильницы хранится в Государственном историческом музее Москвы.

Через пять лет костромские купцы перещеголяли бронзовых дел мастера в остроумии. Они отлили ко дню коронации Александра II серебряные блюдо и солонку в виде монумента Михаилу Романову и Сусанину, чтобы преподнести коронующемуся царю традиционный "хлеб-соль".

Крышку вызолоченной солонки высотой 22 см и весом один килограмм составляла колонна и верхняя плита пьедестала с фигурами царя и крестьянина — костромича. Местом для соли служил постамент. Бюст Михаила Романова, двуглавый орел, герб Костромы и сцена гибели Сусанина — рельефные, матовые. Эта солонка была исполнена в мастерской костромского купца К. Костицына, бюст Михаила и фигура коленопреклоненного Сусанина были отлиты на чугунном заводе Шипова.

Газета "Костромские губернские ведомости" отмечала вычурность этой работы, эклектичность ее художественного решения, она "слишком многосложна и не отличается никаким характером".

Очевидно, солонка вместе с отлитым к коронации блюдом для хлеба должна была продемонстрировать значительность, процветание костромских купцов. По сведениям исследовательницы русской художественной бронзы Л.Н. Гончаровой, этот экспонат находится в Музее истории Санкт-Петербурга, но нам обнаружить его там не удалось.

Но пальма первенства в оригинальном использовании костромской модели, вне всякого сомнения, принадлежит костромскому кондитеру М.Ю. Заболоцкому.

На губернской земской выставке, устроенной в честь трехсотлетия дома Романовых в мае-сентябре 1913 года, среди множества павильонов располагался и павильон "Кондитерская Заболоцкого", который пользовался огромным успехом. Посетители его имели счастье лицезреть модель памятника Демут-Малиновского, сделанную, конечно же, из... шоколада.

20 мая 1913 года земскую выставку посетил Николай II с дочерьми. Костромской кон-

дитер своим шоколадным макетом монумента запечатлел изменения в культуре начинающегося XX века, когда стало модным создавать скульптуры из пищевых продуктов. Ведь не случайно скульптор Иван Ефимов задумал в 1930-е годы создать корову "в натуру с четвертью из масла" для Всемирной выставки в Нью-Йорке, правда, его проект не был осуществлен. Но в 1970-е годы великолепные скульптуры из жира мастерил Иозеф Бойс.

Документы умалчивают об этом, но, наверное, шоколадную модель памятника Демут-Малиновского в конце концов костромичи съели, ведь шоколад для того и предназначен, чтобы им лакомиться.

За пределами же Костромы любили изображать знаменитый монумент на посуде. Художники завода товарищества И.С. Кузнецова в Москве поместили изображение памятника Михаилу Федоровичу и Сусанину на фарфоровую посуду. В фондах Костромского музея-заповедника, Сусанинского музея, в частных собраниях есть такие тарелки, чашки, блюдца, молочники и т.д. При этом использована была техника печатного рисунка. Судя по маркам на молочнике и тарелке из фондов Костромского музея-заповедника, изготовлены эти работы в конце XIX — начале XX века.

Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова в значительной мере монополизировало к 1900-м годам массовый выпуск фарфоровой посуды в России. Молочник и тарелка, изображающие монумент Михаилу Федоровичу и Сусанину, отражают характерные особенности кузнецовского фарфора: они не имели определенной художественной направленности, но изображение памятника, конечно, улучшало товарный вид изделия.

А любой житель нашего отечества, купивший такую тарелку и хлебающий из нее вкусные русские щи, по мере уменьшения содержимого в тарелке все нагляднее мог лицезреть памятник, украсивший Сусанинскую площадь Костромы. Весьма оригинальная идея — сочетать вкушение обеда и патриотическое воспитание гражданина.

Монумент Демут-Малиновского не дошел до наших дней, разрушение его началось в 1918 году и окончательно завершилось через шестнадцать лет, но это тема отдельного рассказа. Бронзовые же модели и изделия кузнецовского фарфора напоминают: жил-был когда-то в Костроме памятник Михаилу Романову и Ивану Сусанину.

Татьяна ГРИГОРЬЕВА

Сусанинская площадь. Памятник Михаилу Федоровичу Романову и Ивану Сусанину скульптора В.И. Демут-Малиновского. Фото начала века.

Памятник Сусанину из... шоколада

14 марта 1851 года на центральной площади Костромы при многочисленном стечении народа был открыт памятник царю Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину. Автором монумента был известный русский скульптор Василий Иванович Демут-Малиновский (1779-1846). Перед жителями и гостями старинного волжского города предстал кубический гранитный постамент, чья строгая простота придавала памятнику монументальность. На кубе возвышалась колонна из розового гранита, увенчанная бронзовым бюстом юного Михаила Романова. Высота памятника — почти пятнадцать метров. В образе коленопреклоненного, молящегося Ивана Сусанина скульптор хотел выразить готовность пожертвовать жизнью для блага родины, которая олицетворялась для него в царе.

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
"Чей памятник?" —
"Сусанина".

Вскоре после его открытия было отлито множество моделей памятника, разошедшихся по всей России. Они теперь хранятся в фондах Третьяковской галереи, Русского музея, Костромского историко-архитектурного музея-заповедника и других. Модели памятника — это уже произведения декоративно-прикладного искусства со своими специфическими функциями, отличными от функций монументальной скульптуры.

Есть такие остроумные способы применить их даже в быту, что диву даешься.

Один москвич, например, уже в 1851 году приспособил модель памятника для... чернильницы. Такая нестандартная идея пришла мастеру Шмидту.

В его мастерской был отлит бронзовый чернильный прибор в виде костромского памятника Демут-Малиновского с откидывающейся крышкой-колонной. Внутри постамента вставлены бронзовые стаканчики для чернильницы и песочницы. Рельефы, фигуры Михаила Романова и Ивана Сусанина позолочены. На постаменте помещен позолоченный рельеф, изображающий сцену гибели Ивана Сусанина. Высота прибора 31 см.

Эта оригинальная модель памятника в виде чернильницы хранится в Государственном историческом музее Москвы.

Через пять лет костромские купцы перещеголяли бронзовых дел мастера в остроумии. Они отлили ко дню коронации Александра II серебряные блюдо и солонку в виде монумента Михаилу Романову и Сусанину, чтобы преподнести коронующемуся царю традиционный "хлеб-соль".

Крышку вызолоченной солонки высотой 22 см и весом один килограмм составляла колонна и верхняя плита пьедестала с фигурами царя и крестьянина — костромича. Местом для соли служил постамент. Бюст Михаила Романова, двуглавый орел, герб Костромы и сцена гибели Сусанина — рельефные, матовые. Эта солонка была исполнена в мастерской костромского купца К. Костицына, бюст Михаила и фигура коленопреклоненного Сусанина были отлиты на чугунном заводе Шипова.

Газета "Костромские губернские ведомости" отмечала вычурность этой работы, эклектичность ее художественного решения, она "слишком многосложна и не отличается никаким характером".

Очевидно, солонка вместе с отлитым к коронации блюдом для хлеба должна была продемонстрировать значительность, процветание костромских купцов. По сведениям исследовательницы русской художественной бронзы Л.Н. Гончаровой, этот экспонат находится в Музее истории Санкт-Петербурга, но нам обнаружить его там не удалось.

Но пальма первенства в оригинальном использовании костромской модели, вне всякого сомнения, принадлежит костромскому кондитеру М.Ю. Заболоцкому.

На губернской земской выставке, устроенной в честь трехсотлетия дома Романовых в мае-сентябре 1913 года, среди множества павильонов располагался и павильон "Кондитерская Заболоцкого", который пользовался огромным успехом. Посетители его имели счастье лицезреть модель памятника Демут-Малиновского, сделанную, конечно же, из... шоколада.

20 мая 1913 года земскую выставку посетил Николай II с дочерьми. Костромской кон-

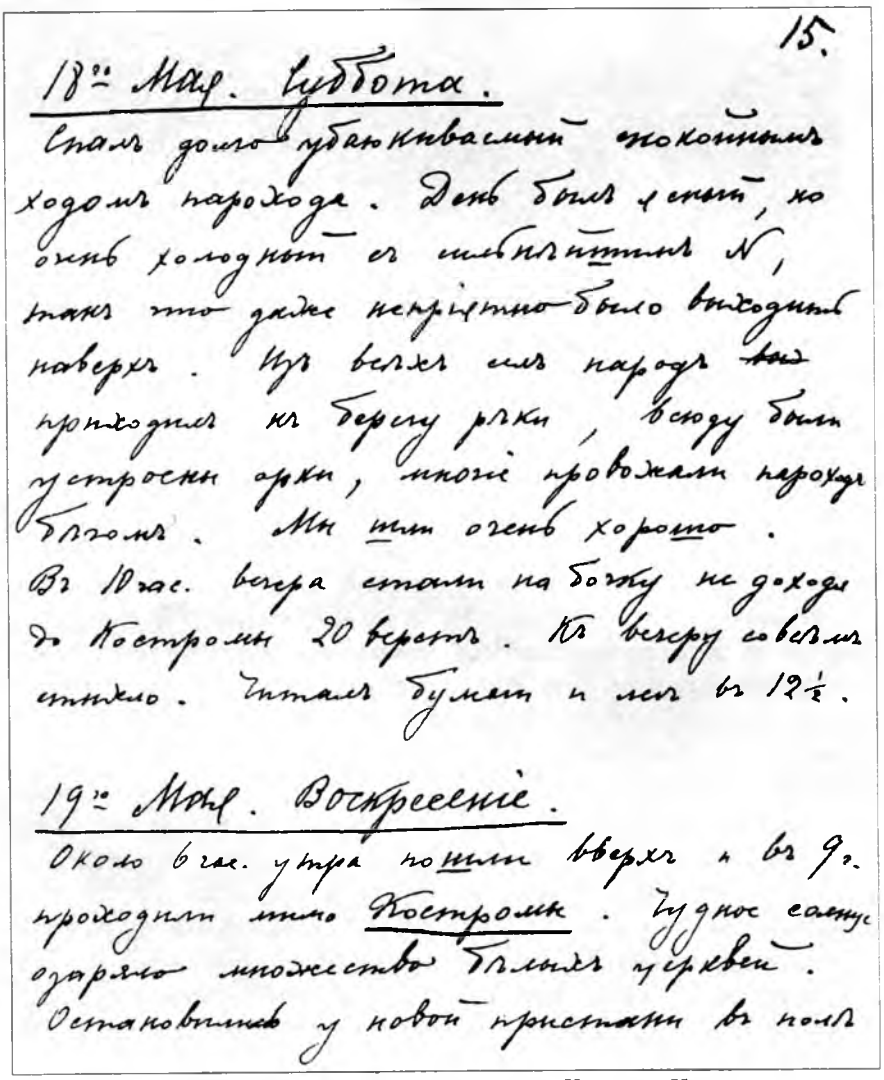
Император Николай II:

„Интересно, но утомительно"

Из дневника Николая II за 1913 год

18-го мая. Суббота. *Спал долго, убаюкиваемый спокойным ходом парохода. День ясный, но очень холодный, с сильнейшим N (северным ветром — прим. ред.), так что даже неприятно было выходить наверх. Из всех сел народ приходил к берегу реки, всюду были устроены арки, многие провожали пароход бегом. Мы шли очень хорошо. В 10 час. вечера стали на бочку, не доходя до Костромы 20 верст. К вечеру совсем стихло. Читал бумаги и лег в 12 1/2.*

19-го мая. Воскресенье. *Около 6 час. утра пошли вверх и в 9 ч. проходили мимо Костромы. Чудное солнце озаряло множество белых церквей. Остановились у новой пристани в поле в 3 верстах выше города. В 10 час. сошел на берег. Прямо против пристани на высоком берегу стояла моя рота Эриванского полка. Приятно было увидеть ее. Сели в коляски и поехали в Ипатьевский монастырь. По пути стояли шпалерами: Эриванский и 183-1 Пултуский пех(отные) полки. В монастыре с другой стороны встретил подошедший из Костромы крестный ход с Феодоровской Божией Матерью и затем вошел в собор. Обедня и молебен были отслужены менее чем в полтора часа. Осмотрели со всей фамилией дом Михаила Феодоровича, где собрана богатая ризница из собора, и той же дорогой вернулись на пароход. Сели завтракать; сделалось совсем тепло. В 3.40 наш пароход пошел в Кострому, в 4 ч. вышли на берег. После городской думы принял поч(етный) кар(аул) от Пултуского полка и поехали в новый Романовский областной музей. Оттуда в дворянское собрание. В 6 час. обратно на пароход и к старой Ипатьевской пристани. В 8 час. был большой обед на парох(одной) столовой. Сидел между т(етей) Мари (1) и т(етей) Михень (2). Затем смотрели на фейерверк, кот(орый) пускали перед городом.*

15.

18-го Мая. Суббота.

Спал долго убаюкиваемый спокойным ходом парохода. День был ясный, но очень холодный с сильнейшим N, так что даже неприятно было выходить наверх. Из всех сел народ приходил к берегу реки, всюду были устроены арки, многие провожали пароход бегом. Мы шли очень хорошо. В 10 час. вечера стали на бочку не доходя до Костромы 20 верст. К вечеру совсем стихло. Читал бумаги и лег в 12½.

19-го Мая. Воскресенье.

Около 6 час. утра пошли вверх и в 9 ч. проходили мимо Костромы. Чудное солнце озаряло множество белых церквей. Остановились у новой пристани в поле

Фрагмент дневника императора Николая II.

Городской голова В.А. Шевалдышев и гласные городской думы в ожидании приезда Государя. Фото 1913 г.

20-го мая. Понедельник. *Проснулся дивным утром. В 10 час. подошли к пристани в Костроме и поехали к собору, вокруг кот(орого) стояли войска шпалерами. Обошел их, затем вошли в собор и скоро пошли за крест(ным) ходом к месту закладки большого памятника 300-летия царствования дома Романовых. Каждый из нас положил свой именной камень. После закладки войска прошли церем(ониальным) марш(ем). Там мы разделились — Аликс (3) поехала с детьми в Богоявленский жен(ский) монаст(ырь), а я — в дом губернатора. Принял у него в саду должностных лиц и волостных старшин и представителей белопашцев (4). Для них был приготовлен обед. Оттуда заехал в Пултуский полк и осмотрел офицерское собрание. Вернулся на "Межень" в 2 1/4. После завтрака поехал в старую церковь Воскресения на дебрях, (5) затем в новое здание общины Красного Креста и, наконец, на выставку, устроенную земством. Интересно, но утомительно. Выпив чаю и простившись со всеми, пришел пешком на пароход. Отошли снова к нашей Ипатьевской пристани; народ стоял сплошной стеной по берегу даже в воде по колено. В 8 час. был также большой обед в нашей плавучей столовой. Прошла хорошая гроза. В 10 1/2 вечера пошли дальше вверх реки. Воздух был дивный.*

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 260. Л. 15-19. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мари — Мария Александровна Саксен-Кобург-Готская (1853-1920), сестра императора Александра III, тетя Николая II.

2. Михень — великая княгиня Мария Павловна (старшая) (1854-1923), тетя Николая II.

3. Аликс — императрица Александра Федоровна (1872-1918), жена Николая II.

4. Белопашцы — потомки И. Сусанина, жившие в селе Коробово Костромского уезда и пользовавшиеся рядом льгот и привилегий.

5. Так в тексте. Правильное название — церковь Воскресения на Дебре.

Владимир КОКОВЦОВ:

"Большое впечатление произвела только Кострома"

Из воспоминаний председателя Совета министров В.Н. Коковцова

Записывая теперь, спустя много лет, то, что было на моих глазах, я не могу и теперь не отметить того, что Романовские торжества прошли как-то бледно, несмотря на торжественность внешней обстановки. (...)

Первая остановка была во Владимире, затем в Нижнем, в Костроме, Ярославле, Суздале и Ростове, и везде у меня было одно впечатление — отсутствие настоящего энтузиазма и сравнительно небольшое скопление народа. (...)

Еще более слабое впечатление осталось у меня от поездки по Волге от Нижнего вверх до Костромы. Дул холодный резкий ветер. Государь совсем не выходил на палубу, и народ его не видел; в местах, где была приготовлена остановка с красиво убранным сходом с берега на воду, небольшие группы крестьян, видимо, ждали выхода Государя, да так и не дождались, потому что и его, и наш пароход безостановочно шли весь день, остановившись только на ночлег, не дойдя до Костромы. Словом, и тут не было народного подъема, и все было красиво, но как-то пусто.

Большое впечатление произвела только Кострома. Государь и его семья были окружены сплошной толпой народа, слышались неподдельные выражения радости, и, как будто с вернувшимся теплом, растаяла и сама толпа.

Тут же нужно отметить, что при посещении одной из церквей в ней оказался Распутин. Когда все вышли из церкви, его фигура была замечена многими, и ко мне подошел генерал Джунковский и обратил мое внимание на его присутствие среди немногих, имевших доступ в церковь. Мне пришлось ответить ему, что я удивляюсь, каким образом ему, как товарищу министра внутренних дел и командиру корпуса жандармов, могло быть неизвестно присутствие здесь "старца", и получил в ответ:

"Я ничем не распоряжаюсь и решительно не знаю, кто и как получает доступ в места пребывания царской семьи"; мне осталось только добавить ему: "Так недалеко и до Багрова".

Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919 гг. В двух книгах. Книга вторая. М. Наука. 1992. С. 140-141.

Посещение Государем Ипатьевского монастыря. Фото А.А. Косаткина. 1913 г.

Дмитрий СИПЯГИН:

"Усмотрены усердие и надлежащая распорядительность..."

Из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел Д.С. Сипягина по поездке его летом 1901 года в Костромскую губернию

14 ноября 1901 г.

Состав уездного полицейского управления Костромской губернии образуется из 12 уездных исправников, 12 помощников их, 15 полицейских надзирателей, 4 их помощников, 30 становых приставов, 195 городовых и 124 урядников, независимо от сотских и десятских, избираемых сельскими обществами, а городскую полицию составляют: 1 полицмейстер, 2 пристава, 7 помощников их, 2 помощника полицейских надзирателей и 65 городовых.

Служба занимающих исчисленные должности лиц аттестована губернатором с хорошей стороны, а мною в действиях чинов полиции Костромской губернии, при обзоре последней, усмотрены усердие и надлежащая распорядительность, но недостаток личного состава чинов полиции и скудность их содержания являются значительным тормозом в их деятельности, требующим возможно скорого устранения.

Необходимо отметить следующую особенность полицейского управления в губернии: в каждом из уездных городов ее для названного управления существует особый, так называемый — казенный дом, в котором помещаются и управление и квартира исправника. Устройство такого рода казенных зданий, дающих возможность приличного помещения для полицейского управления и обеспечивающих квартирное довольствие уездных исправников, представляется весьма желательным для всех уездных городов, но осуществление этой меры возможно, конечно, лишь при условии отпуска необходимых средств из государственного казначейства... (1)

РГИА, Ф. 1282. Оп. 3. Д. 549. Л. 101-102. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. На полях документа карандашная пометка рукою Николая II "Конечно". Ниже чернилами пометка "Собственною Его Величества рукою начертано: "Конечно". В С.-Петербурге, 10 января 1902 г. Д. Сипягин".

Царская беседка. 1913 г.

Владимир ДЖУНКОВСКИЙ:

"Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти..."

МОЙ ОТЪЕЗД В ПРИВОЛЖСКИЕ ГОРОДА И ВЛАДИМИРСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Не успел я еще вполне ознакомиться со всеми делами, как мне предстояло совершить предварительный объезд всех городов, кои предполагал посетить государь император в мае месяце по случаю 300-летия царствования Дома Романовых.

Перед отъездом в это путешествие я 10 марта имел счастие представиться государю, получить от него соответствующие указания, имел возможность высказать и мои предположения об охране, которую я предполагал осуществить по примеру таковой в Бородине. Государь вполне одобрил мои предположения, и 13 марта я выехал в Кострому в сопровождении вице-директора департамента полиции Виссарионова, представителя дворцового коменданта полковника Спиридовича и моего секретаря Л.А. Сенько-Поповского.

К сожалению, я вынужден был взять с собой Виссарионова, несмотря на все его отрицательные свойства и мое полное отсутствие доверия к нему, я его терпел только потому, что считал невозможным делать какие-либо перемены в личном составе накануне торжественного высочайшего путешествия по России, когда я еще не был в курсе всех дел департамента полиции. Конечно, я мог взять с собой директора департамента Белецкого, но я считал, что это было бы еще хуже, т.к. Белецкий старался бы мне все время втирать очки, пугать меня преувеличенными опасениями, а это дало бы мне много лишней работы, чтобы разобраться во всем этом. Виссарионов же, по крайней мере, чувствуя свое шаткое положение и мое отрицательное отношение, держал себя скромно. Спиридович был командирован со мной дворцовым комендантом по моей просьбе, я считал его выдающимся по уму и знанию офицером, хотя и не особенно твердым в нравственном отношении. Он отлично знал дело охраны и розыска и был человеком огромной работоспособности, умел руководить людьми. Его надо было только уметь держать в руках, и тогда он был незаменимым работником в течение 2 1/2 лет моей службы в должности товарища министра по заведованию полицией; и эту совместную работу с ним я вспоминаю всегда с хорошим чувством, я очень ценил его безукоризненную работу при всех многочисленных высочайших путешествиях в течение 1913-15 гг., во время которых он, будучи непосредственно подчиненным дворцовому коменданту и находясь в то же время в моем распоряжении, держал себя всегда с большим тактом, так что ни разу у нас не произошло ни одного недоразумения.

Товарищ (заместитель) министра внутренних дел России, командир отдельного корпуса жандармов Владимир Федорович Джунковский (1865-1938) в 1913 году приезжал в Кострому трижды — при подготовке к торжествам по случаю 300-летия Дома Романовых и во время проведения их. Предлагаем вниманию читателей фрагменты воспоминаний, связанные с посещением автором Костромы. Публикуется с частичным сохранением устаревшей орфографии по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации.

В Кострому я приехал утром 14 марта и остановился в доме губернатора. Губернатором был П.П. Стремоухов, человек умный, знающий, но с некоторой манией величия, он был моим товарищем по Пажескому корпусу. Его жена была рожденная Салтыкова, сестра там-

бовского губернатора, тоже одного выпуска со мной из корпуса. Стремоухов недавно только получил Костромскую губернию и еще не успел как следует ознакомиться с ней, но ближайшим помощником у него был вице-губернатор Хозиков, который отлично знал губернию, был в курсе всех дел, отличался удивительной скромностью, работоспособностью и большим тактом. Начальником губернского жандармского управления был полковник Эрнст, нервный суетливый офицер, почти ненормальный. Ему нельзя было ничего поручить, он обязательно попадал впросак, благодаря своей суетливости и необдуманности. Только из чувства жалости, т.к. он был человек недурной, я не уволил его тотчас и оставил в должности начальника управления на время торжеств в Костроме, заменив его уже по отбытии государя в июне месяце, полковником Семигановским — очень дельным офицером.

В Костроме я оставался два дня, объехал с губернатором все предположенные для высочайшего посещения места, а вечером присутствовал у губернатора на заседании комиссии по выработке мер охраны во время предстоящего летом 1913 года высочайшего посещения Костромской губернии. Предположено было, что государь прибудет в Кострому на пароходе из Нижнего и затем проследует по Волге в Ярославль. В Костроме пребывание государя предположено было в течение двух суток; в первый день — посещение Ипатьевского монастыря, Романовского музея, Дворянского Собрания, во второй день — кафедрального собора, места закладки памятника, воздвигаемого в память 300-летия царствования Дома Романовых, больницы Красного Креста, церкви Воскресения на Нижней Дебре и земской выставки, а государыня императрица еще Богоявленского монастыря.

По выработке программы Высочайшего пребывания совещание перешло к обсуждению вопросов, связанных с организацией полицейской охраны во время предстоящего приезда и пребывания государя в пределах губернии: 1) охрана пути царского следования по Волге, для чего необходимо было обследовать береговую полосу реки Волги, по выяснению жителей в населенных пунктах, 2) охрана территории Костромского уезда левого берега, где Ипатьевский монастырь, и правого берега с паровозной пристанью и вокзалом; 3) охрана путей царского следования по г. Костроме; 4) удовлетворение суточными и прогонными деньгами и отвод помещений, 5) устройство регистрационного бюро для регистрации населения в местах посещения их величеств и по линиям их проводов; для заведования этим бюро я наметил жандармского подполковника Крякина, рекомендованного мне начальником штаба как отличного во всех отношениях начальника отделения, кандидата на Управление. Впоследствии, когда я ознакомился с ним, я нашел его склонным к преувеличению и потому не вполне подходящим; во избежание раздражения населения я рекомендовал отнестись с особенным тактом при опросе жителей по домам и регистрационным надзирателям производить обходы помещений и домов совместно с чинами местной полиции, при каковом условии часть жителей, известных полиции (старожилы), могли бы быть зарегистрированы без личных их опросов; 6) устройство билетного бюро, которое должно было начать работу за 1 1/2 месяца до высочайшего приезда под непосредственным руководством губернатора.

Из обмена мнений на совещании я вынес отрадное впечатление. Стремоухов был умным, дельным администратором с широким взглядом на дело, и потому с ним было легко столковаться. На другой день я объехал с ним все предположенные места посещений, ознакомился с работами по устройству выставки и уехал в Ярославль, куда прибыл 16-го числа утром. (...)

ОБЪЕЗД ПРИВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ

В Петербург я вернулся 29 апреля к вечеру, а 1 мая уже выехал опять в объезд приволжских городов предстоящего высочайшего путешествия по Волге. Я считал необходимым еще раз посетить все города, проверить результаты работ по подготовке к торжествам и проехать на пароходе по Волге, т.к. в первую мою поездку Волга была еще покрыта льдом. В Москву я приехал 2 мая утром в 7 ч. 40 м. и в 9 ч. с губернатором проехал в Сергиев посад, откуда, ознакомившись со всеми приготовлениями, на автомобиле проехал в Переяславль, затем в Петровск и Ярославль, куда приехал в 9 ч. веч. того же дня. На другой день утром в 7 ч. выехал на пароходе по Волге в Кострому, куда приехал в 11 ч. 45 м. и пробыл там весь день. В 11 ч. веч. на пароходе выехал в Нижний, прибыл туда на другой день 4 мая в 6 ч. веч., а в 9 уже выехал по жел(езной) дор(оге) во Владимир и прибыл туда ночью. Выехав в 3 час. дня на другой день из Владимира, я был в Петербурге 6 мая утром. (...)

ОТПЛЫТИЕ ИХ ВЕЛИЧЕСТВ НА "МЕЖЕНИ"

(...) Везде по пути следования у ярко горевших костров

тысячами собирались крестьяне, чтоб увидеть хотя бы пароход, на котором следовал государь. 13 мая, весь день, государь с семьей своей плыл по Волге на "Межени", шедшей во главе царской флотилии, около г. Юрьевца и Кинешмы, близ сел и деревень толпами собирался народ и духовенство, приветствуя государя, который с палубы парохода отвечал на приветствия.

Царскую флотилию сопровождал пароход мин(истра) пут(ей) сообщ(ения) Рухлова, на котором находились и Коковцев, и Маклаков. Я же, дабы прибыть в Кострому заранее, тотчас по окончании обеда на пароходе "Царь Михаил Федорович" проехал на вокзал и по жел(езной) дор(оге) кружным путем через Новки и Нерехту проехал в Кострому, куда прибыл днем 18-го числа, так что для проверки всех мер охраны у меня оставался почти целый день и ночь.

КОСТРОМА

Приехав в Кострому, я тотчас принялся за работу. Как я и ожидал, начальник губернского жандармского управления Эрнст перестарался и много напортил своей подозрительностью и бестактностью. Я очень пожалел, что из жалости к нему не отчислил его от должности раньше, пришлось его неофициально устранить от дел и поручить его обязанности другому офицеру. Хорошо еще, что, приехав заранее, я успел исправить все, что напортил Эрнст. В Костроме ко времени моего приезда уже находилась вел(икая) кн(ягиня) Елизавета Федоровна, прибывшая накануне, и другие особы царской фамилии, прибывшие в день моего приезда, также и другие министры, кроме тех, которые сопровождали их величеств. Вообще съезд в Костроме был небывалый. Из войсковых частей прибыли 13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк в полном составе и сотня 17-го Кизляро-Гребенского полка Терского Казачьего войска как потомки старейших русских воинов времен Царя Михаила Федоровича. Кострома приняла не виданных ею никогда кавказцев не только гостеприимно и радушно, но и с глубоким почтением — приходившие на торжества в Кострому старушки-крестьянки благословляли эриванцев и казаков образами.

Приготовления Костромы к ожидаемым торжествам, помимо упорядочения мостовых, украшения города, съезда со всей губернии представителей крестьян, депутаций и т.д., заключались и в устройстве кустарно-промышленной выс-

Владимир Федорович Джунковский. Фото начала века.

ФЛАГИ.

Къ предстоящимъ торжествамъ и пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ

въ г. Костромѣ заготовленъ большой выборъ форменныхъ національныхъ флаговъ спеціально для торжествъ, древка для флаговъ и разныя декоративныя украшенія.

Принимаю заказы на всѣ декоративныя украшенія домовъ, фасадовъ, арокъ, столбовъ, стяговъ, вензелей, орловъ, украшеній зеленью національными форменными флагами какъ снаружи, такъ и внутри зданій. Съ заказами прошу обращаться заблаговременно. Флаги для всѣхъ учебныхъ заведеній и потѣшныхъ войскъ.

Красильня П. П. Бочарова.

(Русина ул. соб. домъ, телефонъ № 132).

тавки по инициативе Костромского земства, которая, будучи широко задумана, удалась вполне, блеснув не только произведениями костромичей, но и красивыми выставочными зданиями; затем при музее археологической комиссии, по мысли известного деятеля П.П. Селифонтова, был устроен "Романовский музей", который был отделан и оборудован при губернаторе Стремоухове, положившем много труда и энергии.

Ко дню высочайшего прибытия все было готово, и древний город Кострома, разукрашенный и многолюдный, ждал с нетерпением, когда из-за поворота Волги мимо города пройдет царская флотилия, направляясь к особо устроенной пристани у Ипатьевского монастыря.

В ночь на 19-е царская флотилия стояла на якоре в 30 верстах не доходя до Костромы. Вечером, когда стемнело, я на моторной лодке отправился к месту стоянки флотилии; была чудная лунная ночь, но несколько прохладная. Достигнув флотилии, я подошел к пароходу мин(истра) пут(ей) сообщ(ения) и, сделав подробный доклад министру Маклакову, вернулся обратно в Кострому.

Наступило 19 мая. С самого раннего утра началось в Костроме необычайное движение: целыми густыми толпами стал стекаться народ к берегу Волги, и уже к 8 часам утра весь берег представлял собой море голов. Все спуски к реке и даже р. Кострома и Муравьевка кишели плотами, наполненными народом. Наконец показалась царская флотилия, раздался салют с батареи на Городищенской высоте, загудели колокола, громкое потрясающее ура огласило воздух. Подошла к Костроме "Межень", на которой развевался царский штандарт, направляясь к особой царской пристани у Ипатьевского монастыря.

Государь, в мундире Эриванского полка, принял рапорт губернатора Стремоухова, поздоровался со встречавшими, поднялся на берег, принял хлеб-соль от местных крестьян и подошел к почетному караулу эриванцев.

Пропустив их церемониальным маршем, их величества направились в коляске к Ипатьевскому монастырю между шпалерами эриванцев, пултусцев и гребенских казаков. Могучее ура сопровождало их. У Зеленых ворот Ипатьевского монастыря государь, сопровождаемый своей семьей и лицами свиты, был встречен архиепископом Тихоном с братией обители и крестным ходом, прибывшим из Костромы.

Держа список Федоровской иконы Божьей Матери, которым 300 лет назад инокиня Марфа благословила на царство своего сына отрока Михаила Федоровича, архиепископ Тихон сказал приветственное слово:

"Ваши императорские величества. Благочестивейший государь и благочестивейшая государыня. На этом месте, за этими высокими стенами, три века тому назад открылись дивные дела Божьего промышления — в нашем дорогом отечестве иноческая обитель, основанная татарским мурзою, родоначальником бояр Годуновых, сохранила в своих стенах драгоценную жизнь юного боярина Михаила Федоровича, родоначальника августейшего дома Романовых. Иноческая обитель, с таким тщанием устроенная Годуновым, который, вопреки Божьей воле, стремился удержать царский трон в своем роде, по устроению Божию, стала колыбелью августейшего дома Романовых. Летописец, бывший свидетелем воцарения благоверного государя Михаила Федоровича в стенах Ипатьевского монастыря, говорит: "Великая была тогда радость в Костроме и всей Москве", но если бы тот же летописец был свидетелем настоящего высокого торжества, если бы он видел это царственное пришествие к нам, если бы он слышал этот благовестный гул, эти клики всеобщего восторга, сказал бы он о настоящем дне: "Великая радость в Ипатьевской обители и во всей Костроме". Да будет благословенно и это царственное пришествие к нам ваших императорских величеств, благоверного государя наследника

цесаревича и всего царствующего Дома".

Приложившись к родовой иконе, царь со своей семьей вышел на берег р. Костромы для встречи городского крестного хода, за которым следовали все прибывшие в Кострому особы императорского дома, и затем все вступили в Успенский собор — храм древней, какой-то особенной трогательной красоты. По окончании богослужения государь, сопутствуемый А.Г. Булыгиным, председателем Комитета по устройству празднования 300-летия дома Романовых, приступил к подробному осмотру древнего храма и затем со всеми членами царской фамилии перешел в "Романовские палаты" во дворе обители, где осматривал предметы времен царя Михаила Федоровича.

Из обители их величества возвратились на пароход, где состоялся семейный завтрак. После небольшого отдыха их величества с августейшими детьми на пароходе "Межень" отплыли к городу и остановились у царской городской пристани, где городской голова Шевалдышев приветствовал государя следующей речью:

"Несказанно счастливы жители г.Костромы, встречая ваше императорское величество у подножия старого Костромского кремля, где хранится чудотворная святая икона Федоровской Божьей Матери, где триста лет тому назад стоял осадный двор любимых костромских бояр Романовых, где ныне воздвигнется величественный памятник, памятник славы предков вашего императорского величества, памятник славы прошлого России, сделавшейся под державным руководством венценосных костромских бояр Романовых из маленького Московского государства величайшей империей мира.

Знаем мы, государь, что живы в народе русском заветы костромичей Сусанина и Комиссарова, знаем мы и то, что родная наша по своему историческому прошлому династия поведет Россию по пути славы и величия.

Примите, царь-батюшка, хлеб-соль".

Поблагодарив городского голову и приняв почетный караул от Пултуского полка, государь в коляске направился к Романовскому музею чрез особые ворота, устроенные в старорусском стиле.

Еще задолго до прибытия государя к пристани собрались толпы учащихся, а за ними народ, расположившийся по всему пути до Романовского музея.

Подробно осмотрев музей и поблагодарив всех жертвователей и устроителей, государь со своей семьей и сопровождавшими прошел в дворянское собрание, где собрались все местные дворяне с семьями и где уже находились и все особы императорского Дома и другие приглашенные.

В белом зале губернский предводитель дворянства Зузин приветствовал государя речью, после которой хор Императорского русского музыкального общества исполнил гимн, подхваченный пением всех дворян. Затем последовало концертное отделение, в котором принимали участие Збруева, Дмитриева, Барсуков, Петров и др. Концерт шел во время чая, предложенного дворянами высоким гостям. Затем государь обходил дворян и, когда было подано шампанское, в ответ на здравицу за царя и семью царскую государь обратился с следующими словами:

"От имени ее величества и от моего и всей нашей семьи сердечно благодарю костромское дворянство за его радушный прием и гостеприимство.

Я счастлив, что первое посещение мое Костромы с моей семьей состоялось в нынешнем году и совпало с 300-летием царствования нашего Дома, чем мы всегда связаны с Костромой, со всеми ее сословиями.

От души пью за процветание и здоровье костромского дворянства и за ваше здоровье, господа".

Восторженное "ура" вырвалось у дворян на эти слова, но этим дворяне не ограничились: дворянин Красильников пожертвовал в память этого посещения 25000 руб. на учебно-воспитательные цели, а собрание дворян на те же цели учредило особый капитал в 500000 р., названный "Романовский".

Уже стало вечереть, когда их величества оставили собрание и вернулись на пароход.

Вечером в 8 час. на пароходе "Царь Михаил Федорович" состоялся парадный обед, на котором присутствовали их величества и все особы царской фамилии, высшие военные и гражданские власти и представители города, земства и сословных учреждений. Направо от государя сидела вел(икая) кн(ягиня) Анастасия Михайловна, налево — вел(икая) кн(ягиня) Мария Александровна. Напротив — гофмаршал Бенкендорф, имея по правую сторону Коковцева, по левую — архиепископа Тихона. В это время вся Кострома зажглась огнями иллюминации. Благодаря недавно устроенному электрическому освещению в городе, иллюминация вышла очень эффектной. Огнями горели не только городские здания, но и Ипатьевский монастырь, и все храмы, точно в пасхальную ночь.

На время торжествъ
сдаются комнаты съ обстановкой прислугой, телефономъ, ванной, по желанію со столомъ. Еленинская ул., д. № 17—противъ 2-й мужской гимназіи. 1257—3

Очень красиво были иллюминованы пароходы на Волге, отражавшей тысячи огней, которые прорезали сотни лодок с весело певшими учащимися. Поразительно красив был и фейерверк, сожженный в 11 часов на стрелке около Ипатьевского монастыря. На Сусанинской площади приехавшие со своим оркестром на торжество учащиеся г. Кинешмы неумолчно по требованию народа играли и пели "Боже, царя храни". Всю ночь тихая в обычное время Кострома почти не спала.

Настал второй день празднеств в Костроме — 20 мая. В 10 часов утра царский пароход отошел от царской пристани у Ипатьевского монастыря, направляясь к городской пристани.

Много десятков тысяч народа сплошь заполняли весь берег. Встреченные на пристани высшими и городскими властями, их величества проследовали вверх до площади среди шпалер: потешных с ружьями, отрядов гимназистов и реалистов и других учащихся; на площади стояли уже войска, за которыми море голов собравшегося народа. Неумолкавшие крики "ура", покрывавшие звуки оркестров музыки, сопровождали их величества до самого собора.

Принимая подносимые им иконы, их величества с своей семьей выслушали следующее слово, произнесенное настоятелем городского собора:

"Ваши императорские величества. Когда благоверный государь Михаил Федорович после долгого раздумья и неоднократных отказов изъявил, наконец, свое согласие принять царский скипетр державы Российской — это было три века тому назад, в Костроме, в Ипатьевском монастыре, — тогда родительница его старица инокиня Марфа Иоанновна, взяв сына своего за руки и вместе с ним преклонив колена перед чудотворной Федоровской иконой Божьей Матери, произнесла эти замечательные слова: "Се Тебе о Богомати, в Твои пречистые руки вверяю сына моего. Наставь его на истинный путь, устрой все полезное ему и всему христианству". Этой же иконой Божьей Матери она благословила сына своего на царство. С тех пор Федоровская Богоматерь является всегдашнею помощницей и покровительницей всех наших православных русских царей из дома Романовых. Ея всемощный и благодатный покров да будет неизменно распростерт и над вами, благочестивейший государь и благочестивейшая государыня, над благоверным государем наследником цесаревичем и над всем царствующим домом. Костромской кафедральный собор бьет челом вашим императорским величествам — благоволите принять в благословение эти святые иконы Федоровской Божьей Матери".

После молебна к месту закладки памятника дому Романовых тронулся крестный ход из собора. Удивительно красив был этот крестный ход. На солнце блестели синие узорчатые стихари певчих и облачения духовенства, специально заказанные для Романовских торжеств из цветной золото-розовой и зеленой парчи под древний рисунок. За крестным ходом шли государь в форме своего Эриванского полка, императрица, великие княжны, прочие особы императорского дома.

По вступлении на помост началось молебствие, после чего по водоосвящении протодиакон Померанцев громко, на всю площадь, прочел надпись, вырезанную на закладной доске. После этого на фундамент памятника поднялся архиепископ Тихон, за ним государь. Председатель комитета поднес его величеству на блюде юбилейный рубль, и государь, а за ним и все высочайшие особы опустили монеты в чашку, архиепископ же Тихон, окропив святой водой доску, покрыл ею чашку, после чего рабочие залили доску цементом. Затем председатель поднес государю именной кирпич, окропленный св. водой, а строитель — молоток и помог уложить кирпич. Таким же образом положили кирпичи государыня, прочие особы царской фамилии и др. лица.

По окончании закладки крестный ход направился обратно в собор, а государь с наследником перешли в павильон, устроенный городом на крутом берегу Волги.

Как только царь показался на высоте павильона, то гря-

нуло такое "ура", которого я никогда не забуду. Громовое "ура" не прекращалось, пока войска не выстроились к церемониальному маршу. Гудели колокола, народ, восторженно крича, бросал вверх шапки; буквально море народа, и среди него женщины в их ярких платьях костромских цветов под ярким солнцем представляли картину, которая, казалось, никогда не изгладится из памяти. До сих пор я вспоминаю эту картину не без волнения.

Начался церемониальный марш. Молодецки прошли войска под звуки марша на мотивы из оп(еры) "Жизнь за Царя". По окончании парада государь отбыл в коляске в губернаторский дом, а императрица с августейшими детьми — в Богоявленский женский монастырь.

В саду губернаторского дома государь принимал должностных лиц и депутации. В глубине сада тянулся обширный навес, под которым за накрытыми столами стояли все волостные старшины губернии во главе с белопашцами, потомками Сусанина и Сабинина. Тут же была и депутация крестьян-хуторян.

Государь обходил собравшихся, беседуя со многими в отдельности.

От имени хуторян крестьянин Зотов сказал следующее благодарственное слово государю:

"Ваше императорское величество. От хуторян и отрубников Костромской губернии имеем счастие повергнуть к стопам вашим нашу верноподданническую преданность, беспредельную любовь и глубокую благодарность за дарованный новый земельный закон. Закон этот, как представивший нам возможность быть действительными хозяевами своей земли, вносит в нее без всякого опасения разумные улучшения к поднятию доходности своего сельскохозяйственного труда, явился для каждого, любящего свою землю, поистине прямым благодеянием.

Глубоко благодарные тебе, всемилостивейший государь, за постоянные о нас заботы и попечения, мы всечасно приносим горячие молитвы о драгоценном здоровье за своего царя-батюшку и молим Всевышнего, да сохранит Он тебя на многие годы для счастия, славы и процветания Родины. Низко кланяясь тебе, государь, просим тебя принять нашу крестьянскую хлебсоль".

Поблагодарив хуторян, государь приблизился к белопашцам и волостным старшинам. Среди белопашцев выделялся унтер-офицер л(ейб)-гв(ардии) Конно-Гренадерского полка Сабинин, прямой потомок Ивана (ошибка, следует: Богдана — прим. Н.С.) Сабинина и Ивана Сусанина (по дочери его).

Один из волостных старшин, поднося государю хлеб-соль с двумя ассистентами, обратился к государю с речью, но от волнения не мог произнести ни слова. Он начал:

"Ваше императорское величество..." — и замолчал, подыскивая слова, затем опять: "Ваше императорское величество", — опять молчание. "Ваше императорское величество", — сказал он в третий раз. Прямо жалко было на него смотреть. Государь удивительно ласково улыбнулся и сказал ему: "Что же ты еще мне скажешь...". Очевидно, ободренный ласковым тоном государя и его добрым взглядом, старшина воскликнул: "Ура вашему императорскому величеству!" — и подал хлебсоль.

Государь с словами "Вот и хорошо" взял за плечи несчастного растерявшегося старшину и поцеловал его три раза.

У многих старшин на глазах появились слезы, все были растроганы этой сценой. Обойдя столы белопашцев и волостных старшин, государь обратился к ним со следующими словами:

"Я счастлив был прибыть в Кострому с ее величеством и семьей своей в год празднования 300-летия царствования нашего дома и радуюсь также видеть вас, представителей моего верного костромского населения, которое так славно показало себя в лице Ивана Сусанина 300 лет назад. Я уверен, что та любовь и преданность, которую он показал моему предку, никогда не иссякнет, пока жива будет земля русская. Пью за ваше здоро-

Костромская Губернская Земская Выставка

въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія

ДОМА РОМАНОВЫХЪ

Комитетъ Выставки объявляетъ, что выдача билетовъ лицамъ, имѣющимъ право присутствовать на территоріи Выставки 20 мая, во время Высочайшаго ея посѣщенія, и сдѣлавшимъ своевременно заявленія, будетъ производиться въ канцеляріи Выставки (Воскресенская ул., д. Толстопятова)

Съ 12 по 17 мая включительно отъ 12 до 1½ час. дня

вье, за белопашцев и за все население Костромской губернии".

Громовое "ура" раскатилось по саду.

Из губернаторского дома государь проехал в Пултусский полк в офицерское собрание, где были собраны все офицеры с командиром полка и высшим начальством во главе. Побеседовав с офицерами, участвовавшими в русско-японской войне, государь осмотрел полковой музей, поднял чару вина за процветание молодого Пултусского полка и благодарил всех за службу.

Пройдя затем во двор казарм, государь обошел выстроенных нижних чинов, поблагодарил их за бравую службу и, снявшись в группе с офицерами, отбыл на пристань, чтобы встретиться с императрицей и августейшими детьми. Наскоро позавтракав на пароходе, их величества посетили больницу Красного Креста, после чего осматривали наиболее сохранившийся из древних храмов — церковь Воскресения на Дебрях и отбыли на открытие земской выставки, где уже находились все высочайшие особы и высшие военные и гражданские чины и представители земства.

Выставка была очень интересная, разнообразная и красивая. В главном павильоне было подано шампанское. Подняв бокал, государь пил за здоровье устроителей выставки, а представитель промышленников произнес приветственную речь, поднося государю хлеб-соль. В одном из павильонов, выстроенном в стиле XVII века, государь пил чай, во время которого пел соединенный хор учащихся городских школ. Чудную картину представлял отъезд государя: против выставки по обеим сторонам разукрашенной выставочной пристани весь крутой берег реки сплошь был покрыт морем голов. Вся Кострома была здесь. Когда эти тысячи народа увидали государя, все слилось в радостный клик. На выставке зазвонили колокола-экспонаты, а за ними колокола всех церквей. Крики "ура" и гимн раздавались в воздухе, когда пароход "Межень" отходил от пристани и государь, стоя на палубе, кланялся народу.

Юбилейная медаль.

В 8 часов вечера вновь на пароходе "Царь Михаил Федорович", как и накануне, состоялся парадный обед, а ночью провожаемые народными кликами их величества отбыли вверх по Волге в Ярославль. Кострома в это время блистала огнями, колокола всех церквей гудели.

Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти, я был счастлив, что Господь сподобил меня быть свидетелем этого ни с чем не сравнимого патриотического подъема в народе. Одно только, что оставило во мне осадок, — это присутствие Распутина в Ипатьевском соборе и на закладке памятника. Как только я приехал в Кострому, губернатор Стремоухов встретил меня с озабоченным лицом, спрашивая моего совета как быть. Оказалось, в тот день утром в Кострому приехал Распутин с епископом Варнавой или с кем-то другим, не помню, и потребовал от билетного бюро выдачи ему билета на все торжества. Стремоухов оставил это до моего приезда. Я дал совет — билета отнюдь не давать, но и не удалять из города. Если хочет быть на торжествах, то с народом может быть, где ему угодно, это никого не касается, билеты же даются лицам официальным, а Распутин, не занимая никакой должности, права на билет не имеет. А в случае, если бы Распутин настаивал, я сказал Стремоухову, чтобы он объявил, что мне его просьба была доложена и я отказал. Все же Распутин прошел в Ипатьевский собор и стоял в алтаре, будучи проведен туда по приказанию императрицы агентом дворцовой охраны, затем он присутствовал и при закладке на площади, стоял в стороне с этим агентом дворцовой охраны. На других торжествах его больше видно не было, и на пароход "Межень" он тоже, к счастью, не появлялся. Для многих, которые видели Распутина, это явилось большим соблазном, к счастью большинство об его присутствии не знало, а костромичи были далеки от этих мыслей. Вечером, по отбытии государя из Костромы, в дворянском собрании состоялся бал в честь высочайших особ, прибывших в Кострому. Я, к сожалению, воспользоваться приглашением не мог, т.к. торопился выехать в Ярославль, чтоб успеть заблаговременно туда приехать. (...)

ГАРФ, Ф.826, Оп.1, Д.53, Л.63-67, 103-104, 120-132.

Публикации подготовлены Николаем СОРОКИНЫМ

В ТЕНИ ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВ

Меры безопасности при посещении Николаем II Костромы 19-20 мая 1913 г.

В начале 1913 года Костромская полиция начала осмотры улиц, по которым должна была проехать императорская семья. Всех политически неблагонадежных по распоряжению губернатора от 16 февраля в административном порядке выселяли из губернии на срок до восемнадцати месяцев. (1)

Власти требовали от жителей наведения порядка и чистоты. По указу губернатора от 19 января 1913 года костромичи должны были дать подписку в губернском жандармском управлении о том, что они к 10 мая уберут свой двор, очистят помойные ямы и соберут дрова в поленницы. Особое внимание уделялось погребам, горожане должны были по первому требованию предоставлять их для осмотра полиции. (2)

За два месяца до приезда Николая II в Костроме побывал товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский, лично отвечавший за безопасность императора во время его поездки по России. В.Ф. Джунковский осмотрел весь маршрут планировавшегося высочайшего посещения, встретился с губернатором и побывал на заседании специальной комиссии, занимавшейся подготовкой мер безопасности на будущих торжествах. Комиссия постановила организовать в Костроме временные межведомственные регистрационные органы: регистрационное и билетное бюро. (3)

Временное регистрационное бюро было создано 13 апреля 1913 года и располагалось на Никольской улице в доме 23. Так как маршрут посещения был к тому времени уже полностью разработан и утвержден, сотрудники регистрационного бюро начали тщательную проверку благонадежности всех жителей улиц, по которым предстояло проехать Николаю II. Если проверяемый человек был политически благонадежен, не состоял на учете в полиции и не был замечен в антиправительственных выступлениях, то ему выдавался белый листок, второй экземпляр которого оставался в бюро. В этом листке указывались: фамилия, имя, отчество, звание, сословие, вероисповедание, адрес, место службы, приметы, знакомства, связи человека. (4) С этим листком он мог приобретать билеты для посещения торжеств. Иностранцам выдавались красные листки, иногородним — желтые, евреям — синие. Еще одну категорию составляли розовые листки. Как гласила специальная инструк-

Государственный банк.
Фото С.И. Желоховцева с открытого письма. 1913 г.

ция, "розовые листки составляются на тех лиц, коих легальность или благонадежность по каким-либо причинам для полицейского чиновника явится сомнительной. На таковые же листки заносятся сразу и те лица, которые не могут быть удостоверены каким-либо из жителей города Костромы". (5)

Вся подлежащая проверке территория делилась на районы. В каждом районе существовала комиссия, состоящая из полицейских чинов. Всего в Костроме находилось шесть комиссий. Первая комиссия отвечала за Ипатьевский монастырь, Богословскую слободу, губернские присутственные места. Вторая комиссия отвечала за территорию от Ильинской улицы до улицы Русина, Воскресенскую площадь и все магазины на ней, церковь Воскресения, Масляные ряды, гостиный двор, городскую управу, Табачные ряды, городской бульвар, малый городской сквер, Успенский собор. В ведении третьей комиссии находилась Сусанинская площадь от Никольской до Еленинской, а также от Павловской до Златоузской улиц, Дворянское собрание, Романовский музей, дом губернатора, Ивановская улица. Четвертая комиссия ведала территорией от Сусанинской площади до Еленинской улицы, Сусанинским сквером, Мучными рядами, губернским жандармским управлением, Богоявленским монастырем, а также Павловской, Пятницкой и Воскресенской улицами. Царской пристанью, Земской выставкой и территорией вокруг нее ведала шестая комиссия. (6)

Комиссия знакомилась с местностью, проводила ее подробное описание с указанием наименований улиц, переулков, номеров домов, составляла списки жильцов. Также осматривались нежилые строения: подвалы, погреба, сараи. Все данные комиссий попадали к председателю бюро.

Временное регистрационное бюро вело переписку с полицейскими участками в разных регионах России. Каждый день отправлялись запросы для проверки того или иного человека. Только за апрель месяц было отправлено 178 телеграмм на сумму 220 рублей 50 копеек. (7)

В бюро работало 52 человека, из которых двенадцать человек служили дворцовыми агентами, шестнадцать — полицейскими урядниками, восемь — писцами из Санкт-Петербургского регистрационного отдела, трое — унтер-офицерами Санкт-Петербургского жандармского управления, трое — полицейскими надзирателями, четырнадцать — председателями комиссий. В целях безопасности и контроля все члены регистрационного бюро жили на служебных квартирах при бюро, в которые им строго запрещалось приводить посторонних.

Учреждением, занимавшимся выдачей и продажей билетов на право посещения юбилейных торжеств, являлось Билетное бюро, созданное 23 апреля 1913 года. Билеты продавались только проверенным и политически благонадежным людям, получившим в Регистрационном бюро белый, розовый, синий, красный или желтый листок. Билеты требовалось приобретать заблаговременно, поскольку за два дня до приезда Николая II бюро прекращало свою деятельность. (8)

В конце апреля в Регистрационное бюро пришел запрос от представителя Дворцового коменданта начальника секретной охраны полковника А.И. Спиридовича. В запросе А.И. Спиридович просил прислать ему акты проверки мест высочайшего посещения и планы их охраны. За каждое место посещения был ответственен один из высокопоставленных полицейских чинов, в подчинении которых находились все местные полицейские, сотрудники отряда секретной охраны и центрального филерского отряда. У каждого подчиненного был определенный участок охраны и обязательные инструкции, согласно которым он должен был действовать. В инструкциях обращалось внимание на то, что наибольший вред высочайшим особам могут нанести анархисты, члены революционных организаций, фанатики из иноверцев, психические больные и так называемые "неудачники". Было решено оградить императора и его семью от всевозможных неприятных встреч: "алкоголики не должны быть допущены к линии проезда, сумасшедших должны передавать родственникам или в больницы". (9)

Распоряжением губернатора от 20 апреля запрещалось производить без патента торговлю казенным вином и спиртом, а также регламентировалась работа винных лавок. Держателям лодочных причалов запрещалось выдавать в прокат лодки малолетним, распивать в лодках горячительные напитки и петь непристойные песни. За нарушение данных постановлений предусматривался штраф в размере 500 рублей или трехмесячное заключение под стражу. (10)

К маю 1913 года в целях поддержания правопорядка в городе штат городовых был увеличен вдвое. Специально для охраны губернаторского дома, в котором должен был присутствовать Николай II, из штата полиции было выделено 11 человек. Кроме того, город заполнили войска, прибывшие для охраны царской семьи и участия в праздничном параде и военных смотрах. (11)

В ночь на шестнадцатое-семнадцатое мая на улицах Костромы проводились облавы, в результате которых было задержано 48 человек без письменного разрешения, из них 12

человек были отправлены этапным порядком в места приписки, а остальные оставлены в городе под стражей. (12)

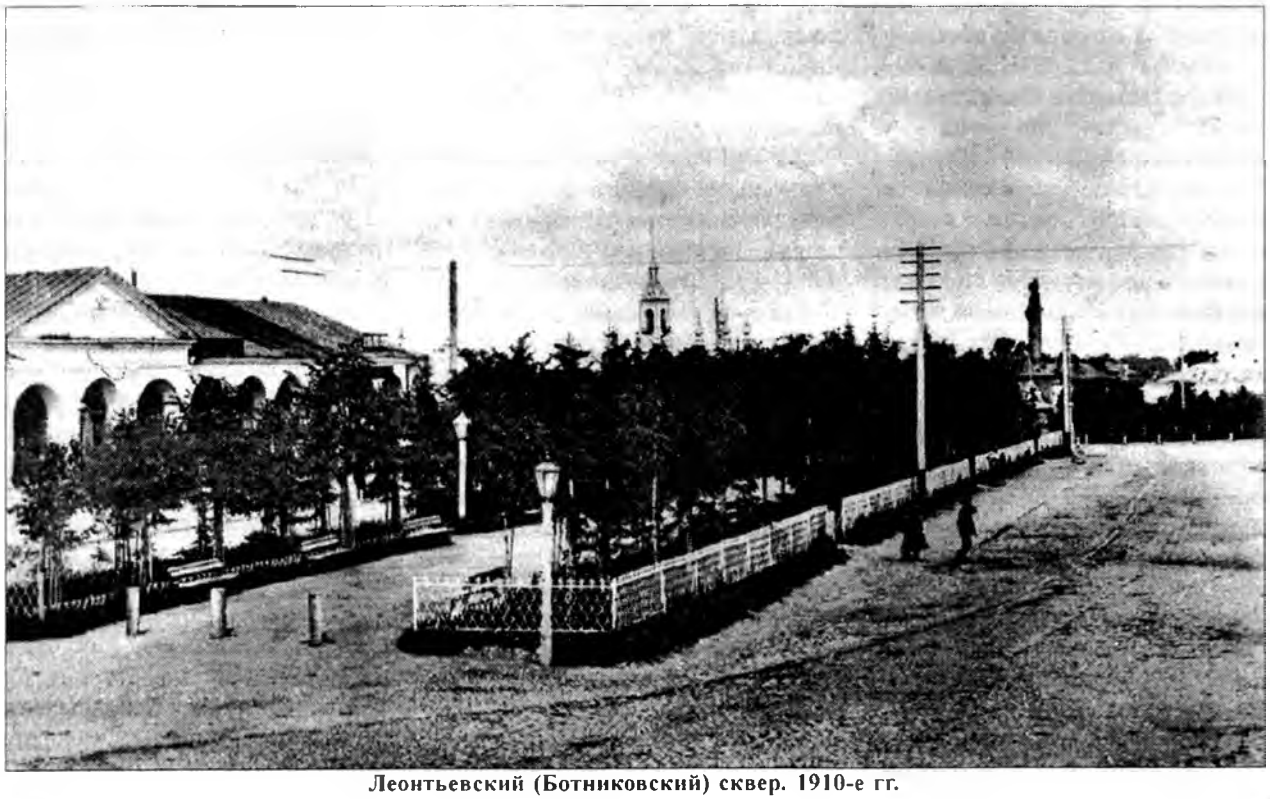
Восемнадцатого мая в город прибыл начальник секретной охраны полковник А.И. Спиридович, который с этого момента стал руководить всеми действиями по обеспечению безопасности. В этот же день закончилась регистрация населения.

За время проверки горожан было выявлено большое количество политически неблагонадежных людей. Тщательно проверялись слухи о готовящемся покушении на Николая II и его семью. Так 27 марта в Костромском губернском жандармском управлении проводилось расследование, по заявлению жены чиновника А.А. Назаровой, о якобы преступном заговоре, направленном против императора. (13) В результате расследования, проведенного опытным сотрудником, информация не подтвердилась и никакого заговора выявлено не было. В архивных документах и газетах того времени неоднократно отмечается высокий уровень организации и проведения празднования 19-20 мая. В эти дни в Костроме не произошло ни одного инцидента или правонарушения, тем более — попытки террористического акта. Спокойствие императора, его семьи и свиты, многочисленных гостей и еще более многочисленных зрителей праздника обеспечивала серьезная многомесячная работа полицейских, жандармов, чиновников, секретных агентов, по долгу своей службы остававшихся в тени юбилейных торжеств. Тем не менее их труд не остался незамеченным. Николай II отметил четкое взаимодействие разных полицейских подразделений и охранных отделений и наградил офицеров и высших чинов полиции высокими правительственными наградами: орденами Святой Анны, Святого Станислава второй и третьей степени. Многие полицейские получили в награду золотые и серебряные часы, золотые жетоны. Низшим чинам полиции и полицейской стражи было пожаловано по серебряному рублю, а наиболее отличившиеся получили серебряные медали "За усердие". (14)

Роман РЯБИНЦЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 429. Л. 4.
2. Там же. Д. 421. Л. 15.
3. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 66-67.
4. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 421. Л. 23.
5. ГАКО. Ф. 756. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
6. Там же. Д. 1. Л. 1, об.
7. Там же. Д. 14. Л. 13-20, об.
8. Там же. Д. 8. Л. 37.
9. Там же. Д. 266. Л. 29-56.
10. Там же. Д. 3. Л. 2.
11. Анохин А.А. Преображение Костромы. // Губернский дом. 1993. № 1. С. 16.
12. ГАКО. Ф. 756. Оп. 1. Д. 14. Л. 34-42.
13. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 395. Л. 16, об.
14. Виноградов Н.Н. Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии. 19-20 мая 1913. Кострома, губ. тип. 1914. С. 216-229.

Леонтьевский (Ботниковский) сквер. 1910-е гг.

"КОСТРОМСКИЕ" ПОЛКИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

До создания Петром 1 регулярной армии стрелецкие полки и полки "иноземного строя" именовались по имени командира. В 1700 г., создавая новые полки, Петр 1 в основном придерживался этой традиции. Так полк, впоследствии ставший 19-м пехотным Костромским, именовался: Николая фон Вердена полк. Только "потешные" полки, ставшие первыми гвардейскими полками русской армии, именовались по названиям подмосковных сел, где они формировались — Преображенским и Семеновским. Но в 1708 г., желая навеки связать свои молодые полки с русской землей, Петр Великий дал им имена городов и провинций России. (1)

Надо сказать, что большинство полков никогда не были в городах, чье имя носили: 19-й пехотный Костромской полк никогда не был в Костроме; сформированный в Севастополе 20-й Галицкий никогда не квартировал в Галиче.

Вначале полки объединялись в "генеральства", затем их стали сводить в дивизии, причем в дивизию включались полки с наименованиями, относящимися к одной губернии или рядом расположенным губерниям. Так, в 5-ю пехотную дивизию были включены: 17-й Архангелогородский, 18-й Вологодский (1-я бригада), 19-й Костромской и 20-й Галицкий (2-я бригада) полки. Полки этой дивизии — заслуженные полки российской армии, участвовавшие во многих походах и войнах. В жестоких боях они заслужили Георгиевские знамена и другие коллективные знаки отличий.

Во время Первой мировой войны были сформированы новые полки, получившие имена городов Костромской губернии. По плану мобилизации на основе полков 46-й пехотной дивизии была сформирована 81-я пехотная дивизия, которая после краткой подготовки убыла на фронт. В её состав вошел 322-й пехотный Солигаличский полк, развернутый из 245-го Солигаличского резервного батальона и получивший новый номер. В значительной части он пополнился за счет солдат запаса — костромичей.

Полковой знак Пултуского полка.

В то время была нарушена традиция сводить полки по названиям городов одной губернии или соседних губерний в одну дивизию, поэтому полки 3-й и 4-й очереди, получившие имена городов одной губернии, оказывались в разных дивизиях. Отчасти это понятно — эти полки формировались в разное время, формировались в спешке и получали наименования без всякой системы. Так в российской армии в 1915 г. появился 491-й пехотный Варнавинский полк 123-й пехотной дивизии; в 1916-1917 гг. была сформирована 178-я пехотная дивизия 4-й очереди, в которой три полка носили имена городов Костромской губернии: 709-й пехотный Кинешемский, 710-й пехотный Макарьевский и 711-й пехотный Нерехтский, а 712 пехотный полк носил наименование Узенский. Был сформирован также 238-й пехотный Ветлужский полк. Полки 2-й — 3-й — 4-й очереди ничем себя в боях Мировой войны не прославили.

Кроме полков, носивших имена городов Костромской губернии, в российской армии были полки, связанные с Костромой другими узами: в разное время они стояли в Костроме, были связаны с жизнью города.

В конце XVIII в. В Костроме стоял 9-й пехотный Ингерманландский полк, тот самый, в который поручиком был выпущен А.В. Суворов. В этом полку служил полковником Петр Григорьевич Бардаков, участник суворовских походов, в 1812-1814 гг. командир Костромского ополчения, за храбрость при штурме Очакова награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени, а 3-ю степень заслуживший в 1794 г. в Польше.

Но, пожалуй, самым "костромским" был 183-й пехотный Пултуский полк, стоявший в Костроме в 1903-1914 гг. Отсюда он ушел на войну, здесь остались семьи офицеров и сверхсрочнослужащих, да и полк, выделив кадр на формирование 322-го Солигаличского полка, пополнился запасными из Костромской губернии. Костромичи поддерживали связь со "своим" полком, делегации горожан посещали пултусцев на фронте, привозили им подарки

от костромичей. Еще не так давно среди старых костромичей жила память о Пултуском полке. Вот почему рассказ о "костромских" полках нужно начать с него.

К 1811 г. война вплотную придвинулась к границам России. Не было секретом, что, перекроив по своему желанию карту Европы, Наполеон подтягивает французские войска и войска своих союзников к российским границам. Зная это, российское правительство также готовилось к войне. Полки русской армии покинули места своей дислокации и стали сосредотачиваться на западных границах Империи.

Для несения гарнизонной службы, охраны военного имущества, подготовки резервов указом 17 января 1811 г. были сформированы губернские внутренние полубатальоны, указом 27 марта того же года переформированы в губернские внутренние батальоны. Так в российской армии появились Костромской, Смоленский и Черниговский внутренние губернские батальоны, из которых впоследствии и был сформирован один пехотный полк.

Одним и тем же указом 14 июня 1816 г. эти батальоны поменяли свои названия и стали называться Костромским, Смоленским и Черниговским внутренними гарнизонными батальонами. В 1864 г. они снова поменяли названия и стали именоваться губернскими, соответственно Костромским, Смоленским и Черниговским. 26 августа 1874 г. Смоленский и Черниговский губернские батальоны стали именоваться местными батальонами, а Костромской сохранил прежнее наименование.

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. батальонам было предписано 31 июля 1877 г. выделить кадр для сформирования резервных батальонов: Костромскому — 41-го резервного, Смоленскому — 33-го резервного, Черниговскому — 28-го резервного, после чего они были вновь укомплектованы. 31 августа 1878 г. батальоны получили номера и стали именоваться: Костромской — 81-м, Смоленский — 74-м и Черниговский — 47-м резервными пехотными батальонами. 25 марта 1891 г. батальоны были снова переформированы и вновь получили собственные наименования. Но так как в российской армии уже существовали Костромской, Смоленский и Черниговский полки, переформированные части стали именоваться: 81-й резервный пехотный батальон — Солигаличским, 74-й — Красненским, а 47-й был переформирован в 172-й пехотный резервный Пултуский полк. 1 января 1898 г. он сменил номер и стал 183-м пехотным резервным Пултуским полком.26 мая 1899 г. сменили номера и резервные пехотные батальоны: Солигаличский стал 245-м, а Красненский — 240-м.

Во время русско-японской войны эти части были развернуты в полки и с 18 декабря 1905 г. стали именоваться 240-м пехотным Красненским, 245-м пехотным Солигаличским и 183-м пехотным Пултуским полками. С окончанием войны, 15 марта 1906 г., они были возвращены в прежнее состояние и им были присвоены прежние наименования.

В 1910 г. резервные и крепостные части были переформированы в пехотные полки, составившие 46-ю — 52-ю пехотные дивизии. Так 20 февраля 1910 г. 183-й пехотный резервный Пултуский полк, 240-й Красненский и 245-й Солигаличский резервные батальоны были соединены в один полк, названный 183-м пехотным Пултуским.

До 1903 г. Пултуский полк стоял в Варшаве. Однако в начале XX в. изменилась русская военная доктрина, вследствие чего ряд частей был выведен из Варшавского военного округа во внутренние губернии России. Так Пултуский полк и Красненский батальон оказались в Костроме.

В 1902-1903 гг. в Пултуском полку командовал ротой капитан А.И. Деникин, будущий генерал, командир прославленной Железной дивизии, а затем командующий Вооруженными силами Юга России. В те годы он ничем особым не выделялся из числа ротных командиров, разве тем, что под довольнотаки прозрачным псевдонимом "И.Ночин" печатал свои рассказы и очерки в военной периодике, в частности, в журнале "Разведчик".

Офицер-артиллерист, Деникин впервые увидел нелегкую жизнь пехотного солдата именно во время службы в Пултуском полку, где он по окончании Академии Генерального Штаба для отбытия ценза командовал ротой. В своей незаконченной автобиографической книге "Путь русского офицера" Деникин писал: "Солдат наш жил в обстановке суровой и бедной. В то время...в казарме вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. На них — соломенные тюфяки и такие же подушки без наволочек, больше ничего. Покрывались солдаты шинелями — грязными после учения, мокрыми после дождя. Одеяла были мечтой наших ротных командиров, но казенного отпуска на них не было. Покупались поэтому одеяла за счет полковой экономии или путем добровольных вычетов при получении солдатских денежных писем из дому. Я лично этих вычетов не допускал. Только в 1905 году введено было снабжение войск постельным бельем и одеялами. Пища солдата отличалась нео-

Участник русско-турецкой войны, курьер казенной палаты Иван Васильевич Соколов. Фото конца XIX в.

быкновенной скромностью. Типичное суточное меню: утром чай с черным хлебом (в день полагалось 3 фунта хлеба — 1,2 кг); в обед — борщ или суп с 1/2 фунта мяса или рыбы (после 1905 года 3/4 фунта) и каша; на ужин — жидкая кашица, заправленная салом. По числу калорий и по вкусу пища была вполне удовлетворительна и во всяком случае питательнее, чем та, которую крестьянская масса имела дома. Злоупотреблений на этой почве почти не бывало". (2)

В Костроме Пултуский полк располагался на Еленинской улице (теперь улица Ленина) в так называемых "Мичуринских казармах"; 4-й батальон располагался в самом конце Русиной улицы, где находилось и офицерское собрание полка.

При сформировании полку было установлено "старшинство", то есть дата основания — 27 марта 1811 г. В российской армии было установлено, что воинская часть в день своего столетнего юбилея получает награду — широкую орденскую ленту, которая укреплялась на древко знамени; для гвардии — голубую, ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, для армии — красную, ордена Св. Александра Невского. Знамя Пултуского полка было украшено александровской лентой 27 марта 1911 г.

Вообще, в российской армии было неплохо поставлено патриотическое воспитание на примерах былых подвигов воинских частей. Этому служили и коллективные награды: Георгиевские знамена, Георгиевские трубы, знаки отличия: нагрудные — у офицеров, на головных уборах — у нижних чинов. Эти знаки, заслуженные в былых сражениях, носились и последующими поколениями солдат. Пропаганде заслуг полка служили и так называемые "полковые знаки", которые были установлены для ношения всеми офицерами и нижними чинами полка. Так как офицеры приобретали знак на собственные средства, а для выдачи нижним чинам он приобретался за счет экономических сумм полка, то знаки изготавливались из различных металлов, с эмалью и без нее. Но и офицеры, жившие на своё жалование, не всегда имели возможность приобретать знаки, изготовленные из золота, так как стоимость их была от 50 до 60 рублей, что равнялось месячному жалованию подпоручика; серебряные с золотыми частями — от 18 до 29 рублей, серебряные — от 10 до 16 рублей, бронзовые — от 4 до 8 рублей, солдатские — от 50 копеек до 1 рубля. (3)

Полковой знак Пултуского полка был утвержден 12 июня 1911 г. Он представляет собой венок, увенчанный двуглавым орлом под императорской короной, на венок наложены вензели Императоров Александра 1 и Николая II, а также римская цифра "С". Венок перевязан лентами, на которых поставлены юбилейные даты "1811-1911". (4) Полк входил в состав 46-й дивизии, состоявшей из 181-го пехотного Остроленского полка, 182-го пехотного Гроховского (1-я бригада), 183-го пехотного Пултуского и 184-го пехотного Варшавского (2-я бригада). Полки 46-й дивизии носили названия городов Царства Польского; надо полагать, что выбраны они были потому, что эти города связаны со славой

русского оружия. Во время подавления восстания в Польше в 1831 г. при городе Остроленке 14 мая произошло сражение, где, несмотря на численное превосходство поляков, они были разбиты, 13 февраля они потерпели поражение в жестоком сражении под Гроховым, 14 (26) декабря 1806 года под городом Пултуском произошло сражение между французским корпусом Ж. Ланна и русским корпусом генерала Л.Л. Беннигсена. Название 184-го пехотного Варшавского полка напоминает о взятии этого города войсками А.В. Суворова в 1794 г. и о штурме 1831 г.

Начальником гарнизона Костромы был генерал — майор Д.П. Парский, в 1908-1910 гг. командовавший полком, а с 1910 г. — бригадой и живший в Костроме в 1908-1914 гг. на улице Марьинской (теперь — Шагова).

В 1913 г. в России широко отмечалось 300-летие дома Романовых. В мае 1913 г. в Кострому прибыл со своим семейством Николай II. Его сопровождали члены Императорской фамилии, Военный министр генерал Сухомлинов, командующий Московским военным округом генерал от кавалерии Плеве, командир 25-го Корпуса генерал — лейтенант Зуев, начальник 46-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Долгов, командир бригады начальник Костромского гарнизона генерал-майор Парский. В первый же день, 19 мая 1913 г., Николай II принял почетные караулы от 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка и 183-го пехотного Пултуского полка, причем большее внимание он уделил пултусцам, так как в Костроме они были расквартированы постоянно. На правом фланге почетного караула стояли военный Министр и другие генералы, которые проходили вместе с караулом перед царем церемониальным маршем. Трудно представить нынешнего военного Министра "печатающим шаг" в строю почетного караула!

На другой день пребывания царя в честь закладки памятника "300 лет дома Романовых" был устроен парад Костромского гарнизона, которым командовал генерал Парский. Войска показали отличную строевую выправку, и царь остался доволен. Затем он посетил офицерское собрание и казармы 4-го батальона на Русиной улице. По окончании парада был дан приказ по войскам Костромского гарнизона: "Его Императорское Величество изволил остаться отменно довольным блестящим состоянием перечисленных частей, за что объявляет монаршее благоволение начальствующим должностным лицам, находившимся в строю; объявляет свое царское спасибо и жалует как строевым, так и нестроевым, имеющим знаки отличия военного ордена, по 5 р., имеющим шевроны — по 3 р., прочим — по 1 р. на каждого". (5)

Мирное течение жизни было нарушено начавшейся 1 августа 1914 г. войной, которую мы реже называли 1-й мировой, а чаще — империалистической, войной, которая унесла более 1

Император Николай II среди офицеров Пултуского полка. 1913 г.

миллиона жизней русских солдат и о которой мы так мало знаем, хотя русские солдаты и офицеры проявили в ней самоотверженность и массовый героизм. Достаточно сказать, что за совершенные подвиги было выдано более 1,5 млн. Георгиевских крестов только IV ст., и самую почетную для офицеров награду, орден св. Георгия, получили более 3500 человек — больше, чем за предыдущие 100 лет существования ордена!

Объявленная 29 июля всеобщая мобилизация прошла очень организованно: мобилизационные мероприятия были заранее спланированы, и их график тщательно соблюдался. В местных отделениях госбанка в специальном сейфе лежали деньги на расходы, которые по объявлении мобилизации командир полка тратил на мероприятия — всем офицерам выдавались подъемные, суточные и жалованье за месяц вперед, а также средства на покупку лошадей тем, кому они были положены. Четвертый батальон разворачивался в полк 2-й очереди. Так из 4-го батальона Пултуского полка был сформирован 322-й Солигаличский полк. На мобилизационные мероприятия полкам 1-й очереди давалось 8 дней, 2-ой — 18, после чего они должны были выступить в поход...

По плану русской ставки главная задача ставилась Северному фронту (генерал Куропаткин) и Западному (генерал Эверт). Юго-Западному фронту генерала Брусилова ставилась задача вспомогательного удара. На деле же только войска Брусилова сумели взломать фронт врага, нанести ему крупное поражение. Командующие же Северным и Западным фронтом под всякими предлогами задерживали наступление, а безвольный Верховный Главнокомандующий и его начальник штаба генерал Алексеев соглашались с их доводами. Наконец, Западный фронт перешел в наступление на Барановичи. С утра 19 июня артиллерийская подготовка была доведена до степени ураганного огня, и на рассвете 20 июня войска 4-й армии с мужеством двинулись на штурм.

Но геройский порыв и блестящий успех остроленцев полковника Аджиева и пултусцев полковника Говорова захлебнулись в крови. Несмотря на это, после артиллерийской подготовки, длившейся целый день, они вновь атаковали противника, но натолкнулись на яростное сопротивление немцев. И вновь отличились 181-й Остроленский и 183-й Пултуский полки. Ими были захвачены 1 генерал, 60 офицеров и 2700 нижних чинов, а также 11 орудий. Большую потерю понес Пултуский полк: атаку на стрелявшую 4-х орудийную батарею возглавил командир полка полковник Евгений Говоров, батарея была захвачена. 31-я австро-венгерская дивизия атакована во фланг и тыл, но герой офицер погиб. За этот подвиг он был посмертно произведен в генералы и награжден орденом Св. Георгия III степени...

В марте 1918 г. был заключен Брестский мир, старая русская армия перестала существовать. А 11 ноября 1918 г. окончилась Мировая война. В честь победы в этой войне страны Антанты для своих солдат выпустили "Победную медаль". На лицевой стороне был изображен символ Победы, на обратной стороне медали надпись : "Великая война за цивилизацию 1914-1918 г.". Цвет ленты для всех стран был один. Такую медаль получили солдаты не только тех стран, которые активно воевали, но и тех стран, участие которых было чисто символическое: Бразилии, Кубы, Сиама. Русские солдаты, пролившие столько крови, не получили ничего... Наоборот, заслуженные ордена, георгиевские кресты и медали носить было запрещено. А потом их стали за бесценок продавать и сдавать золотые ордена в Торгсин. За то, что был офицером, можно было заплатить жизнью. Не по воспоминаниям я знаю об этом — так погиб мой дядя, русский офицер Владимир Корнич. Сын мелкого почтового чиновника, всю свою короткую жизнь он боролся с бедностью, получив среднее образование, ушел воевать, стал офицером и за три поручьичих звездочки заплатил жизнью. Я помню, как моя бабушка и мать, плача, сбивали эмаль с дедовского ордена, чтобы сдать его в Торгсин за несколько килограммов муки. Когда в 1945 г. я попал в Германию, в городах, которые мы проходили, мы видели памятники погибшим в Мировую войну солдатам, где были перечислены все уроженцы города. Наши солдаты и офицеры были забыты, словно их и не было. Пусть моя статья напомнит, что был в русской армии Пултуский полк, солдаты и офицеры которого честно сражались и умирали за Отечество, а оно было, есть и будет у нас одно, и имя ему — Россия.

Виталий ЛОЗОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Андоленко. "Нагрудные знаки Русской Армии". Париж: Танаис. 1966. С. 151.
2. В.К. Шенк. "Гренадерские и пехотные полки". 1912. С. 10.
3. А.И. Деникин. "Путь русского офицера". Москва: "Прометей". 1980. С. 85.
4. Андоленко. Указ. Соч. С. 226.
5. Там же. С. 151.

Дальнейшая судьба 183 Пултуского полка трагична. Летом 1917 года полк в составе 46-й дивизии снялся с позиций и ушел в тыл, после чего командование выслало артиллерийскую бригаду, открывшую огонь по расположению полка, солдаты которого без сопротивления сдались. По распоряжению Временного правительства был учрежден Военно-революционный суд 46-й пехотной дивизии. В годы Советской власти многие офицеры Пултуского полка были репрессированы.

Георгий ЛУКОМСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЛИК КОСТРОМЫ

Нынешняя Кострома, живописно раскинувшаяся на левом берегу Волги, находится очень недалеко от тех заповедных лесов Ветлужского края, где протекают медленно Керженец и Унжа, в прозрачных водах которых отражаются высокие, серые, мохом и грибами поросшие шатры церковные, еще более темные скиты староверческие, мрачные, но просторные храмы святого Варнавы да как кружевом убранные церкви монастыря Макарьевского.

В прозрачную глубину этих вод смотрится вырезной рисунок елей и сосен, лист папоротника прибрежного да белые чашечки ландыша... Неподалеку Кострома и от озер, светлым зеркалом среди дремучих лесов блестящих. На берегах этих вод — древние города: Галич, Чухлома — да старинные соборы Солигаличские. И ясная гладь лесных вод напоминает о том священном озере, с которым связана прекрасная легенда о фантастическом видении сказочного града Китежа.

Недалеко от Костромы и это легендарное озеро, на берегах которого еще в недавнее время "белицы" праздновали весну, поклоняясь богу Яриле, сжигали и хоронили "Кострому".

Все эти воспоминания и впечатления возникают в душе чуткого обозревателя старины костромской при виде церквей ее, вырисовывающихся на фоне заволжских далей.

Конечно, здешним людям (которые завели электричество, построили мельницу-крупорушку да фабрику-белилку), ушедшим с головой в мелочи своих житейских дел, не ощутить этого окружающего их на каждом шагу, полного сказочности архитектурного пейзажа, да подчас они и сами своим обликом входят в весь этот каким-то чудом сохранившийся уклад быта и старины.

Но, покинув иной, стремящийся приблизиться к общему европейскому типу русский город, уже подъезжая к Костроме летом ли или зимой, можно почувствовать эту необычайную, исторически насыщенную художественность облика, наполняющую воображение воспоминаниями о былом, полном фантастической живописности своих образов.

г. Кострома. Ново-Кладбищенская церковь

Еще задолго до пристани, когда на фоне синеющих лесистых далей нежно вырисуются белые колокольни костромские и, заглушая шум парохода, плеск волн, крик чаек и песнопение косарей на лугах, заливных и душистых, послышится разносящийся свободно по водной шири малиновый звон колоколов или когда в прозрачном воздухе, напоенном опьяняющею душистостью цветущих лип и смолистых кедров, покажутся потонувшие в темной зелени монастырские башни с бойницами да главы, золотом блещущие, образ какого-то волшебного города встает на небосклоне живым миражом.

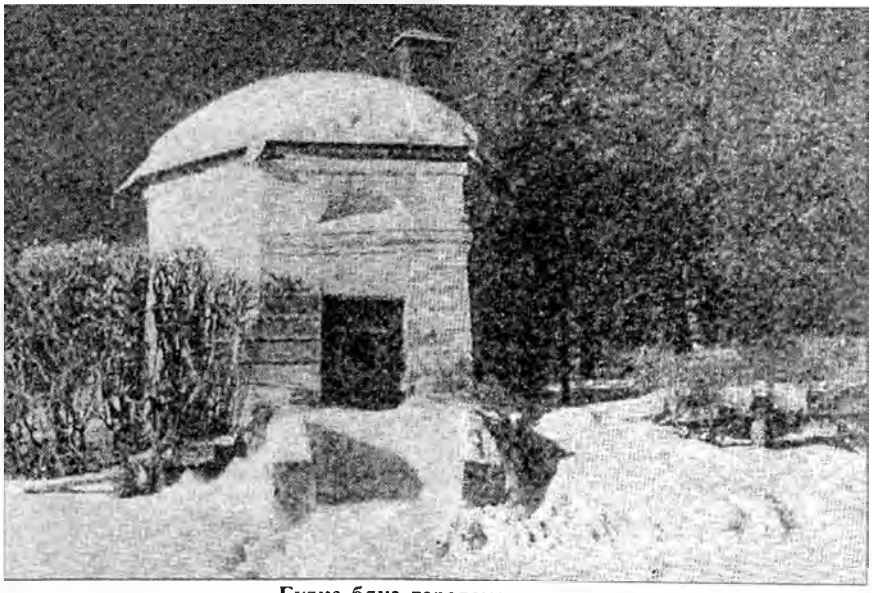
* * *

По зеленым крутосклонам от врат к переходам монастырским разбегаются тропинки; на небе горят одни кресты — золоченые, а внизу темнеют другие кресты — деревянные, прячущиеся на могилках в прохладной тени...

Вот там, выйдя из монастырской ограды через маленькую калиточку, можно предаться мечтам, так хорошо слушать оттуда разносящуюся по широкой равнине заливных лугов песню косарей; в воздухе тогда так тихо, что слышны доносящиеся издалека звуки оттачиваемых кос.

Св. врата церкви Воскресения.

Будка близ городского сада.

Взгляд не встретит здесь ничего, изменяющего ваше впечатление, — вдали блестит лишь узкая лента Волги, а за нею синеют холмы старинного Городища и Селища.

А когда к вечерне зазвонит колокол низкого звука, умолкнут песнопения, угомонятся люди и все в природе, кажется, что даже купающиеся в последних лучах солнца верхушки дерев благоговейно будут слушать эти звуки, сливающиеся гармонично со всею музыкальностью пейзажа.

* * *

Зимой, когда вы едете на тройке с бубенцами московским "большаком" между аллей екате-

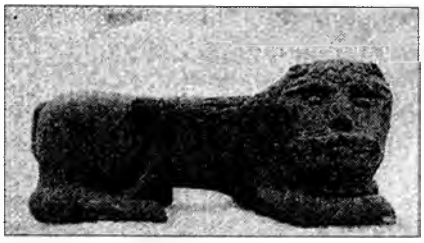
ринских берез заиндевевших и вам покажутся далеко на холме как бы из льда и снега сделанные игрушечные домики, вам видна Кострома!

Зеленые и красные квадратики и ярко-синие и золотые главки, и шары, и белые колонны — это домики и церкви старые, ротонды, аркады и колонны, рассыпавшиеся по берегу ледяной обширной равнины.

Но впечатление увеличивается еще более, когда, переехавшему через Волгу предстанут вблизи эти белоснежные храмы, увенчанные огромными витыми главами с блестящей зеленой чешуей покрытыми шатрами и золотыми куполами, окруженные деревьями и особенно красиво выделяющиеся на бледно-голубом прозрачном небосклоне, когда там загорается вечерняя звезда...

* * *

На фоне черного неба, когда покровом жутким ночь окружит все стены зданий, ярко освещенных огнем фонаря, они покажутся еще живее, еще феерич-нее. Выглядывают тогда исподлобья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволят нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампады, на мебели старинной и у рододендрона широколистого.

Лев Царского места.

Царское место в Троицком соборе.

Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предрассудков и ограниченного счастия всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка.

И церкви с куполами, усыпанными крупными яркими звездочками, увенчанными пирамидами, шпицами и вазами, вытянутыми, сплюснутыми, перевитыми, задекорированными гирляндами и лентами, с затейливым узором оконных наличников, карнизов, с бусами кокошников и порталов, с клеймами резного камня, изображающими то зверя лютого, то птицу-неясыть, то льва геральдического, окрашенными пестрыми колерами в шашку, или в лимонный цвет, на который, как на парчу, положено кружево белых украшений, полны той особенной сказочной прелести, которая бывает под хрустальным кровом колпака или пресс-бювара, в засушенных цветах весны, давно минувшей...

Над старинными стенами свешиваются низко и ласково покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев, придавая фантастический вид всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели,

выглядывают из-за крыш лохматые кедры или рисующие на темном небе, как иней на стекле, узор из страусовых перьев березы.

Насупились и конусообразные верхушки башен монастыря, покрытые снегом и охраняющие златоверхие храмы, что за высокими стенами.

Занесены высокими сугробами снега широкие лестницы паперти, колокольни, церкви, калиточки и ворота заснувших особняков, купеческих и барских, со светящимися оконцами, покрытыми радужными узорами.

Снег лежит и на оградах, и на фонарях, и на гнездах ворон, черными стаями с криком громоздящихся на обледенелых сучьях старых деревьев.

Перед утренею, когда потухают звезды, бледнеет небо и загораются яхонты на краю его, и зазвонят колокола, разве не покажутся тогда волшебными звуки мерного звона, разносящиеся в морозном воздухе по пустым еще улицам?

Или ночью, когда тени так темны, и небо почти черно, и ярок свет фонарей, и все реже и реже мелькают закутанные в огромные шубы силуэты людей, разве не сказочен седой и почти слепой дедушка-сторож с деревянной примитивной колотушкой?

Разве не сказочны наклонившиеся набок и вперед "Триумфальные" ворота с пирамидами, поставленными на шары?

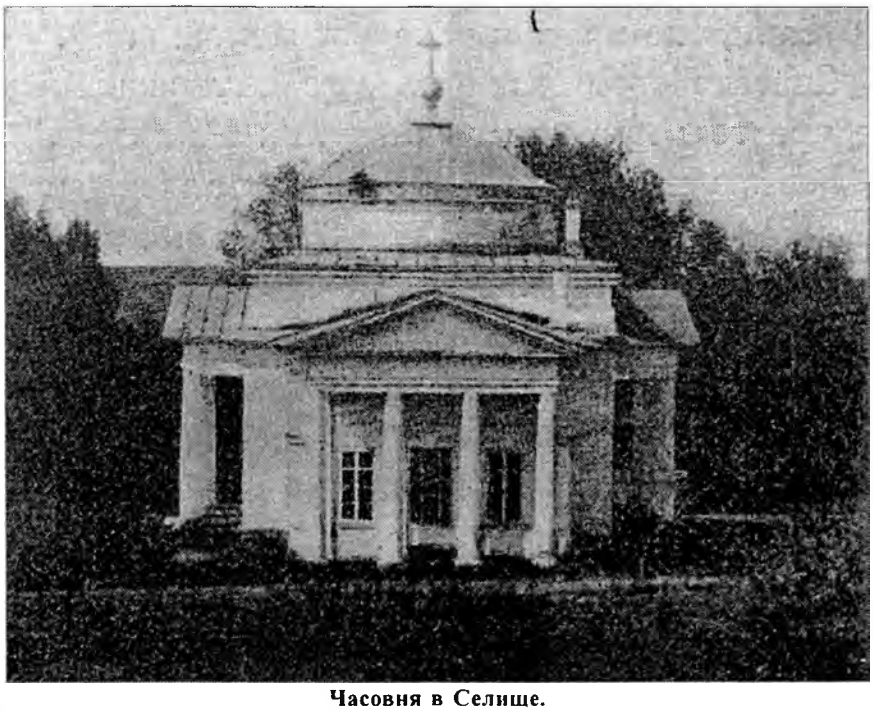
Разве не сказочна и эта желтая церковка с белым кружевом узора и с бусами на кокошниках? Разве не сказочны врата ее низенькие, оттененные колонками с железною дверцею на тяжелом затворе? Разве не покажется вам, что вот дверь заскрипит, приоткроется и из нее, нагнувшись под притолокой, выглянет худой сгорбленный седой старичок в бархатной шапке и в громадной шубе? Разве не сказочны, наконец, эти "барочные" нагромождения соборной колокольни, не раз уподобленной "пагоде индусской"?

Разве не сон сохранившаяся в своем древнем облике железная огромная лампада, что теплится неугасаемым пламенем у лика Богоматери, там, высоко, у закомар соборного храма, озаряя слегка яркое золото его вычурных куполов? Разве не сказочны своим положением поставленные посреди сада или пустынного дворика, окруженного низенькими домиками, занесенными сугробами снега, эти церковки с мохнатыми главками, похожие на скиты одинокие? Разве не фантастичны все эти калиточки, часовенки и купола?

А быт тридцатых и сороковых годов, каким-то чудом сохранившийся до наших дней? Каланча с сонным пожарным, гауптвахта с арестованными офицерами, а полосатые будки часовых и столбы перед постоялыми дворами — неужели все это, столь пригодное для декораций гоголевской и даже грибоедовской пьесы, не чудо, не феерия, а действительность?

А прелесть крепкого аромата бакалейных лавочек, терпкий запах близ "кожевенных линий" или в "табачных рядах", или воркование голубей под сводами "мучных" или "льняных" линий? Во всем этом также выражается провинциальная жизнь.

А чугунные решетки, украшенные гирляндами из черных цветов, вырастающие как бы из снега, а иконы, восьмиугольные, круглые, под сводами гостиных дворов? А этот скрип клеенкой обитых трактирных дверей, из которых валит пар и вкусный запах, а обитые стеклярусом карусели с пегими, рыжими и воронымы лошадками, удивленно смотрящими блестящими глазами и на радость детворе кружащимися под звуки инструмента из бутылок, до половины налитых водою? А танцы под громыхание духового оркестра в белоколонном зале Дворянского Собрания, где встретить можно еще типы давнишних времен: дам в желтых парчовых нарядах, в платках ярко-узорчатых, с белыми страусовыми перьями в пудреных волосах, или мужчин в костюмах "времен очаковских и покоренья Крыма"...

Часовня в Селище.

Проникнув через затворы врат из старинных железных цепей в уютные церковки костромские и ощутив все сохранившееся здесь религиозное настроение, взглянув на чудеса, изображенные на фресках, увидев апокалипсических страшных коней, бледных, рыжих, черных, белых, на фоне аллей и трельяжей, увитых виноградными лозами, средневековых юношей, близ гротов и террас усаженного померанцевыми деревьями фантастического сада, можно испытать чувство еще большего художественного наслаждения. А черные, красные, золотые и светло-серые краски фресок, покрывающих стены папертных пристроек, или голубые, рыжие и коричневые, покрывающие своды, абсиды и столбы, разве они не говорят все о том же волшебстве постижения красоты нашими предками?

А разве не чаруют иконы в басменных, филигранных, перламутровых и усыпанных самоцветными каменьями окладах, искрящиеся при свете трепетного пламени свечи, как чистый снег на ярком солнце? А разве не прекрасны лики икон — темные, оливковые, коричневые, лаком крытые, с дугообразными бровями и удивленно, кротко на мир смотрящими глазами? А вот кресты "песочком иорданским" и с частью одеяла Пафнутия Боровского, разве они не говорят о вере, без критицизма, без колебаний все в то же чудо, все в ту же красоту?

Красива Кострома и осенью, когда в багрянце и золоте листвы купаются ярко-синие купола и зеленые шатры ее церквей.

Есть прелесть значительная в Костроме и раннею весною, когда в половодье вода, окружая весь город, подходит к Ипатьевскому монастырю, и он кажется плавучим зеленым островом. Длинные серые заборы охватывают тогда море яблоневого цвета; кружатся над крышами змеи

Гостиница "Старый Двор" (до перестройки).

бумажные, запущенные мальчишками; высоко и пугливо перелетают с крыши на крышу голуби, серые, сизые, пегие, сверкая белым крылом на фоне грозовой майской тучи...

А над церквами парят жаворонки, славословящие красоту, доступную им больше, чем многим людям, лишенным чутья прекрасного и не замечающим ее даже тогда, когда, как в Костроме, она их окружает почти всюду.

Из книги Кострома. Исторический очерк В.К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского. СПБ. 1913.

Имеем сообщить

Любезные читатели журнала и почитатели старины!

Уведомляем вас о предполагаемом репринтном издании живописного путеводителя по Костроме братьев В.К. и Г.К. Лукомских. Книга увидела свет в 1913 году к дням празднования 300-летия Дома Романовых и впервые может быть переиздана как подарок жителям и гостям города к 850-летию Костромы. Заявки на издание (от одного экземпляра и более) вы можете сообщить по телефону:

51-67-38,
или письменно: Кострома, 156000,
пр-т Мира, 7, "Губернский дом".

Ушедшая красота

Знакомые места города: торговые ряды, сквер подле них, пруд на улице Шагова, Молочная гора... Вроде бы, все так же, как и в начале уходящего века, но потеряно что-то большое и важное. Улицам и площадям возвращаются прежние названия, но как вернуть исчезнувшую с лица города Красоту? Нет больше храма Петра и Павла по улице Щемиловке — и сердце щемит...

Петропавловская церковь на Щемиловке.

Церковь Козьмы и Демьяна на Марьинской.

Кострома — Александровская Часовня

Панорама, открывающаяся с Молочной горы.

ТАЙНА ЗАГАДОЧНОГО СЛОВА

Кострома, Кострома,
Зачем ты нас покидаешь,
Зачем оставляешь?..

Закутанная в белое, обвитая гирляндами из полевых цветов и зелени, с кудрявой дубовой веткой в руке ступает по траве прекрасная босоногая богиня... А из темнеющей рядом дубравы движется за ней Смерть, хлещет, как косой, сухой веткой, настигает, рвет и топчет цветы...

Смерть божества. Сколько раз и целые народы, и отдельная душа будут жаждать возрождения и бессмертия, которые бы дали надежду и им на другую, разумеется, лучшую жизнь. Древние, как дети, играли в смерть своей Костромы, приняв ее смерть как необходимую прелюдию к возвращению-возрождению жизни.

На умирающую Кострому и Смерть играющие парни и девушки выливали бочку с водой, потом на носилках несли хоронить, бросали в воду. Вот и кончилась игра в Кострому — грязные, мокрые и веселые ее участники шли гулять да пировать...

Иван Миловидов, член костромской архивной комиссии, записавший этот языческий обряд похорон божества весны — Костромы, в конце прошлого века уверял читателей, что именно от него город и река получили свое название.

С тех пор возникало еще, кажется, до двух десятков версий-прочтений этого таинственного, так и не раскрытого смысла, запечатленного в имени Кострома. Однако все же предпочтение отдавалось древнему божеству весны. И эта гипотеза так понравилась, что стала кочевать из одной книги в другую. Хотя интересно, что в первом и единственном словаре славянских мифов известного словиста Андрея Сергеевича Кайсарова языческого божества с таким именем вообще нет. Кострома здесь — имя куклы-чучела, символизирующей дух растительности, а "похороны Костромы" — летний аграрно-магический обряд, который у нас справлялся обычно, как значится у автора, на следующей неделе после дня летнего солнцестояния — 29 июня на Петров день. Оплакивая уходящую, увядающую, умирающую силу растительного духа, древний человек таким образом готовил возрождение Костромы в будущем. Здесь можно обратить внимание на любопытное, правда, не совсем точное совпадение. Праздник города у нас тоже отмечается в июне.

Не только в костромской стороне, но и в Саратовской губернии, Муроме, Ростове, Вятке, даже на Украине бытовал этот обычай, похожий на детскую забаву. Только обрядовые куклы из соломы или прутьев или ряженые девушки именовались по-разному: Кострубонька, Кострома, Купала, Морена...

Многие исследователи старины, древних языков, топонимики географических названий вообще не связывали слово "Кострома" с образами языческих божеств. Тот же Кайсаров, например: "Костро-ма, т.е. поросшая земля".

"Этимологический словарь русского языка" Макса Фасмера давал другое толкование. Кострома — покойник, умерший неестественной смертью, который представляет опасность для живых. Князь Козловский, историк костромских древностей, выводил название города от костров льда, которые весною во время разлива обычно громоздились на берегу реки Костромы, где стоит город. Похожая версия была и у журналистов "Костромских губернских ведомостей", где в 1855 году написано, что река и город названы по огромным кострам леса, которые во время сплава прижимаются к ее берегам. В некоторых же говорах "костромой" называют сорную сухую траву, прутья, годные только для костра.

А Даль выводит семантику этого имени от слова "костер — т.е. высокий сруб, выступ городской стены". В псковских летописях также значатся слова "костр", "кострыга" — в смысле крепость, укрепленное место, город.

Позднее другие именитые ученые считали, что расшифровать имя Костромы, так же, как и многих других названий городов и рек северного Заволжья, не представляется возможным по причине того, что определяющий слог "-ма" свидетельствует о древнем неизвестном языке, который не подлежит дешифровке. Еще в 1865 году Михаил Диев на чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских в Москве обратил внимание ученых на язык "таинственный", оставшийся в народе под названием "елтонского". "Этому языку одолжены названия здешних городов: Костромы (костр, кострыга — город), прибавьте к этому слову мордовское "масть" — красивый, следовательно, Кострома — значит "красивый город..."

Исследуя общее и разное у славянских племен, народов Чудь и Мери, населявших костромскую сторону до XII века, обычаи и язык их соседей — мордвы, черемисов и других народностей, может быть, будущие исследователи и смогут открыть тайну загадочного слова — Кострома. Слава Богу, что наш Красивый Город, где в древности заключались важные княжеские союзы и соглашения, где проходили церковные соборы, где укрывались от вражды и зависти благочестивые князья и государи, еще сохранил свою былую красоту, свои святыни и свою ауру добра и мира.

Татьяна ГОНЧАРОВА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

1/99 (32)

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Любезные читатели!

В 1999 году выйдет второй тематический номер журнала из серии, посвященной 850-летию города, — "Кострома торговая". В нем можно будет узнать о начале торгового дела в Костроме и возникновении первых мануфактур, ближе познакомиться с известными костромскими купцами, меценатами и благотворителями, вспомнить забытые ныне промыслы, побывать на базарах и ярмарках, в магазинах и лавках, питейных и прочих увеселительных заведениях. О датах и событиях в торговой жизни города расскажет "Костромской летописец".

Тема же следующего номера — история и культура соседнего с городом Костромского района (уезда). Предполагается совершить путешествие по его памятным местам, познакомиться с традициями и обрядами, народным краснословием костромской земли, встретиться с интересными людьми, живущими на ней сегодня.

Редактор Николай Муренин
Художник Юрий Бекишев
Исторические снимки К.К. Буллы, В.Н. Кларка, Д.И. Пряничникова, М.Ф. Риттера, А.Ф. Шмидта, из коллекций А.А. Анохина, Г.П. Белякова, из фотофонда областного государственного архива
Компьютерный набор — Екатерина Соколова
Корректура — Татьяна Бекишева
Подготовка оригинал-макета — Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, пр. Мира, 7, тел. 51-67-38.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 5.10.98 г. Подписано к печати 1.12.98 г. Заказ № 4664.
Печать офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 1500 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом", отпечатано в областной типографии им. М. Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г. Кострома, ул. Щербины, 2.

Проводы “Костромы”.
Гравюра по рисунку Н. Дмитриева-Оренбургского.